

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Юридический факультет

КАЗАНСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ:

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Учебник Казанского университета

Коллектив авторов

**Казанские юридические школы:
эволюция образовательных
и научных традиций в
современной юриспруденции**

«Статут»

2016

УДК 34:378
ББК 67:74.58

Коллектив авторов

Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции / Коллектив авторов — «Статут», 2016 — (Учебник Казанского университета)

ISBN 978-5-8354-1229-7

В настоящую книгу, которая представляет собой коллективную монографию преподавателей юридического факультета Казанского университета, а также ведущих представителей науки и практики других российских вузов и организаций, вошли материалы по эволюции образовательных и научных традиций Казанской юридической школы. Издание направлено на дальнейшее развитие правовой доктрины России, а также выработку рекомендаций для совершенствования законодательства, судебной и иной юридической практики. Для студентов, профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, юристов-практиков, а также всех тех, кто интересуется историей и современным развитием российского законодательства.

УДК 34:378
ББК 67:74.58

ISBN 978-5-8354-1229-7

© Коллектив авторов, 2016
© Статут, 2016

Содержание

Вступительное слово	5
Глава 1	7
§ 1. Юридическое образование в России и становление юридического факультета в Казанском университете	7
§ 2. Зарождение научных юридических школ в Казанском университете	23
Глава 2	37
§ 1. Теория естественного права И.-Х. Финке и ее влияние на государственное устройство и систему права России	37
§ 2. Философия права А.Г. Станиславского: истоки и трансформация	50
§ 3. Проблемы методологии реализации права и правоприменения в научных традициях Казанской юридической школы	54
§ 4. Об экзистенции теоретической юридической науки	66
§ 5. Методология уровневого подхода в трудах ученых Казанской юридической школы	75
Глава 3	80
§ 1. Наука конституционного права и ее развитие	80
§ 2. Вопросы становления и эволюции местного самоуправления в трудах В.В. Ивановского	87
§ 3. Основы теории государственного управления в трудах Н.А. Волкова и Казанская школа административного права	94
§ 4. Республики Российской Федерации в формате современных межнациональных отношений	98
§ 5. Конституционные принципы участия России в межгосударственных объединениях	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции

Вступительное слово

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается работа, представляющая собой коллективную монографию преподавателей юридического факультета Казанского университета, а также ведущих представителей науки и практики других российских вузов и организаций.

Центральной темой настоящего издания являются вопросы эволюции образовательных и научных традиций Казанской юридической школы, и такая постановка вопроса не случайна.

В 2014 г. в Казани прошла целая серия мероприятий, посвященных 210-летию Казанского (Приволжского) федерального университета и его юридического факультета.

Кульминацией юбилейных мероприятий выступила масштабная международная научно-практическая конференция «Юридическая наука и образование в XXI веке», которая была успешно проведена 25–26 сентября в Казанском университете. Участие в конференции приняло свыше 200 участников из крупнейших университетов России и иностранных государств, а также практические работники из различных федеральных министерств и ведомств, а также юридического сообщества.

Одной из ключевых целей проведения конференции являлся обмен информацией между специалистами разных стран, вузов и организаций. Мероприятие предоставило идеальную возможность для создания научной платформы для дискуссий представителей различных юридических школ и направлений, для развития контактов, дало возможность встретить партнеров для создания новых совместных проектов.

Конференция запомнилась насыщенной программой, захватывающими дискуссиями и атмосферой невероятного гостеприимства.

По итогам конференции было принято решение о подготовке специального юбилейного издания, в котором отражалась бы вся многолетняя работа и результаты деятельности представителей юридической науки в Казанском университете за 210 лет его существования.

Было очень важно проанализировать исторические традиции и сегодняшние реалии, показать основные научные школы, сформировавшиеся на юридическом факультете Казанского университета, и отразить те идеи, которые оказались актуальными, проверенными временем, или же, наоборот, отброшенными современной доктриной и законодательством.

Исходя из основных направлений работы юбилейной конференции, в структуре монографии были сформулированы основополагающие для Казанской юридической школы вопросы: юридическое образование и наука в Казани: истоки становления; общетеоретические научные воззрения в Казанском университете: проблемы государства и права; государственное устройство в Казанском университете и современные проблемы государственного устройства России; роль Казанской юридической школы в формировании российской науки международного публичного и частного права; казанская школа гражданского права: связь прошлого и настоящего как основа современного правового развития; доктрина гражданского процессуального права и исполнительного производства в Казанском университете: история и современность; экологическое право: становление и развитие нового научного направления; российское уголовное

право в Казанском университете: научные традиции в современной интерпретации; уголовный процесс: концептуальные идеи и современные подходы их реализации; традиции правового педагогического образования и просвещения в Казанском университете.

В конечном итоге материалы, содержащиеся в представленной монографии, – это своеобразное лицо и современного юридического факультета Казанского университета, отражающее его текущее состояние.

Авторский коллектив монографии очень рассчитывает на то, что настоящее издание будет направлено на дальнейшее развитие правовой доктрины России, а также выработку рекомендаций для совершенствования законодательства, судебной и иной юридической практики.

Авторы монографии надеются, что ее материалы будут интересными и полезными для студентов, профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, юристов-практиков, а также всех тех, кто интересуется историей и современным развитием российского законодательства.

Редакторы издания

Глава 1

Юридическое образование и наука в Казани: истоки становления

§ 1. Юридическое образование в России и становление юридического факультета в Казанском университете

Юридический факультет Казанского университета имел своим предшественником нравственно-политическое отделение, созданное по Уставу 1804 г. Учебные предметы, которые должны были читаться студентам этого отделения, группировались по следующим кафедрам: 1) богословие догматическое и нравоучительное; 2) толкование священного писания и церковная история; 3) умозрительная и практическая философия; 4) естественное, политическое и народное право; 5) право гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи; 6) права знатнейших как древних, так и нынешних народов; 7) дипломатика и политическая экономия.

Профессора перечисленных кафедр могли читать и дополнительные предметы. Такая совокупность учебных дисциплин входила в понятие «Правоведение», введенное в употребление предварительными правилами народного просвещения, изданными в начале 1803 г. Задачи правоведения как отрасли высшего образования были наиболее полно очерчены в правилах для юридического отделения Дерптского университета 1802 г. и заключались в том, чтобы разъяснить учащемуся «политическое его отношение к правительству, разным сословиям и частным людям; его обязанности к оным и права, каких от них ожидать и требовать может, образовывать защитников правоты сограждан своих и угнетенной невинности»¹.

Следует сразу оговориться, что этот круг задач можно применить к нравственно-политическому отделению Казанского университета только условно, ибо собственно правовые дисциплины преподавались в нем наряду с «нравственно-политическими»². К тому же разделение университета на отделения в первое десятилетие его существования было только номинальным и полностью реализовалось лишь в 1814 г. Весьма немногочисленное количество студентов всех отделений прослушивало предметы полного университетского курса³. Так, один из первых студентов университета, его будущий ректор и крупнейший ученый-математик Н.И. Лобачевский помимо полного курса физико-математического отделения прослушал «курс философии, всеобщей и российской истории... и прав, естественного, гражданского и народного»⁴.

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1805. СПб., 1875. С. 120. Как бы демагогически ни звучала эта формулировка, не нужно забывать, что в описываемое время в русском обществе и ближайшем окружении Александра I были рьяные противники университетского образования, откровенно заявлявшие, что если вообще «любовь у наукам и забота о них есть опасная ошибка, то особенно вредно изучение «прав», ибо в раннем возрасте человеку полезно знать из общественного устройства только три вещи: «первое – что Бог сотворил человека для общества, второе – что для общества необходимо правительство, третье – что каждый обязан повиноваться властям...» (Сухомлинов М. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. С. 34).

² Последние в количественном отношении вначале даже превалировали над первыми.

³ Как свидетельствует один из историографов Казанского университета Н.Н. Булич, в эти первые годы «преподавание носило весьма неопределенный характер: о какой-либо специальности и думать было нечего... С лекции, где разбирались стилистические красоты ломоносовской оды, студенты шли слушать теорию гальванизма: от объяснений... Овидия переходили к тригонометрическим задачам, с германского права шли на ботанические лекции» (Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Казань, 1887. Ч. 1. С. 51).

⁴ Модзалевский Л.Б. Материалы к библиографии Н.И. Лобачевского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 143.

Серьезным недостатком в преподавании политических и правовых предметов в тот ранний период было чтение их на иностранных языках: латинском, немецком, французском, – ибо основной костяк преподавателей составляли профессора-иностранцы. Учебников и учебных пособий на русском языке не было. В этих условиях лишь отдельные студенты нравственно-политического отделения смогли завершить юридическое образование, а среди них только единицы подготовились к профессорскому званию. К числу их следует отнести Н.М. Алехина, Е.П. Манасеина; первый специализировался по римскому праву, российскому гражданскому и уголовному праву, второй – в области естественного права. Поэтому вступление в состав преподавателей нравственно-политического отделения первого русского ученого-правоведа Г.И. Солнцева в 1814 г. стало заметным событием, оставившим след в жизни не только этого отделения, но и всего университета. Это был высокообразованный для своего времени человек, получивший духовное и светское высшее образование. Уровень показанных Гавриилом Ильичем Солнцевым на магистерских экзаменах знаний в сочетании с представленными сочинениями по римскому праву, энциклопедии и методологии права обеспечил ему получение не магистерской, а докторской степени. Для Казанского университета это была первая докторская степень, полученная русским ученым⁵. Заняв в 1817 г. кафедру прав знатнейших как древних, так и новых народов, он в ближайшие годы стал преподавать и многие другие правовые дисциплины и читал их на высоком уровне. Для преподавания Г.И. Солнцева характерен метод сравнительного правоведения, который он стремился использовать, сопоставляя «права знатнейших народов» с российскими законами. Методические основы, которых придерживался Солнцев, изложены им в особом мнении относительно самого способа преподавания наук в университете. Сочетая научную подготовку с практической (ранее он несколько лет прослужил в Сенате), Солнцев организовал практические занятия студентов в виде юридических состязаний, чтобы приучить их «доказывать каждую статью из прав словесно и письменно...»⁶. Одновременно Солнцев продолжал и собственно научную деятельность, разрабатывая науку римского гражданского и уголовного права, а также принимая непосредственное участие в переводе на русский язык двух учебников по естественному праву – И.-Х. Финке и Ф. Рейнгарда. Деятельность Г.И. Солнцева не осталась без внимания: в 1818 г. он избирается деканом нравственно-политического отделения, затем проректором университета; в 1819 г., после смерти ректора И.О. Брауна, Солнцев был назначен на один год ректором Казанского университета.

Однако в России уже давно сгущались тучи над молодой университетской наукой. Последствия французской буржуазной революции, всенародный подъем в России в период Отечественной войны 1812 г. заставили правительство Александра I искать новые средства для укрепления самодержавно-крепостнического строя. Был создан «Священный союз государей Европы» во главе с царской Россией, а внутри страны был предпринят поход воинствующей реакции против «духа неверия и лжемудрия», которым якобы были заражены русские университеты. Первой жертвой этого похода стал Казанский университет, ревизию которого летом 1819 г. провел реакционер-фанатик М.Л. Магницкий, назначенный затем попечителем Казанского учебного округа. Магницкий видел прямую связь между философским содержанием наук и событиями Великой французской буржуазной революции. В Казанском же университете в первые полтора десятилетия его существования преподаванию философских дис-

⁵ Сановная аристократия, стоящая во главе ведомства народного просвещения, не могла простить Солнцеву ни его «плебейского» происхождения (он был сыном сельского священника), ни быстрого взлета его ученой карьеры. В период, предшествующий наполеоновскому вторжению, русские чиновники от науки были рады принять в университет любого дипломированного иностранца, отдавая ему предпочтение перед отечественными учеными. Так, в глазах одного из попечителей Казанского учебного округа М.А. Салтыкова Г.И. Солнцев был не более чем «выскочка».

⁶ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1891. Ч. 2. С. 254.

циплин уделялось значительное внимание вообще и в нравственно-политическом отделении в частности. Логика и метафизика, нравственная философия и психология, история философии – вот круг философских наук, которые предшествовали изучению собственно правовых дисциплин⁷. Философскую часть самой науки о праве составляло так называемое «естественное право», преподавание которого занимало тогда центральное место и обеспечивалось лучшими преподавателями факультета (И.А. Финке, Г.И. Солнцев)⁸. В сочетании с деистским мировоззрением ряда ученых такая направленность преподавания и привлекла к себе внимание правительства, которое решило с помощью Магницкого не только расправиться с передовой наукой, но, обезвредив ее, заставить служить укреплению самодержавия⁹. Единственно прочной «основой» всех наук отныне должны были стать самодержавие и православие, а вся новая структура «народного просвещения» должна была выражать его «национальный» дух¹⁰. Так закладывались основы теории «официальной народности».

В двух специально разработанных «инструкциях» – ректору и директору Казанского университета – Магницкий по-своему, т.е. на догматах православия, «обосновал» все университетские науки. Полностью оказалось выхолощенным содержание естественного права: место естественных, природных прав человека и общественного договора, как основы общественной организации, прочно заняли религиозные «истины». Получив санкцию императора, эти «инструкции» приобрели характер правовых актов и действие их было распространено также на Петербургский и Харьковский университеты. В связи с ревизией Магницкого Казанский университет оказался буквально разгромленным: преподавание всех предметов переведено на новые «теоретические» основы православия; из студенческой библиотеки изъяты «крамольные» сочинения; уволены многие преподаватели. Особенно пострадало нравственно-политическое отделение; все его кафедры оказались соединенными в одну «кафедру прав», а в числе преподавателей осталось всего три человека.

Вершиной же этой расправы стал университетский суд над профессором Г.И. Солнцевым, тянувшийся два года. Его судьба как ученого и преподавателя была решена в административных сферах задолго до окончания суда¹¹, однако реакционерам было необходимо, чтобы осуждение Солнцева исходило от самой ученой корпорации. По свидетельству историографов университета (Н.Н. Булича, Н.П. Загоскина), суд этот был настоящим актом инквизиции, хотя «судьи» до смерти боялись Солнцева и как ученого, и как юриста. Свою защиту Солнцев взял

⁷ «Преподавание философии и логики и кафедра философии, – пишет один из современных исследователей, – оказались в сфере пристального внимания общественности и университетского руководства. В противоположность реакции, насаждавшей на кафедре философии идеализм и мистику, передовые деятели университета отстаивали право на свободную и самостоятельную мысль, стремились к приглашению на философскую кафедру лучших, прогрессивных по своим взглядам преподавателей» (Тузов Л.Л. Из истории философской мысли в Казанском университете. Полемика А.С. Лубкина против кантовской философии // Ученые записки Казанского университета. Т. 116. Кн. 5. Общеуниверситетский сборник. Казань, 1956. С. 268).

⁸ «Благодаря этому из всех отделений старого университета... отделение нравственных и политических наук давало... более всего духовного и нравственного содержания своим слушателям...» (Булич Н. Из первых лет Казанского университета // Ученые записки императорского Казанского университета. 1890. Кн. 1. С. 59).

⁹ Не случайно ставленник Магницкого и проводник его идей на посту ректора Казанского университета – Г.Б. Никольский, сменивший Солнцева, уподоблял деистов «малым антихристам» (см. речь Г.Б. Никольского на торжественном собрании университета 17 января 1821 г. (Казанский Вестник. 1821. Кн. 5. С. 50)).

¹⁰ Прямую связь между самодержавием и православием весьма откровенно показал сам Магницкий, открыто заявив, что «самодержавие без православия есть одно насилие» (см.: Магницкий М.Л. Краткий опыт о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной его императорского Величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 369).

¹¹ Уже летом 1821 г. министр народного просвещения «временно» отстранил Солнцева от преподавания. Магницкий, став попечителем, конфиденциально писал новому ректору Никольскому в декабре 1822 г.: «Я намерен представить об увольнении Солнцева. В сей мысли мы с Вами встретились» (см.: Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете, ед. хр. 4777, л. 25 об., подлинник. Публикуется впервые).

на себя. Решение суда было следующим: лишить Солнцева профессорского звания и права преподавания в любых учебных заведениях¹².

Изгнав из правовых предметов всю философскую часть, придав преподаванию естественного права новое, «обличительное» направление, отказавшись даже от преподавания римского права и совместив все собственно юридические дисциплины в одной «кафедре прав», попечитель и университетское руководство свели все юридическое образование к изучению действующего законодательства царской России. Единственный ученый-правовед, который стал во главе объединенной кафедры, профессор П.С. Сергеев, специально для этого перемещенный Магницким из Петербурга в Казань, с полным учетом «инструкций» ректора Казанского университета и последующих указаний Магницкого, предложил соответствующий учебный план нравственно-политического отделения¹³. При дальнейшем обсуждении и уточнении этого плана, проходившем уже под руководством нового ректора Н.И. Лобачевского, который часто принимал личное участие в заседаниях юридического факультета, было сформулировано понятие «политического права», в которое включались, помимо теоретической части, «положительное право государственного устройства России и право государственной службы». Кроме того, Н.И. Лобачевский настоял на включении в перечень учебных предметов римского частного права, как общего «основания теории законов»¹⁴. В угоду дворянству обширной Казанской и соседних с ней губерний, откуда в нравственно-политическое отделение шел основной состав студентов-дворян, было высказано мнение об обязательном преподавании «права военного и военного судопроизводства, как весьма полезной части для тех студентов, которые пожелают вступить на военную службу»¹⁵.

Такое положение в Казанском университете отвечало начавшейся общей перестройке всего нравственно-политического образования в России, обращению к изучению российского законодательства в его исторической и положительной частях, что обеспечивалось, в частности, инкорпорацией всего русского правового наследия со времен Уложения царя Алексея Михайловича, осуществлявшейся под руководством М.М. Сперанского. Все это вместе взятое должно было исторически оправдать самодержавие, подвести под него «правовую базу». Реорганизация завершилась принятием реакционного устава российских университетов 1835 г. Однако длительный период перестройки «отделения прав» Казанского университета (именно такое название прозвучало впервые в официальных документах университета в конце 20-х годов) был чрезвычайно сложным. «Дело о разделении юридической кафедры» практически затянулось до введения в действие нового устава, что само по себе заняло несколько лет, в связи с чем университет не получал ни новых штатов, ни дополнительных средств на организацию требуемых кафедр. Вся тяжесть преподавания ложилась на плечи одного профессора, двух-трех адъюнктов и нескольких студентов-кандидатов, выступавших в роли репетиторов¹⁶.

¹² Однако сломить такую сильную личность, как Солнцев, было непросто, и еще до окончания комедии суда он получает новое назначение, но уже по ведомству министерства юстиции: председателем Казанской палаты уголовного суда. Через год его перевели на должность казанского губернского прокурора (более скромную, чем прежде, при наличии военного губернатора), и занимал он этот пост более 20 лет, до выхода своего на пенсию в 1844 г. (см.: *Агафонов Н.Я.* Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 46). Однако не это самое главное в библиографии Солнцева: до конца своих дней он не терял интереса к науке и связей с Казанским университетом, постоянно присутствуя на публичных «диспутах» (защитах диссертаций), а иногда и принимая в них участие в той или иной форме, о чем свидетельствуют современники. На посту губернского прокурора он активно содействовал открытию в Казани института благородных девиц – первого в Поволжье учебного заведения для женщин. Умер Солнцев в возрасте 90 лет, в 1866 г. В последний путь его провожали ученые Казанского университета, а «прощальное слово, достойное заслуг, знаменитого юриста», произнес А.М. Бутлеров (см.: *Агафонов Н.* Краткие сведения о жизни Гавриила Ильича Солнцева. Казань, 1867. С. 27).

¹³ *Загоскин Н.П.* История Казанского университета. Казань, 1904. Ч. 3. С. 448.

¹⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, опись юридического факультета, ед. хр. 5, л. 14.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Институт репетиторства возник с первых лет существования нравственно-политического отделения в связи с необходимостью «репетировать», повторять лекции профессоров-иностранцев. Постепенно это вошло в обязанность студентов-канди-

Отсутствие подготовленных преподавательских кадров, новая волна иностранцев, заполнивших юридический факультет (на сей раз это были бездарности, оставившие печально-смертвенную память у студентов, – Г.Б. Винтер, Г.Л. Фогель, Л.Ф. Камбек), – все это не могло обеспечить должного уровня ни в преподавании, ни в научной деятельности. А ничтожное количество студентов, учившихся в те годы на факультете, затрудняло подготовку кадров для государственного аппарата¹⁷.

Как уже говорилось выше, введение Устава 1835 г. заняло несколько лет. Только 24 июня 1837 г. на заседании Совета Казанского университета был рассмотрен новый учебный план, согласно которому на юридическом факультете учреждалось семь кафедр со следующим распределением учебных предметов: 1) кафедра энциклопедии прав и государственных учреждений включала в себя энциклопедию права, государственные учреждения Российской империи, права состояний и теорию государственного права; 2) кафедра римского законоведения с его историей – историю римского права, догматическую часть римского права (институции и пандекты); 3) кафедра гражданских законов – историю русского законодательства, гражданское право, межевые законы и права присоединенных провинций, а также судопроизводство; 4) в круг предметов кафедры законов благоустройства и благочиния попадали законы о народонаселении, народном продовольствии, общественном призрении, о благоустройстве в городах и селениях, о праве фабричном и ремесленном, о правах коммерческих, об уставе кредитных установлении, уставе путей сообщения и строевом уставе; 5) кафедра законов о государственных повинностях и финансах объединяла законы о повинностях и государственных имуществах, законы монетные, горные, соляные, законы о податях и пошлинах, питейном сборе и акцизе, о таможенном уставе; 6) кафедра законов полицейских и уголовных включала теорию уголовного и полицейского права, судебную медицину и медицинскую полицию, уставы пожарный, о паспортах и о беглых, законы о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей и ссыльных, а также уголовное право России и присоединенных провинций с уголовным судопроизводством; 7) кафедра «начал общественного правоведения» включала теорию народного права и дипломатию, а также практику дипломатии и практическое народное (международное) право. Церковная теория, догматическое и нравственное богословие объявлялись общефакультетскими предметами, так же как логика, психология и российская статистика; политическая экономия и финансовая наука были обязательными для юристов и словесников¹⁸.

Реальное осуществление учебного плана, составленного на основе Устава 1835 г., по-прежнему упиралось в вопрос о кадрах. Выход был возможен в двух направлениях: а) в более активной подготовке молодых преподавателей из числа собственных студентов-кандидатов и б) в привлечении в университет русских ученых со стороны. Казанский университет исполь-

датов, руководимых специальным педагогическим институтом, созданным внутри Казанского университета. Репетиторство, как один из методов преподавания, сохранялось в течение чуть ли не всего XIX века. Министерским предписанием от 16 августа 1842 г. было рекомендовано сократить либо полностью отменить репетиторство, однако юридический факультет представил в совет университета свое мнение о необходимости сохранения «репетиций», утверждая, что в некоторых случаях они бывают полезнее самих лекций, так как «не только знакомят преподавателей с достоинством их слушателей, но указывают на непонятные места их чтений и пополняют самые курсы изъяснениями и дополнениями, на них делаемыми» (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 184, л. 19 об.). Из этих слов можно сделать вывод, что репетиторство проводилось в основном самими лекторами и носило характер повторения пройденного материала. В последние десятилетия XIX века «репетиции» превратились в собеседования – «коллоквиум» (см. там же, ед. хр. 416, л. 4).

¹⁷ Так, например, в 1830–31 академическом году в «разрядах» (курсах) факультета обучались: на 1-м – пять человек, на 2-м – семь, на 3-м – один, окончивших полный факультетский курс было семь человек (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 47, л. 1–2, 8). В качестве «своекоштных» студентов эти представители дворянской молодежи пользовались правом свободного выбора своей дальнейшей карьеры после окончания университета. Имеются данные, что многие из них занимали места учителей правоведения в так называемых благородных пансионах при гимназиях губернских городов.

¹⁸ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 49, л. 105–106. Уже дореволюционные историографы университета справедливо указывали, что Устав 1835 г. ориентировал на изучение не прав, а законов. Действительно, отечественное правоведение как бы обратилось вовнутрь, занялось рассмотрением действующего законодательства.

зовал обе эти возможности, и уже в конце 30-х – начале 40-х годов коллектив преподавателей стал пополняться за счет притока молодых сил. Однако далеко не все из них «прижились» на факультете, не все связали свою жизнь с карьерой ученого, вследствие чего недостаток в научно-преподавательских кадрах стал хроническим. Тяжелая политическая атмосфера, опустившаяся на Россию в первой четверти XIX века, усилилась при Николае I и, естественно, особенно давала себя знать в области гуманитарных и общественно-политических наук: не разрешалось писать и говорить о правительственных распоряжениях, о крепостном праве; действовал «чугунный» цензурный устав. Официальное руководство наукой и образованием продолжало опираться на испытанных «китов» – самодержавие, православие, народность. В этих случаях от немногочисленной прослойки передовых русских ученых-гуманитариев (историков, юристов, экономистов и т.д.) требовались большое гражданское мужество и энтузиазм для отстаивания своих научных и общественно-политических взглядов.

Костяк молодых преподавателей и ученых, сложившийся в эти годы на факультете, включал в себя Н.В. Ратовского¹⁹, А.Г. Станиславского, Д.И. Мейера; близко к ним стояли преподаватели политической экономии и финансов Е.Г. Осокин, И.К. Бабст, преподаватель технологии М.И. Киттары. Истинной гордостью юридического факультета становится Дмитрий Иванович Мейер, выпускник Петербургского педагогического института, завершивший свое правовое образование в Берлинском университете. Вернувшись в Петербург, 11 января 1845 г. Мейер выступил с первой публичной лекцией, которая получила высокую оценку и по форме изложения и по содержанию; через месяц он был назначен в Казанский университет, на юридический факультет²⁰.

Необыкновенно быстро, в течение ноября – декабря 1845 г. Мейер сдает все магистерские испытания, в декабре же факультет предварительно рассматривает его диссертацию «Опыт о праве казны по действующему законодательству»; 10 января 1846 г. факультет собрался на заседание, в котором «рассуждаемо было о достоинстве диссертации г. магистранта Мейера»; получив удовлетворительную оценку, диссертация была допущена советом университета к защите, которая и состоялась 3 марта 1846 г.²¹ Большой личной заслугой Мейера является издание им сборника научных работ членов юридического факультета, подготовленного в ознаменование 50-летнего юбилея университета. Сборник положительно оценила тогдашняя российская пресса.

Интересны взгляды Мейера на практические занятия студентов и его деятельность по их организации. Научную постановку этого вопроса он изложил в работе «О значении практики в

¹⁹ Николай Ратовский, блестяще закончивший курс в Казанском университете, весной 1841 г. защитил магистерскую диссертацию и начал преподавание по кафедре гражданского права. В 1884 г. он получил специальную командировку в Петербург – «для изучения практического делопроизводства и слога» в Сенате и Министерстве юстиции. Как ни узки были эти задачи, молодой ученый сумел их расширить, посещая занятия в университете, педагогическом институте и училище правоведения. Политические симпатии Ратовского определили его связь с кружком Петрашевского (см. об этом: *Шофман А.С.* Казанский период в жизни Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1956. С. 77). Вернувшись в Казань, молодой ученый стал усиленно и систематически изучать судебную практику, начиная с низшей судебной инстанции – Казанского уездного суда, и много сделал для постановки практических занятий со студентами.

²⁰ О Д.И. Мейере написано достаточное количество исследований и воспоминаний, сходных между собой в чрезвычайно высокой оценке трудов и личности этого выдающегося человека своего времени. Однако в этих работах Мейера рисуется как борец-одиночка на фоне сухих и бездарных чиновников от науки. Нам представляется, что сила Мейера определялась не только его индивидуальными качествами, но и той группой молодых, прогрессивно настроенных преподавателей, которые сплотились вокруг него на факультете на рубеже 40–50-х гг. и которые попытались противостоять (иногда не без успеха) рутинным, чиновничье-бюрократическим традициям, сложившимся на факультете в предшествующий период.

²¹ Всего за год пребывания в Казани и университете Мейер сумел привлечь к себе сердца многих студентов и коллег, а также получил широкую известность в городе как человек умный и честный, с широкими гуманными взглядами, превосходный преподаватель. Обаяние личности Мейера было огромным, как и его влияние на современников. Так, в день защиты Мейером своей магистерской диссертации в Казани не смог состояться концерт известного в то время артиста-гастролера, ибо все культурное общество города было в университете на диспуте Мейера (см.: *Певзнер Г.С.* Д.И. Мейер – выдающийся русский цивилист // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 116. Кн. 13. Из истории юридической мысли в Казанском университете. Казань, 1956. С. 24).

системе современного юридического образования». По свидетельству современников, Мейер тратил свои скромные личные средства для обеспечения юридического факультета всеми необходимыми материалами для таких занятий. Качество их и отношение к ним самого Мейера были таковы, что известный русский цивилист Г.Ф. Шершеневич имел все основания в начале XX века сказать, что Мейер проводил свои практические занятия на таком уровне, на каком они и теперь еще нигде не стоят. Известно, что Мейер был противником «театрализованной» практики, заключающейся в «разыгрывании» всех стадий судебного производства самими студентами. Он шел в самую гущу жизни и вел туда же своих студентов. В этих целях при факультете им была организована юридическая «клиника» (консультация), куда обращались жители Казани и крестьяне пригородных деревень за юридическими советами. Разумеется, консультирование было бесплатным. Юрист более позднего времени пишет: «Мы живо себе представляем картину, напоминающую дачу *responsae* римскими юрисконсультами. Мейер в кругу своих учеников разбирает предлагаемые ему казусы. Сколько тут, надо думать, было тонкого и глубокого анализа и какой получился бы сборник этих *consilia*, который по достоинствам не уступал бы многочисленным западным! Все это пропало для науки бесследно»²². В связи с этим нельзя не упомянуть и о такой стороне деятельности Мейера, как популяризация правовых знаний. При этом им двигало желание высвободить народ из-под влияния корыстных и темных дельцов типа прежних «ярыжек», дав ему в руки специальный «юридический катехизис». Имеются сведения, что наметки создания такого сборника у Мейера уже были²³.

Время конца 40-х – начала 50-х гг. было переломным в жизни России. Порочность изживших себя социально-экономических порядков все яснее осознавалась передовыми представителями русского общества, а огромная страна самым ходом истории вопреки стремлениям правящих кругов была поставлена на рубеж буржуазных реформ. Лучшие умы России – Белинский, Герцен, Чернышевский – стали вестниками грядущих социальных преобразований. В рядах той демократической интеллигенции, которая разделяла их убеждения, был и Д.И. Мейер. И хотя с конца 40-х гг. действовали самые строгие правительственные предписания, запрещающие касаться наболевшего «крестьянского вопроса», Мейер в своих лекциях с высокой профессорской кафедры смело обличал крепостничество, внушал студентам, что может быть право собственности на вещь, но не может быть права собственности на человека²⁴. Одновременно Мейер настойчиво обличал перед студентами, тянувшимися к нему, взяточничество и лихоимство как презренные качества царских чиновников.

Мейер был чужд верноподданнических настроений, пронизывающих в целом слои тогдашней интеллигенции. Так, представляя разработанную им программу русского гражданского права и отвечая в конце на обязательный вопрос о «направлении» и «духе» преподавания, он с достоинством подлинного ученого писал, что дух и направление его преподавания «клонятся к тому, чтобы ознакомить слушателей основательно с наукою гражданского права, показать им, каким образом применяются истины ее к практике, и внушить готовность применить их»²⁵. Появление в профессорской среде юридического факультета такого человека, как Мейер, антикрепостнический «дух» его преподавания, нравственная поддержка, оказываемая

²² Гольмстен А.Х. Ученые юристы и гражданское правосудие // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 4. С. 122.

²³ Отечественные записки. 1859. Т. 126. С. 85. Рецензия Т. Шишкина на второе издание «Чтений Д.И. Мейера».

²⁴ Овсянников Н. Из записок студента Казанского университета // Русский архив. 1909. Кн. 3. С. 472.

²⁵ ЦГА ТАСР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 293, л. 3. Особо следует отметить, что, как правило, ответы преподавателей на подобные вопросы сводились к тому, чтобы «внушать слушателям справедливое убеждение, что постановления отечественного законодательства и правительственные меры направлены на распространение истинного благоденствия подданных» (там же, ед. хр. 311, л. 56 об.). Не в этом ли различном подходе к своим обязанностям ученого и гражданина можно найти ответ на слова Н.Г. Чернышевского, сказанные им по поводу кончины Мейера: «Большинству русской публики все еще слишком мало известно имя покойного Мейера, одного из тех героев гражданской жизни, все силы которых посвящены осуществлению идей правды и добра... Но зачем они погибают так рано?» (*Чернышевский Н.Г. Сочинения*. Т. 4. М., 1948. С. 670).

ему со стороны ряда молодых преподавателей и передовой части студенчества, – все это было несомненным свидетельством глубоких сдвигов, совершавшихся в это время в жизни русского общества и отражавших все усиливающийся кризис крепостнического строя.

Однако как бы талантливы и прогрессивно настроены не были отдельные преподаватели, реальная действительность России середины XIX века резко противоречила тому, что дозволено было читать даже в официальных университетских курсах, например в энциклопедии права, впитавшей в себя многие философско-правовые моменты науки о праве. В то время как в России действовало, по существу, только два права: «право самодержавия» (формулировка М.М. Сперанского) и крепостное право, преподаватель энциклопедии права А.Г. Станиславский говорил своим слушателям о нравственных основаниях права, о правах человека, о развитии идеи права. Такой очевидный разрыв между научными положениями и реальной действительностью не мог не улавливаться мыслящей частью молодежи, не мог оставить ее равнодушной. И именно не кто иной, как великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, бывший в течение полутора лет студентом юридического факультета Казанского университета, писал впоследствии в «Письме о праве»: «Я ведь сам был юристом и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве людей. Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке или я не в силах понять ее»²⁶.

Определенным свидетельством социально-экономических сдвигов, происходивших в обществе, было разделение в 1845–46 учебном году юридического факультета на два разряда – юридических и камеральных наук. Разряд камеральных наук должен был отвечать интересам развивающегося земледелия, промышленности, торговли, образовывать «чиновников по Министерству финансов и государственных имуществ, ученых помещиков-агрономов, купцов-заводчиков и проч.»²⁷. Однако формы, в которые была воплощена идея камерального образования, представляли собой лишнее доказательство сугубо административного, бюрократически-канцелярского решения важной задачи. Не только ученые юридического факультета, но и в целом совет Казанского университета практически не принимали участия в предварительном обсуждении этого вопроса, им была навязана роль лишь исполнителей предписаний «высшего» начальства. Не был услышан и голос такого выдающегося ученого и администратора Н.И. Лобачевского, справедливо полагавшего, что факультет хозяйственных наук должен стать отделением физико-математического факультета²⁸. Искусственно пристегнутое к юридическому факультету, камеральное отделение потребовало дополнительных усилий от немногочисленных преподавателей факультета для организации учебного процесса, ибо студенты-камералисты должны были, хотя и в уменьшенном объеме, изучать весь цикл государственных и правовых предметов; одновременно в учебном плане камерального отделения значились физика и химия, сельскохозяйственная и технологическая науки, механика и т.д.

Создание камерального отделения повысило интерес молодежи к юридическому образованию, и число студентов факультета стало расти по сравнению с предыдущими периодами: так, в 1846 г. студентов-юристов было 57 человек, камералистов – 71, в 1847 г., соответственно, – 52 и 73²⁹. Правда, в первой половине 50-х гг. это количество несколько снизилось, но предреформенный период и особенно буржуазные реформы 60-х гг. вновь привлекли молодежь на юридический факультет. Так, уже в 1854–55 академическом году общее число студентов факультета составило 111, в 1865/66 – 140 человек. К концу 60-х гг. на факультете училось

²⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1956. Т. 38. С. 60.

²⁷ ЦГА ТАСР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 211, л. 1.

²⁸ Модзалевский Л.Б. Материалы к биографии Н.И. Лобачевского. С. 433–437.

²⁹ Камеральное отделение в составе юридического факультета было искусственным образованием и бесславно прекратило существование «само собою», как сказано в отчете университета за 1864–1865 гг.

уже 224 человека, что составляло добрую половину всех студентов Казанского университета (данные взяты из отчетов университета за соответствующие годы).

По социальному составу студенты-юристы принадлежали в основном к отдельным группам господствующего класса: на факультете учились дети дворян (потомственных и личных), офицерства, чиновничества; только три-пять человек являлись выходцами из купцов и мещан, представителей же крестьянской и рабочей среды не было вообще.

По национальному признаку подавляющее большинство студентов были «великороссами», отдельные, редко встречающиеся фамилии «мусульман» принадлежали, как правило, выходцам из среды уральского казачества. За весь XIX век на факультете из казанских татар был только один студент, и на него, по отзывам современников, смотрели как на «чудо». Колонизаторская политика царизма не предусматривала высшего университетского образования для коренного населения Казанской губернии.

В 50–60-е гг. XIX века юридический факультет Казанского университета полностью оформился: определился круг учебных предметов, зафиксированный затем в уставах 1863 и 1884 гг.; сложился постоянный профессорско-преподавательский состав, готовивший себе научную смену из числа студентов; окончательно определилось лицо факультета как кузницы кадров для разветвленного бюрократического государственного аппарата³⁰.

«Дух» и «направление» преподавания в этот и последующий периоды полностью отвечали расстановке классовых сил в стране. Крестьянская реформа 1861 г. хотя и явилась крупным буржуазным преобразованием, но проведена была в такой форме, которая не подрывала устоев господствующего класса – земельного дворянства. Русская буржуазия перед лицом растущего демократического и начавшегося рабочего движения стремилась найти защиту у самодержавия и приспособлялась к его интересам. В таких условиях от студенчества требовалось прежде всего полное послушание и повиновение, полная лояльность по отношению к существующему политическому строю. Именно такое воспитание и образование должны были обеспечить университетская наука в целом и в особенности политические и правовые дисциплины.

В начале 50-х гг. в связи с революционными потрясениями в Европе в Казанский университет была прислана верноподданническая программа по курсу государственного права европейских стран, наиболее опасному, с точки зрения самодержавного правительства³¹.

Стремлением правительства упрочить существующий политический порядок, подготовить надежные кадры для государственного аппарата следует объяснить новую реорганизацию юридического факультета Казанского университета, которая была предпринята в 1865 г. и заключалась в создании на факультете двух разрядов:

а) наук правовых и б) наук государственных.

Начавшиеся в 60-х гг. студенческие беспорядки, нараставшие из десятилетия в десятилетие оппозиционные настроения среди молодежи усиливали внимание правительства к университетскому вопросу, заставляли изыскивать новые пути влияния на студентов, чтобы превратить их в послушных исполнителей самодержавной воли. Большие надежды в деле соответствующего воспитания и образования молодежи правительство возлагало на внутреннюю университетскую администрацию, на усиление мер административного и учебного надзора и контроля за студентами. В этом отношении характерны «Правила о контроле над занятиями студентов», составленные осенью 1881 г. деканом юридического факультета профессором Н.А.

³⁰ В связи с буржуазными реформами 60-х гг. лица, оканчивающие юридический факультет Казанского университета, использовались на различных должностях судебного ведомства, в присяжной адвокатуре, а также и на иной государственной службе – в конторах по строительству железных дорог, по управлению горным Уральским округом; в земских и городских органах, позднее – на должностях земских начальников (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1317, л. 47).

³¹ Составление учебных программ – «планов преподавания» возлагалось преимущественно на самих преподавателей. В отделе рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета хранятся копии этих программ, собранных и прокомментированных И.А. Емельяновой.

Крем-левым. Основная идея, руководившая автором этих Правил, сводилась к тому, что «чем больше будут заняты студенты, тем меньше они будут волноваться». Правила предусматривали целый ряд строгих мер, долженствующих повысить требовательность к студентам, самую экзаменационную процедуру³². С 1882 г. совет университета постоянно напоминает профессорско-преподавательскому составу о необходимости максимально загружать студентов занятиями не только в учебное, но и во внелекционное время. В самом конце XIX века совещание попечителей учебных округов и начальников высших учебных заведений признало, что «тот преподаватель, который ограничивает свою преподавательскую деятельность только чтением лекций в положенные часы и не входит в духовные интересы и нужды учащихся, не сближается с ними на этой почве и не руководит их неокрепшею мыслью, исполняет лишь малую долю своих обязанностей, возлагаемых на него высоким званием профессора»³³. Однако при этом вопрос о качестве занятий оставался в стороне. Более того, согласно Уставу 1884 г., Министерство народного просвещения стремилось отгородить студенчество от подлинно научных знаний. Из программ государственных испытаний устранялись вопросы, связанные с теми или иными научными теориями; в правилах о зачете полугодий 1885 г. специально предписывалось: «Если преподаватель обязательной для студента науки не ограничивается в преподавании установленной нормой, но идет далее, студенты обязывают представлять доказательства своего прилежания только в пределах, установленных экзаменными требованиями для данного предмета... Изучение разных отвлеченных мнений и доктрин... отнюдь не должно быть студентам вменяемо в обязанность и обращено в мерило их прилежания»³⁴.

Между тем новые студенты, поступившие в университет в эти годы, были уже достаточно просвещены в политическом отношении³⁵. Из глубокого противоречия между научно-политическими запросами и знаниями передовой части студенческой молодежи и состоянием университетской науки, системой мер административной опеки над студентами выросло одно из направлений революционной студенческой оппозиции. В формировании ее в стенах Казанского университета определенную роль сыграли студенты-юристы. В такой сложной обстановке жил юридический факультет Казанского университета, когда осенью 1887 г. сюда пришел молодой юноша из Симбирска – Владимир Ульянов.

В эти последние десятилетия XIX века юридический факультет Казанского университета становится проводником буржуазного правосознания, крепнущего в русском обществе под воздействием буржуазных реформ 60-х гг. Активизировалась научно-исследовательская деятельность ученых факультета, особенно оживившаяся в связи с правом факультета проводить защиты диссертаций. В своих научных изысканиях, на учебных занятиях передовые ученые отстаивали прогрессивные для тогдашней России идеи буржуазной законности, выдвигали острые, злободневные вопросы правового характера.

Среди научных работ и диссертаций в этом плане обращают на себя внимание работы Г.Ф. Шершеневича, А.А. Пионтковского (приват-доцент Новороссийского университета, вскоре перешедший в Казанский университет, отец виднейшего советского правоведа А.А. Пионтковского), А.И. Елистратова и др. Пионтковский и Елистратов, трудившиеся в области уголовно-правовой науки, выступали поборниками буржуазных принципов правосудия,

³² Текст правил см.: ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 610, л. 44–45.

³³ Там же, ед. хр. 969, л. 17.

³⁴ Цит. по кн.: Ответы совета Казанского университета на вопросы министра народного просвещения по устройству университетов. Казань, 1901. С. 30, 32–33.

³⁵ Один из студентов-юристов конца XIX века (будущий комиссар юстиции сначала Казанской губернии, а затем ТАССР – А.Н. Нехотьев) много позднее вспоминал в автобиографии, что в городе Симбирске, в гимназию которого он поступил на девять лет позднее, чем Владимир Ульянов, существовал кружок из гимназистов и семинаристов. Благодаря деятельности этого кружка молодежь к окончанию гимназий и семинарий была достаточно хорошо знакома с историей революционного движения, произведениями Герцена, Чернышевского, Писарева, имевшимися переводами работ Маркса (см.: Парта́рхив Татобкома КПСС, ф. 15, оп. 2, ед. хр. 413, л. 379 об.).

нового понимания личности преступника, причин преступности, принципов и методов уголовного наказания.

Обращают на себя внимание научные исследования студентов, заканчивавших университет в рассматриваемый период времени. Так, интересные и злободневные вопросы были подняты К. Лаврским и С. Вожакиным в их диссертациях «Сельский пролетариат в России» и «Значение труда в народном обычном праве». Автор исследования о сельскохозяйственном пролетариате с позиций буржуазного юриста рассматривал интересующую его прослойку русского рабочего класса. Однако К. Лаврский вынужден был признать, что тема, им избранная, непосильна по своей трудности и обширности и малодоступна для ученой разработки³⁶. Интересные проблемы были подняты и в исследовании С. Вожакина³⁷.

Довольно активную деятельность развернуло юридическое общество при Казанском университете, которое занималось не только научными проблемами, но и обсуждением законопроектов, поступающих в его адрес из различных ведомств и учреждений³⁸.

Особого внимания заслуживает тот интерес, который ученые юридического факультета Казанского университета проявляли к местным особенностям обширного Казанского края (Поволжья, Приуралья), особенностям социально-экономического и правового характера. Интерес этот впервые проявился уже при образовании камерального отделения. Стремясь улучшить организацию этого отделения, ученые юридического факультета разработали и представили в 1848 г. новый учебный план отделения, а в объяснительной записке среди задач его указали такую, как ознакомление «со свойствами и характером инородцев, подвластных Русской державе, со степенью их гражданственности, с их бытом, обычаями, занятиями»³⁹. Ряд ученых факультета более позднего периода – профессора А.М. Осипов, С.М. Шпилевский и др. – активно участвовали в разработке некоторых вопросов мусульманского права (в целом изучение ислама и шариата было сосредоточено на историко-филологическом факультете), внесли свой вклад в подготовку международного съезда ориенталистов в конце 70-х гг.⁴⁰ В научно-исследовательских работах студентов юридического факультета постоянно присутствуют краеведческие темы⁴¹. Свои предложения о необходимости исследования правовых обычаев местного населения юридический факультет высказал в период 1894–1898 гг. в связи с разработкой и введением в действие новых учебных планов⁴². К сожалению, это интересное

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 621, л. 7 об.

³⁷ Там же, ед. хр. 697, л. 11–18.

³⁸ Юридическое общество при Казанском университете, объединившее правоведов-ученых с юристами-практиками и земскими деятелями, возникло в 1879 г.. Подробнее см.: *Тельберг Г.* Историческая записка об учреждении и деятельности Казанского юридического общества за первые двадцать пять лет его существования (1879–1903). Казань, 1906.

³⁹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 211, л. 41 об.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 511, л. 68; ед. хр., л. 2; ед. хр. 559, л. 34–35.

⁴¹ Вот неполный перечень этих тем: «История Пензенской губернии до 1801 года», «Об организации управления киргизским народом, подчиненным государственной власти России», «Рождаемость населения Казанской губернии в сравнении с рождаемостью Европейской России и государств Западной Европы», «Землевладение в Казанской губернии», «Экономическое положение крестьян Бугурусланского уезда Самарской губернии по данным земской статистики» (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 547, л. 49, ед. хр. 622, 628, л. 79).

⁴² Так, в ответ на указание министерства о введении в учебный план факультета обязательного курса гражданского права прибалтийских губерний («Остзейское право») ученые факультета представили следующие соображения: 1) первостепенное значение для русских университетов имеет изучение русского гражданского права, тогда как изучение местных законов не столько требуется, сколько допускается; 2) поскольку в России имеется много народностей, живущих по своим законам или обычаям, то изучать все эти законы и обычаи нет возможности, но делать при этом исключения для одного только Остзейского права нет никаких оснований. При этом ученые факультета высказывают следующую интересную мысль: если в Западном крае нужны юристы, знающие Кодекс Наполеона, в Туркестане и на Кавказе – знатоки местного права, то для юристов всего Среднего и Нижнего Поволжья и значительной части азиатских губерний желательным является знакомство с мусульманским правом. «Многочисленное мусульманское население, – говорится в этом документе, – живя своей обособленной жизнью, требует нередко особо внимательного отношения к нему со стороны местной администрации и судебных деятелей. Таким образом, для студента... Казанского университета несомненно полезнее было бы ознакомиться с правовыми нормами, действующими среди местного татарского, башкирского и киргизского населения и прослушать курс мусульманского права..., чем слушать

и нужное предложение не нашло претворения в жизнь, ибо в корне противоречило политике царизма, веками приучавшего русский народ «видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великокорсии...»⁴³.

Подавляющая часть профессорско-преподавательского состава юридического факультета Казанского университета на рубеже XIX–XX веков в своих политических устремлениях не поднималась выше требований конституционной монархии. Если для ранних буржуазных революций типа английской (середина XVII в.) подобное требование было революционным, то на фоне предпосылок первой русской революции оно становилось задачей лишь общедемократического характера. Но и подобные устремления представителей русского буржуазного общества были опасны для царского самодержавия, свидетельствуя о кризисе всей его политической системы. Поэтому уже в самом начале 1905 г. последовало министерское предписание о «должном» поведении профессорско-преподавательского состава «в тяжелое время, переживаемое Отечеством». Предписание предупреждало против того, что «отдельные представители преподавательского персонала высших учебных заведений... и коллегиальные органы сих последних позволяли себе не раз за последнее время... осуждение не только отдельных правительственных распоряжений, но еще к тому же и осуждение самого государственного устройства империи»⁴⁴.

Революционные события 1905–1907 гг. выявили подлинные политические настроения и преподавателей и студентов юридического факультета Казанского университета. Основная часть профессоров и преподавателей представляла собой «золотую середину», которой в равной степени были страшны крайности как подлинно революционных элементов общества, так и реакционных⁴⁵. Вполне понятно, что умеренные, конституционно-демократические убеждения и симпатии этой группы преподавателей вызывали критику и «справа» и «слева». Так, группа черносотенно-монархической студенческой молодежи, хотя и была немногочисленной, ожесточенно критиковала таких преподавателей, обвиняя их «в принятии на себя роли иуд русского просвещения». Нападая на университетскую автономию, отстаиваемую передовыми преподавателями и учеными, студенты-черносотенцы «возмущались» тем, что именно благодаря этой автономии с университетских кафедр «стали литься панегирики пролетариату между опытами по физике, толками о каноническом праве, разъяснениями русских говоров»⁴⁶.

Студенчество Казанского университета, в том числе и прогрессивно настроенные студенты-юристы, широким фронтом выступало против тех университетских порядков и всей системы высшего образования, которые закрывали доступ широким кругам русской молодежи в университеты, лишали студентов необходимых материальных условий существования, не давали возможности приобщения студенческой молодежи к подлинной науке⁴⁷. Многие отри-

курс одного из партикулярных немецких прав...» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 839, л. 1–5). Любопытно, что, мотивируя это свое мнение, ученые факультета ссылались на положительный опыт профессора Осипова, который якобы уже в 1894 г. включал в учебный план факультета необязательный курс мусульманского права (там же, л. 8). Однако иных материалов, подтверждающих этот факт, обнаружить не удалось.

⁴³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 159.

⁴⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1109, л. 41.

⁴⁵ Наиболее «левые» позиции среди преподавателей-правоведов занимал в эти дни уже упоминавшийся А.И. Елистратов, разделявший многие из требований революционной социал-демократии, за что ему пришлось понести и определенную кару: в период революции он подвергся денежному штрафу со стороны казанского губернатора за публичное высказывание радикальных политических взглядов, а в 1908 г. был «освобожден» попечителем от преподавания (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1164, л. 47).

⁴⁶ Британ И. Наша профессура // Казанский телеграф. 1907. 8 апр. № 4244.

⁴⁷ Как совершенно справедливо указывает исследователь революционного движения казанского студенчества А.А. Элерт, «постоянная борьба с нуждой, которую приходилось вести демократическим слоям студенчества, порождала у них ненависть к самодержавию» (Элерт А.А. Очерк студенческого движения в Казани накануне революции 1905–1907 гг. Казань, 1961. С. 17). Низкий уровень материальной обеспеченности студентов констатировали и сами профессора Казанского университета (см.: Ответы совета Казанского университета на вопросы министра народного просвещения по устройству университетов. С. 21).

пательные стороны университетской жизни связывали они с «благодушной» политической настроенностью основного костяка профессорско-преподавательского состава. Так, в одной из газетных заметок того времени студент-юрист Н.С. Соколов писал: «Стены университета пестрят объявлениями: «Нужна статистика Каблукова», «Лекции по государственному праву Ивановского», «Финансовое право Ходского» и т.д. Завтра, быть может, экзамен, готовиться не по чему, и *volens-nolens* откладывается экзамен до осени. Совет же профессоров факультета спокойно зрит и внимает. Ибо эта нужда студенчества не насущна, не неотложна! Лежат и специальные денежки университета в ожидании момента, когда профессора попросят себе командировку, отъезжая на лето в «ученое» турне»⁴⁸.

Особую ненависть значительная часть студенчества питала к профессорам с ярко выраженными реакционными взглядами. На юридическом факультете к числу таких принадлежали М.И. Догель и В.Ф. Залесский. К ним же студенты относили и князя П. Ухтомского, который, хотя и не преподавал в университете, но был связан с ним через юридическое общество, председателем которого состоял в рассматриваемое время. Когда студенты попытались использовать трибуну этого общества для пропаганды своих взглядов и требований, Ухтомский лишил их права публичного выступления. Этот факт послужил толчком для написания студенческой листовки 9 марта 1904 г., представляющей собой своеобразный политический манифест революционного студенчества, в котором реакционные ученые и политические деятели типа Догеля и Ухтомского были заклеены как «подлые царские лакеи», играющие на руку «дикому самодержавию»⁴⁹. Конкретно в адрес Догеля, преподававшего международное право, студенты писали: «Догель доказывает прелести самодержавия, неустрашимость, желательность и необходимость войны... Мы хотим не войны, а свободы, и мы будем бороться за нее»⁵⁰.

Вследствие обостренных отношений студентов-юристов с наиболее ненавистным для них профессором Залесским возникло специальное «дело о частных лекциях профессора В.Ф. Залесского», датированное 1907 г. Залесский был не просто монархист и юдофоб, а воинствующий черносотенец, один из основателей Казанского отделения черносотенного союза под названием «Царско-Народное Русское общество», издатель газеты «Черносотенец». В свободное от академических занятий время он разъезжал по соседним городам, где на его публичные выступления собирались реакционные элементы. К чести ученых юридического факультета Казанского университета следует отнести их почти поголовное враждебное отношение к Залесскому. Если в первые годы пребывания его на факультете в формировании этого отношения играли роль его личные отрицательные качества: «высокомерие, признание себя умнее всех, резкость, гордость, неспособность переносить обиды и непреодолимая потребность отвечать на них по принципу талиона»⁵¹, то в последующий период большинству коллектива профессоров и преподавателей факультета претили его откровенно черносотенные устные и печатные выступления и активная реакционно-шовинистическая деятельность. Редкое заседание совета факультета, на котором присутствовал Залесский, проходило без осложнений.

Совершенно непримиримо повело себя студенчество юридического факультета по отношению к этому «махровому» реакционеру. Собравшись на сходку 14 октября 1905 г., первокурсники вынесли решение по ряду наболевших вопросов студенческой жизни, которое приняло форму коллективного заявления; центральным пунктом его было следующее положение: «Мы, студенты и слушатели I семестра юридического факультета, собравшись... в количестве 85 человек, заявляем декану... что:

⁴⁸ Соколов Н. Плоды автономии. Посвящается Загоскину и К. // Казанский телеграф. 1907. 3 апр. № 4239.

⁴⁹ См.: Элерт А.А. Указ. соч. С. 81, 82.

⁵⁰ Цит. по кн.: Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 годов в Татарии. М.: Наука, 1965. С. 62.

⁵¹ См.: Залесский В.Ф. Опыт характеристики. Оттиск из журнала «Мирный труд». Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете, ед. хр. 3614, л. 1–39.

1. Лекций г. Залесского... решили не слушать...»⁵². Учитывая сложную обстановку, совет факультета решил пойти навстречу требованиям студенчества и отменил чтение лекций Залесского (по энциклопедии права) в текущем году с перенесением их в следующий учебный год. Однако Залесский, в нарушении этого, пожелал продолжать чтение лекций у себя на дому, хотя желающих слушать их было не более трех-пяти человек; дома же он принял и экзамены у этих студентов, причем ассистировал ему не кто иной, как профессор Догель.

Сложное положение, в которое Залесский поставил факультет, прочитав учебный курс фактически для трех-пяти человек и приняв от них экзамены, стало предметом рассмотрения не только самого совета факультета, но и министра народного просвещения. Поскольку Залесский в письменном заявлении на имя декана факультета указал, что и в будущем году он будет вести свои академические занятия только таким образом, ибо получил анонимное письмо от студентов с угрозами против его жизни в том случае, если он явится для чтения лекций в университет, то министр предписал совету университета «озаботиться предоставлением профессору Залесскому соответствующего помещения и принятием мер к ограждению как названного профессора, так и его слушателей от каких-либо насилий несочувствующих его направлению студентов»⁵³.

В этот период к решению некоторых факультетских вопросов стали привлекаться представители студенчества, что было несомненной уступкой ему со стороны преподавателей. К числу таких вопросов относились распределение стипендий, составление расписания занятий и др. Однако уже осенью 1907 г. Министерство народного просвещения, обеспокоенное этим проявлением студенческой самостоятельности, потребовало от университетского начальства соответствующих объяснений. В министерском запросе говорилось, в частности, что «по имеющимся сведениям, распределением экзаменов на юридическом факультете Казанского университета и допущением к оным заведует студенческая организация, которая в данном случае руководствуется особыми, чуждыми интересам преподавания соображениями, причем исходящие от подобного органа распоряжения нередко встречают поддержку со стороны факультета»⁵⁴. Показательно, что именно в это время был наконец положительно решен и вопрос об организации студенческого научного кружка, общего для всего юридического факультета. Инициативу в создании такого научного студенческого общества проявили сами студенты еще в первые годы XX века, однако активная деятельность кружка началась только в революционный период⁵⁵.

По-разному складывалась политическая деятельность и преподавателей юридического факультета. Одни примкнули к реакции, другие пошли на сговор с царизмом в рамках урезанного «народного представительства». Основные законы 1906 г. и урезанное «народное представительство» вполне отвечали их внутренним политическим убеждениям⁵⁶. Так, например,

⁵² ЦГА ТАСС, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1109, л. 54. Заявление-подлинник подписано делегатами сходки С. Юрьевым, Вл. Серебряковым, Ник. Шевниным.

⁵³ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1144, л. 1–8.

⁵⁴ Там же, ед. хр. 1175, л. 2.

⁵⁵ С соответствующей просьбой об учреждении такого кружка (первоначально – для занятий гражданским правом) студенты обратились к Г.Ф. Шершеневичу. В письме указывалось, что «с целью развития в студентах научной самостоятельности и расширения их научных интересов, а также в видах сближения студентов между собою и профессорами на почве общих интересов – образуется при Юридическом факультете студенческий кружок...». Далее были приложены правила, выработанные для деятельности кружка самими студентами. До 1903 г. вопрос решался в высших сферах – у попечителя, затем – министром. Однако в 1904 г. подобное коллективное прошение студентов последовало вновь, после чего кружок и начал свою деятельность. В отличие от первоначально проектировавшейся организации, когда предполагалось, что руководитель кружка по представлению декана должен назначаться попечителем, в новых условиях руководитель кружка избирался самими студентами – членами кружка из числа преподавателей факультета (см.: ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1007, л. 1–26).

⁵⁶ Так, например, один из окончивших юридический факультет Казанского университета, представляя письменное сочинение для получения диплома 1-й степени, с удовлетворением писал, адресуясь к профессору-государствоведу В.И. Ива-

в конспекте по финансовому праву приводился краткий обзор росписи государственных доходов и расходов России на 1908 г. Уже сам анализ росписи заставлял критически задуматься над расходованием государственных средств: из общей суммы расходов в 2 317 550 тыс. руб. 500 млн предназначалось на оборону, около 138 млн – на гражданское управление, около 19 млн руб. – на тюрьмы и полицию, столько же на сохранение церкви и духовенства, свыше 16 млн. руб. – на содержание царского двора. В заключение конспекта говорилось: «Стоит только поверхностно взглянуть на эту роспись, чтобы сразу же сказать, что на непроизводительные расходы у нас тратятся сотни миллионов, а на... производительные – ... жалкие сотни тысяч...»⁵⁷. Но даже и такая постановка острых вопросов российской действительности была исключением. Правовая наука пыталась убедить студентов в непознаваемости таких явлений, как государство и право, подобно тому, как представители исторической науки утверждали, что историческая наука до сих пор не имеет «абсолютного критерия ценности исторических фактов»⁵⁸. Профессор государственного права юридического факультета В.В. Ивановский в инструкции аспиранту («профессорскому стипендиату») Н. Васильеву писал:

«Построение цельной системы учения о государстве, в качестве науки социологической, не представляется в настоящее время возможным», в силу чего рекомендовалось «пока останавливаться на предварительных понятиях этой науки»⁵⁹.

Интересную картину социального и национального состава студентов-юристов начала XX века, их религиозных, политических, научно-литературных взглядов дало анкетирование, проведенное кабинетом статистики юридического факультета в 1907 г.⁶⁰

Для подавляющей части опрошенных студентов характерными были следующие моменты их духовно-политического развития: 1) атеизм (хотя вопрос об официальном вероисповедании показал наличие 500 студентов православных, 19 иудеев, 7 католиков, 6 армяно-грегориан, 3 магометян, но вопрос о внутренних религиозных чувствах дал совершенно неожиданную картину: 228 человек не исповедовали вообще никакой веры, 89 человек были убежденными атеистами, 72 опрошенных уклонились от ответа на вопрос)⁶¹; 2) интерес части молодежи к учению Маркса (124 человека из 538 давших полные ответы на все вопросы анкеты)⁶²; 3) глубокие симпатии к таким прогрессивным писателям России того времени, как Андреев (253 человека), Горький (249), Чехов (146), Толстой (97), Короленко (80), Куприн (32), Вересаев (20)⁶³.

Ответы на вопросы, связанные с политическими убеждениями студенчества, показали преобладание в его массе социалистических идей (с различными мелкобуржуазными оттенками). Так, 63% всех опрошенных показали себя сторонниками социалистов-демократов, социалистов-революционеров, просто «социалистов», «левых», а 30% студентов-юристов при-

новскому: «Невольно вспоминаю Ваши слова, многоуважаемый профессор, сказанные два года тому назад, при заключении общего обзора государственного устройства России: «Будем надеяться, что Россия находится на пути к конституционализму» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1245, листы не нум. (автор работы – присяжный поверенный Д. Фридман, тема сочинения: «Важнейшие особенности Государственной Думы как нижней палаты России»)).

⁵⁷ См.: Конспект по финансовому праву. Ответы на билеты, составленные применительно к программе по финансовому праву по Янжулу и Озерову. 1908. С. 82–83.

⁵⁸ Именно об этом заявил в своей вступительной лекции профессор В.К. Пискорский 30 октября 1906 г. (см.: *Пискорский В. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории* // Ученые записки Казанского университета. 1907. Т. 74. Кн. 1. С. 4, 5).

⁵⁹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. юридического факультета, ед. хр. 1172, с. 4.

⁶⁰ С конца XIX века при юридическом факультете Казанского университета были организованы и начали действовать учебные кабинеты статистики, гражданского и уголовного права.

⁶¹ См.: Студенчество юридического факультета Казанского университета в религиозном, научном, политическом и общекультурном отношениях по анкете 1 ноября 1907 г. Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете. Ед. хр. 7294, л. 22–24.

⁶² Там же, л. 25.

⁶³ Там же, л. 27.

держивалось правых политических позиций; по социальному признаку это были преимущественно дворяне, по религиозному – православные⁶⁴.

В целом же социальный состав юридического факультета (на основании данных анкетирования) вплоть до Октябрьской революции представлял собой следующую картину: выходцы из среды дворянства, офицерства и чиновничества составляли около половины студенчества; во вторую половину входили дети так называемых почетных граждан, купцов, мещан, цеховых, духовенства и крестьянства.

Как бы ни были условны некоторые критерии, принятые при данном анкетировании, результаты его весьма показательны для уяснения тех глубоких сдвигов, которые характерны были для русского общества в целом и студенчества в частности в этот исторический период. В сложных условиях того времени не университетская наука, а сама жизнь формировала мировоззрение студенческой молодежи, ее научные и политические симпатии, определяла будущие жизненные рубежи.

Именно тогда в стенах юридического факультета Казанского университета обучались люди, которые впоследствии, в условиях Октябрьской революции внесли свой личный вклад в жизнь советской России, в развитие ее правовой науки. В числе первых можно назвать Я.С. Шейнкмана – руководителя Казанской большевистской партийной организации и Казанского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в период 1917–1918 гг., А.Н. Нехотяева – первого комиссара юстиции (сначала Казанской губернии, а затем – ТАССР), А.Ф. Мухитдинову – деятеля советской юстиции в ТАССР и РСФСР.

Отечественная правовая наука знает такие славные имена бывших студентов-юристов Казанского университета, как А.А. Пионтковский-младший, Б.Б. Черепяхин, В.С. Ундревич, Д.М. Генкин, М.М. Агарков. Питомцем юридического факультета Казанского университета рассматриваемого периода был и профессор А.Т. Бажанов, прошедший большой трудовой путь от скромного служащего Наркомата юстиции ТАССР до первого декана юридического факультета после его восстановления в стенах университета в 1952 г., доктора юридических наук, заслуженного юриста РСФСР.

⁶⁴ Там же, л. 29–30.

§ 2. Зарождение научных юридических школ в Казанском университете

Частичные и в большей степени показательные реформы в начале XIX столетия в России несомненно способствовали появлению в мировоззрении и трудах некоторых русских ученых либеральных тенденций. Борьба прогрессивных и реакционных идей во многом обусловлена духом того времени.

После подавления восстания декабристов в России устанавливается полицейский режим беспробудной реакции во всех областях общественной жизни. Наука, литература и просвещение были поставлены под особый контроль «собственной его величества канцелярии» третьего отделения. Но в темной ночи реакции не переставали звучать выстрелы по крепостничеству и деспотизму, отзвуки которых докатывались до далекой провинции Российской империи. Горячими защитниками самоуправления и свободы в 30–40-х гг. XIX столетия выступили так называемые просветители, идеи которых были проникнуты «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области»⁶⁵. В более поздний период самыми последовательными критиками верноподданнического либерализма и глашатаями коренного преобразования русского общества явились революционные демократы, чья деятельность предопределила в дальнейшем широкое социал-демократическое движение пролетариата и крестьянства.

Среди ученых юридического факультета Казанского университета дооктябрьского периода можно видеть профессоров-реакционеров, службистов царского самодержавия, обычных преподавателей, опасавшихся за свою карьеру и не высказывавших мыслей вслух, наконец, просто бездарей в юриспруденции. Естественно, честь Казанскому университету делают не они – в его стенах работала плеяда ученых, боровшихся за передовую, прогрессивную науку. В данном параграфе преследуется цель показать борьбу прогрессивных идей с идеями реакционными, а также привести те гуманистические положения, которые развивались в Казанском университете до Октября и ценность которых не утрачена до настоящего времени.

Наряду с буржуазными правоведами юридический факультет Казанского университета знает и других, взгляды которых навеяны идеями Французской буржуазной революции и впоследствии «просветительством». Среди них следует прежде всего назвать И.А. Финке, который начал чтение своих лекций в октябре 1809 г. Вскоре он стал первым деканом нравственно-политического отделения (юридического факультета). Финке долгое время не решался читать естественное право (до 1813 г.) и вел вначале курс положительного права древних и новых народов. Со всей присущей ему тщательностью и строгостью к научно-педагогической деятельности Финке усиленно работал над учебником по естественному праву. Его книга «Естественное, частное, публичное и народное право» вышла на русском языке в 1816 г.; она явилась первым произведением по правоведению, напечатанным в Казани.

Финке был представителем школы естественного права, которая в период разложения феодального общества и борьбы буржуазии за власть, несмотря на свою метафизичность, сыграла известную положительную роль. В учении о естественном праве выражались относительно прогрессивные и даже революционные для той эпохи идеи, отрицающие божественный характер государства и права. Представители естественно-правовой школы доказывали, что государство является результатом соглашения, договора людей и должно обеспечить торжество разума.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519.

Свою книгу Финке посвятил героям, «лишившимся здоровья на поле чести и славы» в войне против наполеоновских войск. Самого Наполеона он рисует как тщеславного, упрямого, коварного и жестокого человека, вторгшегося в пределы земли русской, чтобы ниспровергнуть и разрушить то, к чему «народы от века в век глубочайше сохранили благоговение». Финке имеет в виду мир и спокойствие людей, установленное естественными законами⁶⁶.

Книга Финке состоит из пяти разделов. Во введении содержится определение основных понятий и общее учение естественного права. Первая часть посвящена частному естественному праву, вторая – естественному государственному праву, третья – естественному гражданскому и четвертая – естественному народному праву.

Касаясь определения права, Финке популяризирует идеи Канта о различении нравственного закона и закона юридического⁶⁷. Законы нравственности основаны на свободном внутреннем сознании долга, а «высочайшее правило закона юридического может быть не другое какое, как определение внешней свободы всех»⁶⁸. Он и в дальнейшем следует Канту в его весьма сложной и во многом неопределенной классификации права.

Отличая естественное право от положительного по абсолютности и «безусловному достоинству» его предписаний, Финке говорит о его полезности философу, законодателю и политику. Полезность естественного права заключается, в частности, в том, что оно помогает избежать запутанности и произвола, служит вспомогательным средством при толковании положительного права и источником пополнения пробелов в законодательстве, составляет часть положительного права, когда сам законодатель на него ссылается⁶⁹.

В государственном состоянии человек подчинен естественному государственному праву и естественному гражданскому праву. Первое регулирует отношения между государственной властью и подданными, второе – отношения граждан между собой. Здесь же действует еще и народное право, определяющее отношения государств и народов между собой⁷⁰.

Финке – сторонник договорной теории происхождения государства. Он излагает ее в духе Канта и Руссо, указывая на договор не как на исторический факт, а как на некую идею, помогающую объяснить возникновение государства. В той же части, где договоры действительно существуют, они «поставлены не свободною общею волею народа, но внушением, влиянием и силою господствующей партии»⁷¹.

Пропаганда Финке естественно-правовых теорий в таком варианте, сходном с идеями Руссо или, например, Радищева, имела в России того времени поистине прогрессивное значение. Объявление всех людей свободными и равными «по праву» от рождения никак не вязалось с царскими крепостническими порядками. Впоследствии, как известно, под флагом естественно-правовых идей декабристы вышли на Сенатскую площадь. Финке, понятно, не мог открыто выступить за свержение тиранов, он говорит о повиновении «начальствам и государям», но напоминает об идеях Французской революции и не отрицает их⁷².

9 июня 1815 г. экстраординарным профессором по кафедре прав древних и новых знатнейших народов утверждается Г.И. Солнцев.

К чтению общетеоретического курса «Начальные основания естественного частного, публичного и народного права» он приступил в 1820–21 учебном году. Тетради этих лекций

⁶⁶ Финке И.Х. К патриотам. Казань, 1814.

⁶⁷ Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань, 1816. С. 1–2.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 11–13. Нужно заметить, что современные представители естественно-правовых теорий указывают на эти цели естественного права в совершенно противоположных задачах, с целью оправдать произвол буржуазных судей и администрации, их отказ от принятых ранее законов.

⁷⁰ Там же. С. 11, 235.

⁷¹ См.: Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань, 1816. С. 117–118.

⁷² Там же. С. 119–120.

состоят из введения и трех частей: 1) о праве естественном частном; 2) о праве естественном публичном или государственном; 3) о праве естественном народном. Содержание лекций во многом обусловлено влиянием книги Финке, в переводе которой Солнцев принимал известное участие. Однако его лекции более осторожны, часто со ссылками на святое писание, хотя в основе их и лежат идеи светского варианта естественно-правовых теорий.

Во введении дается понятие права и его классификации. Правом в объективном смысле Солнцев называет «совокупность законов, наши свободные действия ограничивающих», а право в субъективном смысле «есть нравственная возможность свободно располагать своими действиями..., чтобы оные сообразны были с повелениями нравственного закона»⁷³.

По мнению Солнцева, наука естественного права исследует начала здравого разума, на которых основывается природа человека. Но здесь же он добавляет, что здравый разум не может внушать чего-либо противного божеским законам.

Выделяя в естественном праве соответствующие части и давая им характеристику, Солнцев следует другим представителям естественно-правовых теорий. Особо необходимо обратить внимание на то, как определяет Солнцев права личности. Под правом личности он понимает право быть и почитаться лицом, имеющим собственные цели, а не вещь, не средством для целей других людей. В нем заключается право на существование и самосохранение; право на усовершенствование своего внутреннего состояния, т.е. на развитие ума, сердца и сил телесных; право на усовершенствование внешнего состояния, т.е. на материальное обеспечение своего существования; право естественной свободы, право равенства; право на исполнение своих нравственных обязанностей; право на уважение доброй славы, т.е. свободы от обид и оскорблений⁷⁴.

Подобные взгляды, конечно же, не гармонировали с крепостническими порядками самодержавной России. Но либо в качестве дани ей, либо специально для прикрытия своих подлинные взгляды (скорее – второе) Солнцев частенько обращается к «верховному законодателю» – Богу, предупреждает против «необузданной вольности и буйства» как следствия «французского революционного сумасбродства», выступает против «вооруженного чудовища, именуемого народная вольность и равенство».

При оценке высказываемых Солнцевым положений очень важно иметь в виду, что тетради по естественному праву тщательно готовились им для представления своим обвинителям.

Государство Солнцев определяет в духе учения Аристотеля, т.е. соединяет естественно-правовые воззрения с патриархальной теорией. Он видит государство как совокупность многих семейств и родов, соединенных под управлением государственной власти для обеспечения внутреннего благоденствия и внешней безопасности. Поэтому следует полагать, что он обратился к священному писанию по вопросу о происхождении государства (нет власти не от Бога), чтобы подготовиться к предстоящему суду.

Менее всего известен Солнцев как криминалист. Только в 1907 г. в Ярославле вышла в свет его книга «Российское уголовное право», представляющая собой обработанный текст лекций перед студентами Казанского университета. Во вступительной статье редактор книги профессор Демидовского юридического лица Г.С. Фельдштейн называет данный курс первым оригинальным научным курсом русского уголовного права. Ни один из предшественников Солнцева не выполнил столь успешно такой большой работы⁷⁵.

⁷³ Тетради лекций профессора Солнцева. Л. 6. Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете.

⁷⁴ Тетради лекций профессора Солнцева. Л. 50 и сл.

⁷⁵ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право (Казань, 1820). Ярославль, 1907. С. XXVI.

В обстановке «той мертвящей среды и губительных условий, среди которых приходилось работать Солнцеву»⁷⁶, пропаганда подлинно прогрессивных идей являлась научным подвигом. В чем же состояли главные из его идей?

Целью уголовной политики Солнцев объявляет безопасность граждан и благоденствие государства. То и другое возможно лишь в «законном состоянии», «сие состояние есть состояние политического равенства и свободы»⁷⁷.

Далее, со ссылкой на наказ Екатерины II, он раскрывает содержание свободы и равенства: «Свободы граждан состоят в возможности делать все то, что каждому хотеть надлежит и чтобы не быть принужденным того делать, чего хотеть не должно. Равенство в том состоит, чтобы каждый пользовался своим правом, не стесняя законной свободы других и чтобы каждый гражданин подвержен был равномерно силе одних законов»⁷⁸.

В полном согласии с названными понятиями, не ограничиваясь формальной стороной (противоречие уголовному закону), Солнцев определяет преступление как «внешнее, свободное, положительными законами воспрещаемое, деяние, безопасность и благосостояние государства или частных его граждан, посредством или непосредственно, нарушающее и равномерное наказание за собой для преступника влекущее»⁷⁹.

Заслуживают внимания криминалистов представления Солнцева о наказании, относительно прогрессивные и гуманные по тому времени⁸⁰. Взять, например, его требование законности действий и недопустимости произвольного толкования законов. «Если на какое-либо деяние, – пишет Солнцев, – нет ясного законоположения уголовного, а оным причиняется нарушение прав чьих-либо, в таком случае судья не имеет права полагать произвольного наказания, но в сомнительности случая испрашивает на то разрешение от высшего правительства»⁸¹. «...Без суда, – говорит он далее, – никто не наказывается, без исследования и суда ни у кого не отнимают чести и имущества, противное тому будет почитаться не приговором судебным, но насилием гражданину причиненным и оскорблением гражданской свободы»⁸².

Нужно заметить, что приведенные идеи имеют своих авторов, которых Солнцев не называет; он лишь пропагандирует их теории. Тот же Г.С. Фельдштейн дает этому вполне вероятное, на наш взгляд, объяснение. Цензурные условия и тот факт, что Солнцеву пришлось самому пройти горькую школу русской действительности, заставляли его с весьма понятной целью избегать ссылок на иностранных вольнодумцев, заменяя всякие цитаты указанием на наказ Екатерины II⁸³.

Профессор Солнцев в результате ревизии, произведенной Магницким, был обвинен в вольнодумстве и предан суду. Его судили за «оскорбление Духа Святого Господня и власти общественной». Университетский суд постановил: «Удалить его навсегда от профессорского звания и впредь никогда ни в какие должности во всех учебных заведениях не определять». В обвинительном приговоре, в частности, говорилось, что Солнцев «смешал откровенное в Евангелии Божественное учение с мнениями человеческими, проистекающими из поврежденного разума...»⁸⁴.

⁷⁶ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право (Казань, 1820). Ярославль, 1907. С. XXVI.

⁷⁷ Там же. С. 1

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 54.

⁸⁰ Там же. С. 104, 109, 169 и др.

⁸¹ Там же. С. 107.

⁸² Там же.

⁸³ См.: Солнцев Г. Российское уголовное право... С. XIV. Как известно, изложение вопросов уголовного права и судопроизводства, приведенное в наказе, заимствовано Екатериной у видного итальянского юриста Ч. Беккарна.

⁸⁴ Цит. по: Залесский В.Ф. История преподавания философии права в Казанском университете в связи с важнейшими данными внешней истории юридического факультета. Казань, 1903. С. 80.

Впоследствии, когда сам Магницкий был вынужден уйти в отставку, когда был введен новый университетский устав, разумеется, ни свободы преподавания, ни тем более свободы выражения своих научных идей ученые не получили. Устав 1835 г. требовал сословного характера образования и, главное, был направлен против передовых политических влияний⁸⁵. Естественное право как специальный предмет упраздняется. Не без связи с европейскими революционными событиями 1848 г. в Казанский университет поступило распоряжение царского правительства о сокращении программ преподавания некоторых политических и юридических наук. Попечитель Казанского университета рекомендовал, со своей стороны, удалять все «излишнее», все «неуместное», «все могущее служить хотя косвенным и неумышленным поводом к заблуждению умов неопытных...»⁸⁶.

Несмотря на жесткий режим преподавания, прогрессивные ученые продолжали борьбу против схоластики и мракобесия в науке. В числе таких ученых нужно прежде всего назвать Д.И. Мейера, пропагандировавшего в Казани произведения Белинского, смело выступавшего в своих лекциях против крепостного строя, используя университетскую кафедру для воспитания молодежи⁸⁷.

Деятельность Мейера высоко ценили Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. Чернышевский называл его одним из лучших профессоров правоведения в России⁸⁸.

Если большинство профессоров того времени читали свои лекции в отрыве от юридической практики и русской действительности, ограничиваясь простым изложением действующих законоположений, то Мейер стремился к выяснению общих основ развития права, к преподаванию в тесной связи с развитием общественных отношений и существующими воззрениями русской науки.

Пробуждение юридической науки, ее возникновение непосредственно связывается Мейером с успехами общественного развития и законодательной деятельности⁸⁹. Но ученый прямо выступал против того, чтобы знание законов выдавалось за науку⁹⁰. Служение законодателю не может принести надлежащей пользы без «ясного сознания юридических начал, которыми управляется общественный труд»⁹¹.

Мейер находился в кругу идеалистических воззрений исторической школы права. Однако это не помешало ему высказать ряд ценных идей и выводов. В некоторых из них он поднимается прямо-таки до материалистического объяснения отдельных правовых явлений. Говоря, например, о зависимости юридических наук от действующих законов, Мейер указывает, что содержание последних определяется имущественным бытом в государстве. Имущественный быт определяется законами удовлетворения потребности человека вещами, которые составляют предмет политической экономии⁹².

Будучи решительным противником сословного неравноправия, Мейер пишет: «Напрасно пытаются иные представить деление граждан на сословия общечеловеческой необходимостью, напрасно пытаются различие прав по состоянию свести к человеческой природе: она не знает неравенства прав, а представляет только неравенство людей по их силам, способностям, понятиям – неравенство, не имеющее никакой логической связи с неравенством прав по состоя-

⁸⁵ История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954. С. 20.

⁸⁶ Залесский В.Ф. История преподавания... С. 330.

⁸⁷ Вульфсон Г.Н., Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1850–1861 гг. Казань, 1905. С. 22.

⁸⁸ Чернышевский Н.Г. Сочинения М., 1949. Т. 2. С. 782–783.

⁸⁹ Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855. С. 8.

⁹⁰ Там же. С. 9.

⁹¹ Там же. С. 3.

⁹² Мейер Д. Русское гражданское право. 1915. С. 4–5.

ниям. Не природа человека, а исторические условия развития гражданских обществ создают сословное различие граждан...»⁹³.

В определении права Д.И. Мейер остался на позициях исторической школы права, хотя представление о праве как духовном богатстве нации, на наш взгляд, интересно. «Право, – пишет он, – есть духовное достояние целой нации, неразрывно связанное со всем нравственным ее существом, и вырабатывается из массы воззрений ее на отношение людей между собою, к вещам и обществу»⁹⁴.

Д.И. Мейер явился основателем казанской школы цивилистов.

Многие его идеи, как наиболее передовые и прогрессивные, намного опередившие правовую мысль западных ученых, вошли в сокровищницу русской науки гражданского права. Это отрицание им теории авторского права как права частной собственности, исследование о юридических фикциях, введение новой системы гражданского права и обоснование метода его изучения, учение о семейных отношениях и др.⁹⁵

Будучи видным ученым-цивилистом, Мейер сделал много для развития не только русской науки гражданского права, но и для международного частного права.

Известно, что в своих лекциях по русскому гражданскому праву Д.И. Мейер, касаясь действия закона относительно времени, места и лиц, анализировал коллизионные нормы⁹⁶. Хотя в данном разделе изложение некоторых отдельных проблем международного частного права носило еще схоластический характер, оно имело значение, поскольку было первым изложением вопросов международного частного права в русской юридической литературе⁹⁷.

Вопросы международного частного права затрагиваются Мейером и в ряде других его работ, в частности, в его произведении «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы».

В 1850 г. Д.И. Мейер отправился в Одессу с целью собрать необходимые данные для разработки новой отрасли науки – торгового права, а также познакомиться с методикой преподавания юридических наук в Ришельевском лицее Одессы. В своем донесении Совету Казанского университета Мейер писал: «Как тамошнее торговое сословие представляет смесь людей различных наций, различного образования и с различными юридическими воззрениями, то представляет наблюдателю разрешение задачи, каким образом образовалось и установилось обычное право сего торгового сословия, содержится ли в этом праве стихия национального, преобладающая над другими стихиями, и которой именно принадлежит такой перевес». Все это в глазах Мейера имело бесспорно научное значение. Совет университета утвердил составленную им программу научных изысканий. Результатом поездки были «Юридические исследования относительно торгового быта Одессы». В этой работе обращают на себя внимание не столько специальные моменты, сколько общий подход автора, его высокая оценка правовой науки. Мейер считает, что повязка на глазах богини правосудия – самая нелепая эмблема, ибо «юридический случай есть подлежащая рассмотрению задача», для разрешения которой требуется «утонченное изощрение духа», «употребление самых точных технических приемов...»⁹⁸.

⁹³ Мейер Д. Русское гражданское право. 1915. С. 73.

⁹⁴ Мейер Д. О значении практики в системе современного юридического образования. С. 6.

⁹⁵ Более подробно о его деятельности в области науки гражданского права см.: Певзнер Г.С. Д.И. Мейер – выдающийся цивилист // Ученые записки Казанского университета. 1956. Т. 116. Кн. 13.

⁹⁶ Русское гражданское право. Чтение Д.И. Мейера. Изд. 10. Петербург, 1915. С. 30–34. Мейер, кстати, приводит довольно любопытный по тому времени пример о конфликтах законов местожительства. «...Так, – пишет он, – ни одно европейское законодательство не признает рабства, а потому негр-невольник, прибывший в Европу, не признается рабом, а принимается за лицо свободное» (там же. С. 31).

⁹⁷ Луиц Л.А. Международное частное право. М., 1949. С. 71.

⁹⁸ Мейер Д.И. Юридическое исследование относительно торгового быта Одессы. Казань, 1855. С. 4.

Вся деятельность Мейера оказала большое влияние на группировавшееся вокруг него передовое студенчество и на передовых ученых университета. Научно-педагогическая работа ученого в области гражданского права оставила глубокий след в развитии этой науки, а в той части, которая связана с коллизионными нормами, имела важное значение для возникновения русской науки международного частного права.

Подъем русской прогрессивной науки протекал в острой борьбе передовых ученых университета против представителей так называемой официальной реакционной науки. Творческая научная мысль прогрессивных ученых пробивала путь русской науке через все препятствия, чинимые реакционерами⁹⁹.

Видную роль в создании русской науки международного частного права и развитии институтов международного публичного права сыграл ученик Мейера – Николай Павлович Иванов, закончивший Казанский университет в 1860 г. со степенью кандидата юридических наук. Для приобретения степени кандидата им была представлена работа под названием «Дипломатическая практика западноевропейских государств во 2-й половине XVII столетия»¹⁰⁰. Научное наследие Н.П. Иванова значительно обогатило русскую науку международного права.

Получив хорошие знания и по гражданскому, и по международному праву, Н.П. Иванов был подготовлен к тому, чтобы заняться научным исследованием актуальных проблем международного частного права, выдвинутых самой жизнью¹⁰¹. Его сочинение «Основание частной международной юрисдикции» является первой работой в русской науке международного частного права, где дана самостоятельная теория коллизионного права¹⁰². Отличаясь замечательной ясностью и точностью языка¹⁰³, книга содержит убедительную критику западноевропейских теорий международного частного права того времени. Придя к выводу, что ни одна из этих теорий не может быть безусловно принята в науке права, Иванов выдвинул собственную теорию международной юрисдикции.

Исходная позиция Н.П. Иванова состоит в том, что принцип государственной самостоятельности, с одной стороны, и обязанность взаимного общения наций – с другой, являются двумя основными началами международной жизни¹⁰⁴. Ученый выступает страстным защитником принципа суверенитета государств: «Самостоятельность есть самое священное и дорогое право для государства... каждое государство имеет полное право и даже обязанность отстаивать свою самостоятельность всеми зависящими от него средствами, лишь бы через то не была нарушена самостоятельность других государств»¹⁰⁵.

Международный союз, по мнению Иванова, состоит из равноправных субъектов – независимых государств¹⁰⁶, которые должны находиться во взаимном общении. Отстаивая принцип международного сотрудничества, Иванов гневно обрушивается на те страны, политика которых направлена на отказ от общения с другими государствами. «Государство, – пишет он, – которое стремится к отчуждению от всех других государств, есть всеобщий враг для человечества и недостойно самого имени государства»¹⁰⁷.

⁹⁹ Шофман А.С. Из истории Казанского университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1954. С. 5.

¹⁰⁰ ЦГА ТАССР, ф. 977, ед. хр. 10502, л. 1.

¹⁰¹ В.Э. Грабарь в своем известном произведении «Материалы к истории литературы международного права в России» согласился с тем, что к изложению начал международного частного права Н.П. Иванов был вдохновлен лекциями цивилистов (см.: Грабарь Э.В. Материалы к истории литературы международного права в России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 331).

¹⁰² Луиц Л.А. Международное частное право. С. 71.

¹⁰³ Аннотация на эту книгу содержится в «Московских университетских ведомостях» (1886. № 6. С. 533).

¹⁰⁴ Иванов Н.П. Основание частной международной юрисдикции. Казань, 1865. С. 21.

¹⁰⁵ Там же. С. 20.

¹⁰⁶ Там же. С. 22.

¹⁰⁷ Иванов Н.П. Основание частной международной юрисдикции. С. 21.

В книге дано четкое разграничение между международным публичным и международным частным правом и определение последнего.

Международное частное право, подчеркивает Иванов, определяет юридические отношения между частными лицами, принадлежащие различным государствам или же возникшие за границей¹⁰⁸. Через всю книгу проходит мысль, что каждое государство, будучи по природе своей равноправным с другими государствами, решает коллизию прав по собственному усмотрению. Конечно, было бы наивно ожидать от либерального буржуазного ученого подлинно научной разработки основных принципов науки коллизионного права. Этой книге присуща классовая ограниченность, как и остальным работам Иванова. Неоднократно он, например, ссылается на «основание разума» как один из факторов установления известных юридических норм для взаимных сношений государств.

Но важно подчеркнуть, что при всех своих недостатках труд Иванова «Основание частной международной юрисдикции» положил фактическое начало развитию русской науки международного частного права.

Другая работа Н.П. Иванова «Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии» является его магистерской диссертацией. Она была враждебно встречена представителями официальной науки международного права того времени, что не было случайностью. Достаточно рассмотреть основные положения, выдвинутые и отстаиваемые ученым, чтобы стало ясно, почему представители казенной науки не могли с ними согласиться. Сдержанными и скупыми в оценке этой магистерской диссертации были и отзывы официальных оппонентов во время ее защиты¹⁰⁹.

Прошло около ста лет после выхода книги Иванова в свет, а ценность многих ее положений сейчас очевидна. Прежде всего следует иметь в виду, что это не обычный курс международного права, в котором рассматриваются все его институты, какими были обычно аналогичные курсы и что это в то же время не история международного права, какой были работы Каченовского, Стоянова и т.д.

Произведение Иванова представляет собой оригинальное исследование основных институтов международного права в их историческом развитии. Ученый предполагал впоследствии продолжить работу над книгой и издать ее вторую часть, специально посвященную вопросам права войны, однако сделать ему это не удалось. Как и подавляющее большинство русских международников, профессор Н.П. Иванов решительно выступает против, так называемых, нигилистов, отрицавших за международным правом характер права. Особенно много нигилистов было тогда среди немецких авторов. Наиболее распространенным доводом их была ссылка на отсутствие надгосударственной международной власти. Иванов пишет по этому поводу, что отсутствие общей власти служит в международном праве причиной существования особенных, своеобразных способов охранения международного права, но все-таки не отвергает его¹¹⁰.

Эта идея об особенных, своеобразных способах «охранения» международного права нашла впоследствии свое развитие в интересной теории видного русского юриста Коркунова.

Выступив против тех, кто отрицал международное право, и предложив свою теорию понятия международного права, Иванов справедливо отмечал, что отвергать международное право – значит противоречить очевидным фактам действительной жизни. В этой связи большое внимание уделяет он освещению принципа суверенитета и вновь подчеркивает, что государственная самостоятельность составляет вообще конечную цель политического развития каждой нации и что в международном союзе отдельные государства находятся в положении

¹⁰⁸ Там же. С. 6.

¹⁰⁹ Отзыв профессора А.М. Осипова напечатан в «Ученых записках Казанского университета» (1874. № 6. С. 472, 475).

¹¹⁰ См.: *Иванов Н.П.* Характеристика международных отношений и международного права в историческом развитии. Казань, 1874. С. 15.

юридического равенства. Высказывания Иванова о юридическом равенстве государств – участников международного общения перекликались с известными положениями русских революционных демократов. Прогрессивный ученый не случайно выделяет этот момент при характеристике основных принципов международного права. Дело в том, что в 70-х гг. прошлого столетия (как и в современной практике стран западного мира) бесправие многих государств, их юридическая и фактическая зависимость от империалистических хищников представляет собой вопиющее нарушение общепризнанных начал международного права.

Факт существования самостоятельных государств Иванов объясняет с идеалистических позиций и видит причину этого существования в законе естественной необходимости. В то же время он резко обрушивается на идею образования единого всемирного государства, широко выдвигавшуюся в прошлом некоторыми западными теоретиками. (Следует отметить, что это положение особенно распространено и в настоящее время в американской литературе по международному праву.)

Н.П. Иванов считает, что образование единого всемирного государства было бы нарушением закона естественной необходимости, что «всемирное государство могло бы возникнуть лишь путем чрезвычайного насилия и поддерживаться им»¹¹¹.

Само собой разумеется, что монография Иванова не лишена недостатков. Главные из них определяются ограниченностью мировоззрения автора. Так он, хотя и выдвигал ряд прогрессивных идей, все же был и оставался буржуазным ученым, отсюда и неправильная точка зрения на возникновение международного права, и отрицательное отношение к принципу политического народовластия и неверное представление об источнике международного права, который Иванов видел в юридическом убеждении государств, и т.п.

В то же время Иванов верил в прогрессивное развитие международного права и видел его задачу в том, чтобы способствовать «всеобщему благосостоянию народов». Недаром он заканчивает свою книгу известными словами французского просветителя Монтескье о том, что международное право в своем развитии стремится вообще к тому, чтобы «нации во время мира, насколько это возможно для них без вреда для собственных прав и интересов, оказывали друг другу наиболее добра и во время войны наименее зла»¹¹².

Яркой фигурой в истории правовой мысли на юридическом факультете Казанского университета был А.Г. Станиславский.

Еще будучи студентом, Станиславский вместе с семьёю товарищами был переведен из Киевского университета в Казанский за причастность к делу польского революционера Ш. Канарского, стоявшего во главе революционной организации «Союз польского народа» и расстрелянного царским правительством в 1839 г.¹¹³ Станиславскому и остальным его землякам предписывалось в течение 10 лет находиться в великороссийских губерниях и не дозволялся «приезд в западные губернии во время нахождения в университете и по службе»¹¹⁴. Несмотря на все эти трудности, Станиславский закончил университет и благодаря своим незаурядным способностям был оставлен «для приготовления к профессорскому званию». Он очень нуждался материально и даже после написания диссертации на степень магистра не мог сразу ее защитить, так как не имел средств на ее опубликование. Заявляя на факультете о том, что он не в состоянии выполнить одного из обязательных требований – напечатания диссертации, Станиславский писал, что «невозможность эта происходит от совершенного недостатка средств не только к понесению подобного рода издержек, но и к содержанию самого себя»¹¹⁵.

¹¹¹ Иванов Н.П. Характеристика международных отношений. С. 17.

¹¹² Там же. С. 181.

¹¹³ Канарский был одним из организаторов «молодой Польши». Будучи одно время в эмиграции в Париже, издавал газету, выступавшую за совместную революционную борьбу польского и русского народов.

¹¹⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, юридического факультета, 1839, ед. хр. 10, л. 1.

¹¹⁵ ЦГА ТАССР, ф. 977, юридического факультета, 1839, ед. хр. 8, л. 11.

Станиславский является одним из видных представителей философии права в Казанском университете. В курсе своих лекций он определяет право как совокупность условий, необходимых для выполнения разумных целей бытия при посредстве деятельной воли человека. Это совокупность условий разумной жизни единичных людей и человеческого общества. Целью права является благо. Но в отличие от морали, целью которой тоже является благо, к области права относятся только внешние стороны в действиях людей. Право обособлено от морали, хотя и не должно противоречить ей¹¹⁶.

«Коренной, первоначальный источник положительного права, – пишет Станиславский в полном согласии с идеями исторической школы, – есть народное сознание, есть дух народа, его воззрения и убеждения»¹¹⁷. Выражением народных убеждений является и государство, а потому правом является не только то, что исходит от государства. Источниками права являются обычаи, законодательство, юриспруденция. Станиславский подчеркивает, однако, активную роль законодательства и признает, что «полное бытие права возможно только в государстве»¹¹⁸, ибо последнее охраняет его.

Государство, по мнению Станиславского, нельзя назвать обществом естественным, самую природою данным как семейство и народ; оно должно рассматриваться как продукт человеческой воли¹¹⁹. Такое понимание государства приводит автора к отрицанию в качестве источника права общечеловеческих убеждений, основывающихся на единстве человеческого рода. Аргументируется это отсутствием общего органа, осуществляющего постоянную, правильную, а не случайную и только физическую, охрану права и его осуществления¹²⁰.

Интересны соображения Станиславского о соотношении общественного бытия и законодательства, высказанные им в речи на торжественном собрании Казанского университета 8 июня 1853 г.: «Как совокупность правил, определяющих явления общественной жизни, законодательство по всей справедливости может быть рассматриваемо как самое верное ее отражение»¹²¹. И далее:

«Развитие законов идет, так сказать, рука об руку с развитием самого общества», «каждому моменту в развитии данного государства соответствует непременно такой же момент в развитии его законодательства»¹²².

Итак, в этих положениях подчеркиваются та и другая стороны взаимосвязи общественной жизни и права:

зависимость права от развития общественных отношений и активное воздействие права на них.

По выходе Станиславского в отставку (1879 г.) кафедра энциклопедии права оставалась вакантной. Лекции по данному курсу временно читал специалист по истории русского права профессор Н.П. Загоскин. Его лекции слушал студент В. Ульянов (впоследствии – Ленин)¹²³.

В 80-х гг. XIX столетия профессор Казанского университета Загоскин снискал себе известность как один из прогрессивных профессоров-либералов. Не случайно, обращаясь к студентам-первокурсникам, в числе которых был и молодой Ленин, он говорил: «Вы избрали юридическое образование, этим самым вы взяли на себя высокую цель, цель жизни, которая

¹¹⁶ Изложение дается в книге В.Ф. Залесского «История преподавания философии права в Казанском университете...» (С. 353 и далее).

¹¹⁷ Станиславский А. О происхождении положительного права. Харьков, 1856. С. 48.

¹¹⁸ Там же. С. 23–24.

¹¹⁹ Там же. С. 15–16.

¹²⁰ Там же. С. 21–22.

¹²¹ Станиславский А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 8.

¹²² Там же. С. 9.

¹²³ См.: Иванова З.Д. Юридический факультет Казанского университета в период пребывания на нем В.И.Ленина // Ученые записки Казанского университета. 1956. Т. 116. Кн. 13 С. 8.

будет заключаться в проведении идеи правды в народ...»¹²⁴. И далее он указывал, что университет готовит людей, «способных разумно и сознательно проводить в жизнь идею правды, а не казуистов, способных ловить рыбу в мутной воде российских законов»¹²⁵.

Следуя лучшим традициям преподавания в Казанском университете, Загоскин обличает средневековую схоластику, богословие, которое сковывало мощь, беспредельность и силу человеческого разума¹²⁶. Но критика его основывается на позициях либерала-буржуа.

Раскрывая содержание государственно-правовых явлений, Загоскин использует идеи самых различных авторов. Подобно Станиславскому, он определяет право как совокупность условий разумной жизни отдельных людей и общества. Сославшись на Канта, он пишет далее, что право, обуславливая сферу проявления свободной воли во внешнем мире, создает для отдельных лиц известные ограничения проявлений этой свободной воли в интересах общества¹²⁷. Это объективное право.

Правом в субъективном смысле является все то, что дозволяется свободной воле субъекта при ее проявлении во внешнем мире¹²⁸.

Критикуя идеи исторической школы за крайности ее основных концепций, Загоскин принимает их в определении источников права¹²⁹. Он называет право в числе других явлений (язык, религия, наука, промышленность), развивающихся сами по себе¹³⁰. Между тем и появление, и развитие права обусловлено состоянием экономического базиса общества и соответствующими ему социальными отношениями.

Историческое развитие Загоскин видит как последовательный переход от семьи к роду, племени, государству и союзу государств¹³¹. Здесь, как и при определении государства, ученый пропагандирует естественные основы образования государства. Государством он называет «организованный союз людей, живущих на определенной территории под одною общею властью для совокупного преследования различных целей жизни как отдельных единиц союза, так и всего союза». Это определение выдержано в классическом стиле буржуазной юридической науки и скрывает эксплуататорскую сущность государства как особой машины в руках господствующего в обществе класса.

Отличительной чертой развития правовой мысли на юридическом факультете Казанского университета является то обстоятельство, что в обосновании общетеоретических положений в области философии права, государственного, международного права и др. принимали участие представители специальных юридических наук.

Особенно это характерно для профессоров кафедр гражданского права и гражданского судопроизводства, которым одновременно приходилось вести курсы по энциклопедии права, международному праву и др.

Наиболее ярко это взаимопроникновение общетеоретических положений в области права и выводов специальных отраслевых юридических наук нашло свое отражение в исследованиях такого известного ученого-юриста дореволюционной России, как Г.Ф. Шершеневич, научная деятельность которого началась в стенах Казанского университета. Здесь родились идеи и фрагменты его наиболее известных книг, вышедших в свет уже за пределами Казани.

¹²⁴ Загоскин Н.П. Лекции по энциклопедии права, прочитанные в 1886/87 акад. году юристам первого курса. Литография. С. 2.

¹²⁵ Там же. С. 2–3.

¹²⁶ Там же. С. 21.

¹²⁷ Загоскин Н.П. Лекции по энциклопедии права... С. 51.

¹²⁸ См. там же. С. 54.

¹²⁹ См. там же. С. 61, 121.

¹³⁰ См. там же. С. 68.

¹³¹ См. там же. С. 91 и далее.

Г.Ф. Шершеневич оставил после себя 160 монографий, учебников, статей, рецензий и других работ¹³². Его труды отличаются весьма глубоким пониманием государственно-правовых явлений, особенно с точки зрения их юридического анализа. Широкий кругозор и эрудиция автора, его познания в области философии права и доступность изложения сложных теоретических проблем во многом способствовали авторитету его научных исследований.

Шершеневич мало занимался теорией государства. В определении государства он считает характерными признаками три элемента: а) соединение людей; б) господствующую над ними власть; с) территорию как предел действия этой власти¹³³. Однако Шершеневич, говоря о происхождении государства, на первое место ставит такой факт, как «естественное разрастание, сопровождаемое классовым расслоением, которое создает власть в лице экономически сильнейших...»¹³⁴. Затем указываются и иные причины появления государства. Понятие о государстве, говорит он, только одно – социологическое.

Совершенно справедливо Шершеневич считает государство источником права¹³⁵. Последнее, по его мнению, представляет собой нормы, определяющие отношения человека к человеку угрозой на случай нарушения известным страданием, которое будет причинено установленными для этой цели органами государственной власти¹³⁶. Основной признак права автор видит в том, что «юридические нормы обладают организованной защитой»¹³⁷.

Такое определение права содержит все основные признаки, помимо основного, сущностного: право – это совокупность норм, выражающих волю господствующего в обществе класса, волю, которая обусловлена в конечном счете материальными условиями жизни данного класса.

Вместе с тем Шершеневич был очень близок к восприятию материалистической доктрины в обосновании процесса развития права. Он писал: «Когда утверждается, что право развивается, складывается под условием склада экономических отношений, то против этого невозможно возражать с точки зрения исторической действительности»¹³⁸. «Фактически влияние в государстве, – продолжает он далее, – обеспечивается за классом, имеющим наибольшую экономическую силу. Соответственно этому политический порядок складывается всегда в пользу предоставления власти экономически сильнейшему классу»¹³⁹.

Среди причин, которые обусловили появление права, Шершеневич называет: 1) численный рост общественной группы; 2) нарушение однородности группы, в том числе различие по происхождению и богатству; 3) увеличение числа правил, действующих в обществе¹⁴⁰. Для нас важно заметить, что, стараясь охватить целый круг общественных явлений, способствующих появлению права, ученый показывает, как с самого начала право является инструментом в руках более сильных, могущественных, властвующих¹⁴¹.

Критика Шершеневичем некоторых из основных положений учения Маркса покоится на том, будто экономический фактор, по мнению Маркса, является единственной силой в разви-

¹³² Разумеется, в настоящем параграфе мы не претендуем на анализ и характеристику хотя бы главных из них. Произведения Шершеневича нуждаются в специальном разборе. Здесь же поставлена более скромная задача: показать его исходные методологические и общественно-политические позиции, тем более что работам Шершеневича присущи те черты, которые свидетельствуют об ограниченности буржуазной юридической науки.

¹³³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1. С. 201.

¹³⁴ Там же. С. 260.

¹³⁵ Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 74; Общая теория права. Вып. 1. С. 212.

¹³⁶ Там же. С. 73.

¹³⁷ Там же. С. 63.

¹³⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 2. С. 494.

¹³⁹ Там же. С. 495.

¹⁴⁰ Там же. С. 501–502.

¹⁴¹ Там же. С. 504–505. «Если бы мы не знали, – пишет автор, – степень экономической культуры какого-нибудь народа, но имели бы данным его право, мы могли бы воспроизвести высоту его экономического развития по правовым данным» (Указ. соч. С. 508). Это лишний раз говорит о понимании им глубокой связи между правом и экономической культурой.

тии права и ничто другое никакого влияния здесь не имеет¹⁴². Отсюда Шершеневич приписывает «экономическому материализму» две «ошибки»: 1) игнорирование идейного фактора и 2) устранение сознательности в творчестве права¹⁴³. Здесь нет необходимости доказывать, что ни то, ни другое марксистами никогда не отвергалось¹⁴⁴.

Будучи либеральным буржуазным ученым, Шершеневич не мог тем не менее не признать, что «Огромной заслугой исторического материализма остается то, что он выдвинул выдающееся значение экономического фактора, что он указал возможность связать «в конечном счете» даже высокие идеи и благородные чувства человека с материальной стороной его существования»¹⁴⁵. «...Экономический материализм представляет собой одну из самых крупных гипотез в учении об обществе, способную лучше всего объяснить массу общественных явлений»¹⁴⁶, — пишет он далее.

Неоднократно Шершеневич отдавал предпочтение социалистическим теориям перед консервативными и реакционными. Говоря, например, о разнице между социалистами и анархистами, он называет социализм голосом обездоленного большинства, протестующего против господствующего меньшинства, голосом, который стремится сплотить силы слабых в овладении государственной машиной с целью преобразования права, в то время как анархизм вырывает у слабых всякую надежду на государство и право¹⁴⁷.

«Право, — пишет Г.Ф. Шершеневич, — есть сильное орудие, опасное в одних руках, благодетельное в других. Топором можно срубить лес для постройки избы, но топором можно и человека убить. Все дело в том, чтобы право, как и топор, находилось в таких руках, в которых орудие оказалось бы полезным, а не опасным.

На исторической очереди стоит принцип социалистический, а не анархический...»¹⁴⁸.

Шершеневич был страстным пропагандистом знаний о праве. Особенную реакцию вызвала его публичная лекция «О чувстве законности», прочитанная в Казани 10 марта 1897 г. В ней, в частности, содержались некоторые критические замечания в адрес русской действительности. Говоря о том, что чувство законности стоит в прямой зависимости от общественной среды, Шершеневич указывал: «Если же человек живет в такой среде, где одно лицо соблюдает закон, а другое смеется над ним, когда соблюдать ему не выгодно, где сегодня издается закон, чтобы завтра о нем уже забыли, — там не может развиваться привычка поступать постоянно в согласии с законом, а следовательно, нет почвы для развития чувства законности»¹⁴⁹. Архаичность, сложность и недоступность царского законодательства для трудового народа — один из объектов его критики в данном выступлении¹⁵⁰.

К числу прогрессивных юристов дореволюционной России, идеи и прогрессивные взгляды которых использовались в установлении и создании системы нового советского права, принадлежит профессор Казанского университета А.А. Пионтковский¹⁵¹.

¹⁴² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 123.

¹⁴³ Там же. С. 497.

¹⁴⁴ См. письмо Ф. Энгельса к Г. Штаркенбургу от 25 января 1894 г. (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М.: Госполитиздат, 1953).

¹⁴⁵ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. С. 125.

¹⁴⁶ Там же. С. 125–126.

¹⁴⁷ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. С. 358.

¹⁴⁸ Там же. С. 367.

¹⁴⁹ Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности. Казань, 1897. С. 10.

¹⁵⁰ Там же. С. 12–13.

¹⁵¹ Более подробно взгляды и работы А.А. Пионтковского анализируются в специальном очерке, помещенном в сб.: Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1961.

Андрей Антонович Пионтковский прибыл в Казанский университет 4 января 1899 г. В 1900 г. за сочинение «Условное освобождение» ему присуждается степень доктора уголовного права. С января 1900 г.

он работает ординарным профессором по кафедре уголовного права и судопроизводства, занимает должность секретаря юридического факультета, а с 1911 г. до самой смерти, 25 декабря 1915 г. (7 января 1916 г.), был деканом факультета.

Аналитический ум и широта взглядов позволили Пионтковскому по-новому подойти к задачам науки уголовного права. Будучи страстным поборником социологического направления в этой науке, он однако не ограничивал изучение уголовного права каким-либо одним методом. Поскольку само уголовное право мыслилось им в качестве неразрывной связи криминологии, пенологии, уголовной догматики, то и методы изучения его, соответственно, предлагались различные: социологический, уголовно-догматический, уголовно-политический¹⁵².

Позже ученые предпринимают шаги к более углубленному развитию каждой из отмеченных частей науки уголовного права. И сейчас, в плане новых научных поисков, труды А.А. Пионтковского не утратили своего значения.

Рассматривая преступление как социальное явление, как результат сложного взаимодействия самых разнообразных факторов: физических, социальных и индивидуальных, Пионтковский придавал большое значение криминологическому изучению причин преступности, процесса развития и образования преступных явлений. Большой интерес представляют его высказывания о роли индивидуально-психологических свойств личности, в частности психофизиологических дефектов, в формировании преступных намерений. Психофизиологические дефекты правонарушителей слагаются, по его мнению, «с одной стороны, под влиянием тех условий внешней среды, среди которых им приходится развиваться, а с другой стороны, под влиянием неблагоприятной наследственности, представляющей не чем иным, как застывшим влиянием условий той внешней среды, в которой приходилось жить и развиваться тем поколениям, от которых эти организации происходят»¹⁵³.

Социальные условия формирования личности преступника являются, по мнению Пионтковского, основополагающими. При этом социальные условия внешней среды могут выступать и как непосредственные причины преступлений и как обстоятельства, способствующие им.

Пионтковский подходил к задачам и целям наказания в полном соответствии с пониманием преступления и преступности. Наказание не сводилось только к возмездию, оно выступало как мера борьбы с преступлением и определялось в зависимости от характера преступления и личности самого преступника¹⁵⁴. Ученый обосновал ряд прогрессивных положений по разным проблемам науки уголовного права, он внес особенно большой вклад в развитие институтов условного осуждения и условного освобождения и поэтому был заслуженно признан отцом условного осуждения в России.

Та и другая проблемы были впервые разработаны Пионтковским на самой серьезной основе. Известно, однако, что реакционное большинство Государственного Совета отвергло институт условного осуждения, усматривая в нем подрыв авторитета власти. Условно-досрочное освобождение было введено в царской России в очень скромных масштабах. Тот и другой институты нашли широкое применение только после Октябрьской революции 1917 г.

А.А. Пионтковский был большим гуманистом в вопросах о средствах борьбы с преступностью. В специальном исследовании «Смертная казнь в Европе» он со всей страстью гуманиста делает категоричный вывод о том, что «казнь представляется мерою не только излишней, ненужной, беспомощной, но и вредной, опасной и в этическом отношении недопустимой».

¹⁵² Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть общая. Казань, 1913. С. 2–4.

¹⁵³ Там же. С. 7.

¹⁵⁴ Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть общая. Казань, 1913. С. 2–4.

Глава 2

Общетеоретические научные воззрения в Казанском университете: проблемы государства и права

§ 1. Теория естественного права И.-Х. Финке и ее влияние на государственное устройство и систему права России

Одним из выдающихся ученых-юристов Казанского университета был Иоганн-Христофор (Иван Арнольдович) Финке (1773–1814 гг.).

Будучи уроженцем германского города Геттинген, где он получил образование и защитил в 1798 г. «диссертацию на степень доктора прав», И.Х. Финке в 1809 г. приехал в Россию и начал работать в Казанском университете. В 1814 г. он был избран деканом отделения нравственных и политических наук. Сфера его научных интересов была весьма широка. Например, она включала в себя как римское право, так и уголовное судопроизводство¹⁵⁵. Немалое место в этом спектре занимало *учение о естественном праве*, некоторые положения которого оказали влияние на развитие государства и права в России. Стоит отметить, что чтение курса по естественному праву И.Х. Финке начал лишь в 1813 г. (до этого он преподавал курс положительного права), а в 1816 г. было издано его произведение «*Естественное, частное, публичное и народное право*»¹⁵⁶.

Что же представляла собой его естественно-правовая концепция? Насколько она могла быть применена на практике? Ответ на этот вопрос предполагает анализ основных элементов данной теории.

Во взглядах И.Х. Финке прослеживается влияние И. Канта в том, что касается соотношения нравственного и юридического законов. Для того чтобы лучше понять эту связь, обратимся к некоторым основным положениям знаменитого профессора Кенигсбергского университета.

Человек, в представлении И. Канта, наделен автономной волей, позволяющей ему действовать свободно, не подчиняясь внешним факторам – природной необходимости, божественному предопределению, эгоистическим устремлениям и желаниям. Если в природном мире властвует причинность, когда одно явление с необходимостью порождается другим, то человек как разумное существо способен свободно руководствоваться в своем поведении только тем законом, который провозгласил его разум – нравственным законом.

Так в философское учение И. Канта был введен «категорический императив» – безусловное и ничем не обусловленное требование разума вести себя определенным образом. Категорический императив как абсолютное моральное веление интерпретировался И. Кантом двояко: во-первых, «... поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь полагать, чтобы она стала всеобщим законом»¹⁵⁷; во-вторых, «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему, как к средству»¹⁵⁸.

Приведенные формулировки, будучи абстрактными и лишенными чувственного содержания, тем не менее применимы к конкретным отношениям. Совершая тот или иной посту-

¹⁵⁵ См.: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): рассказы по архивным документам Н. Булича. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. Ч. 2. С. 49–51, 54, 57–59.

¹⁵⁶ См.: Финке И.Х. Естественное, частное, публичное и народное право. Казань: Тип. Императорского университета, 1816.

¹⁵⁷ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. М., 1965. Ч. 1 С. 280.

¹⁵⁸ Там же. С. 270.

пок, человек должен помнить, что аналогичным образом могут поступить и остальные. Следуя этому правилу, человек может самостоятельно выбирать линию собственного поведения, нравственный характер которого в этом случае не будет вызывать сомнений. Такое поведение основано на принципе всеобщего равенства и на исключении всякой возможности использования одного человека в интересах другого.

Необходимо понимать, что реализация выведенного И. Кантом правила возможна при наличии свободы осуществления голоса «практического разума». Хотя свобода присуща человеку отнюдь не всегда, она лежит в основе реализации категорического императива. Часто она перерастает в произвол, ограничить которое призвано право. Оно регулирует внешнее поведение людей и обеспечивается принудительной силой государства. Это далеко не все положения сложного и многогранного учения И. Канта, однако они позволяют выделить нравственную основу природы человека, а также определить внутреннюю и внешнюю сферы регулятивного воздействия.

И.Х. Финке, используя схожие теоретические конструкции, писал следующее. По его мнению, *нравственный закон предполагает наличие внутренней свободы или свободы воли*, при этом высочайший нравственный закон должен основываться на правилах, определяющих «высочайшее благо человека, его внутреннюю и внешнюю свободу». Что касается юридического закона, то его «высочайшее правило может быть не другое какое, как определение внешней свободы всех»¹⁵⁹.

Таким образом, он исходил из того, что человек есть разумное существо, следующее в своем поведении нравственному закону. Нравственный закон основывается на «внутреннем достоинстве» человека и может побуждать его к определенным действиям, вопреки внешним причинам – чувственности, склонности, отвращению (такой закон И.Х. Финке называл этическим). Этим утверждением развивалась известная мысль И. Канта о том, что воля человека автономна, не подчинена механизму чувственной мотивации и может действовать наперекор ему¹⁶⁰.

Такой нравственный закон, по мысли И.Х. Финке, определяет внутреннюю свободу или свободу воли, когда разум человека может оторваться от эгоистических, личных пристрастий, способен вольно и самостоятельно принимать решение. При этом сфера внутренней свободы, подпадающая под действие этического закона, правом не регулируется, а потому не входит в предмет правоведения.

Вместе с тем поведение человека направляется не только нравственным законом, но и внешними побудительными мотивами. В этом случае нравственный закон (называемый в данном случае юридическим), не исключая полностью внешние факторы воздействия на человека, очерчивает границы его внешней свободы – «возможности по свободному произволению располагать своими внешними действиями»¹⁶¹.

Здесь необходимо учитывать еще один момент. *Внешняя свобода признается И.Х. Финке правом каждого*. Поэтому главная задача юридического закона состоит в том, чтобы определить пределы этой свободы так, чтобы при реализации ее одним человеком «ни мало не была стесняема внешняя свобода других». Истоки подобной идеи он находит не только у И. Канта, но и у его предшественников: Гуго Гроция, Христиана Томазия¹⁶².

Иными словами, нравственный закон (выступающий в двух своих ипостасях – как этический и юридический), являясь универсальным и всеобщим, закрепляет и оберегает главную ценность человека – внутреннюю и внешнюю свободу.

¹⁵⁹ См.: *Финке И.Х.* Естественное, частное, публичное и народное право. Казань: Тип. Императорского университета, 1816. С. 2–3.

¹⁶⁰ *Философия: учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова.* М.: Норма, 2008. С. 120.

¹⁶¹ См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 2.

¹⁶² См. там же. С. 3, 19–22.

Он также вслед за И. Кантом утверждал, что единый источник права и морали – практический разум человека, проводя при этом различие между ними. Действие морали охватывает область внутренних побуждений человека, тогда как право регламентирует внешние проявления его поведения.

Опираясь на представление о нравственном законе как подлинном регуляторе поведения человека, И.Х. Финке определял право в субъективном смысле как нравственную возможность что-либо делать или не делать, а обязанность – как нравственную необходимость к действию или бездействию. При этом автором особо подчеркивалась взаимная связь прав и обязанностей, предполагающая, что лишь при их совместной реализации возможна всеобщая внешняя свобода.

Обратим внимание, что И.Х. Финке также отмечал возможность применения принуждения для защиты прав, говоря при этом, что несправедливость препятствует не только своей (т.е. отдельного субъекта), но и общей внешней свободе. В контексте принуждения он разводил внутренние (основывающиеся на добродетели) и внешние обязанности. Последние являются предметом юридического закона¹⁶³.

Подобные высказывания не являются чем-то новым в современной юридической науке. Понимание предмета правового регулирования через призму общественных отношений, включающих поведение и деятельность, является устоявшимся. Однако не стоит забывать, что рассматриваемые идеи описывались в первой четверти XIX века при качественно ином политическом и правовом развитии общества. К тому же уточнение данных положений необходимо для полного понимания всей его концепции.

Рассматривая естественное право, И.Х. Финке отводил ему определенное место в системе наук. В частности, он писал о философии права как о науке, заключающей то, что практический разум постановляет законом внешней свободы. Она называется естественным правом. При этом его необходимо отличать от ряда смежных явлений. Во-первых, это нравоучение. В отличие от естественного права, связанного с внешней свободой, нравоучение сориентировано на внутреннюю свободу. Нетрудно заметить, что оно связано с нравственностью. Во-вторых, стоит отметить политику. Трактовка И.Х. Финке здесь также оригинальна: данное понятие он рассматривал как учение о благоразумии, учение о приличных средствах к достижению какой-нибудь цели. Важно отметить, что государственная политика рассматривает способы достижения цели государства, но не саму эту цель. Определение последней – удел естественного права. В-третьих, речь идет о философии положительного права – науке, исследующей положительное право сообразно его цели и законам разума. Она рассматривает его по правилам, выводимым из применения естественного права и политики¹⁶⁴.

Здесь можно сделать некоторые выводы. Система социального регулирования (мораль, естественное право и позитивное право) ложится в основу системы наук. Поэтому понимание естественного права многогранно. Это не просто комплекс существующих априори норм. Это также наука, связанная в какой-то степени с этикой и политологией (в контексте рассматриваемой модели – нравоучение и политика соответственно). Наконец, естественное право должно направлять и определять существование положительного (позитивного) права.

Рассмотрение естественного права предполагает анализ его структуры. В этом плане можно отметить следующее.

В изучаемой концепции И.Х. Финке рассматривается законное отношение человека, которое существует двояко: *естественное состояние и гражданское состояние*. Критерием

¹⁶³ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 4–5.

¹⁶⁴ См. там же. С. 7–8.

разграничения служит отношение к государству. В первом случае гражданин рассматривается вне отношения к государству, во втором – как член какого-либо государства¹⁶⁵.

Как видно, подобно И. Канту и иным представителям естественно-правовой концепции, И.Х. Финке допускал существование гипотетического естественного состояния, характерного для человека вне его отношений с государством. Человеку в естественном состоянии присущи субъективные естественные права. Совокупность таких прав И.Х. Финке, следуя И. Канту и идя вразрез со сложившейся традицией, называл естественным или всеобщим частным правом.

Первоосновой всех естественных прав он считал свободу и равенство. Лицо изначально обладает только одним врожденным правом – свободой, коренящейся в природе человека и позволяющей ему быть независимым в распоряжении своей личностью, не нарушая при этом прав других лиц и не ограничивая себя договорами.

Таким образом, очевидно, почему выделение естественного и гражданского состояния определяет систему естественного права. В частности, на естественном состоянии основывается *естественное (всеобщее) частное право*. Оно, в свою очередь, существует в двух формах. Во-первых, речь идет о безусловном естественном частном праве – совокупности прав и обязанностей, вытекающих из природы человека как свободного разумного существа. Во-вторых, можно говорить об условном естественном частном праве, которое определяет права и обязанности человека при предложении некоторых действий¹⁶⁶.

Что касается гражданского состояния, то на нем *основывается естественное (всеобщее) государственное право и естественное (всеобщее) гражданское право*. Если в первом случае определяются отношения между главой государства и его членами по отдельности, то во втором регламентируются отношения только между членами государства (гражданами) между собой¹⁶⁷. Естественное государственное и гражданское право, подобно естественному частному праву, И.Х. Финке подразделял на безусловное и условное.

Безусловное государственное право, в авторской формулировке, «определяет права и обязанности государства, вообще без всякого отношения к особенной конституции»¹⁶⁸. Иначе говоря, безусловное государственное право устанавливает универсальные принципы организации и осуществления государственной власти. Условное государственное право, определяя права и обязанности государства только в отношении к особенной конституции, фактически закрепляет конкретный порядок организации и реализации государственной власти, присущий той или иной форме правления.

Безусловное гражданское право закрепляет частные права и обязанности граждан, принадлежащие им «вообще» т.е. вне зависимости от совершения ими каких-либо действий. Условное гражданское право содержит правила, определяющие права и обязанности граждан, вытекающие из совершения им каких-либо законных действий¹⁶⁹.

Концепция И.Х. Финке не оставила без внимания и международное правовое регулирование, выделяя на основе всеобщего частного права, применимого к разным народам, *естественное (всеобщее) народное право*¹⁷⁰.

Таким образом, здесь в контексте естественного права видно системное образование особого рода. Оно охватывает международное и национальное право, сочетаясь в последнем с рядом публичных и частноправовых институтов.

¹⁶⁵ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁶⁶ См. там же. С. 10–11.

¹⁶⁷ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 11.

¹⁶⁸ См. там же. С. 125.

¹⁶⁹ См. там же. С. 227.

¹⁷⁰ См. там же. С. 11.

Понимание концепции И.Х. Финке предполагает учет взаимодействия всех рассматриваемых блоков (естественное частное право, государственное, гражданское, народное право). Вместе с тем каждая из этих конструкций может быть вкратце охарактеризована следующим образом.

Безусловное естественное частное право, как отмечалось ранее, вытекает из природы человека, который, будучи физическим и разумным субъектом, может жить физическим и нравственным образом. Поэтому, определяя перечень врожденных прав человека, И.Х. Финке называл права, направленные на совершенствование человека. Цель людей, согласная разуму, полагает автор, состоит в усовершенствовании своей нравственной и физической природы, поскольку это служит основанием внутренней и внешней свободы¹⁷¹. Это предполагает возможность свободного использования своего организма, поддержание его на должном уровне развития. Главное при этом – не нарушать права других субъектов. Кроме того, человеку врожденно принадлежит право свободно распоряжаться своими интеллектуальными способностями, не посягая при этом на свободу других лиц.

По этой же причине человек обладает свободой мысли, совести и религии. Свободу мысли И.Х. Финке определял как право излагать свои мысли и сообщать их другим; свободу совести как «власть действовать сообразно своим нравственным убеждениям»; свободу религии как свободу поступать сообразно своим религиозным убеждениям¹⁷².

Содержание этих юридических свобод не потеряло актуальности и в современном обществе. Так речь идет о возможностях беспрепятственно размышлять и излагать свои мысли, действовать сообразно своим нравственным убеждениям, поступать в соответствии со своими убеждениями в отношении религии.

Поскольку человек как физическое и нравственное существо имеет право на свое существование, то, по мысли И.Х. Финке, к безусловным естественным правам следует отнести и право на пользование предметами внешнего мира (вещами) для достижения собственных целей. Человек волен использовать вещь любым физически возможным способом при условии, что это не нарушает свободу других лиц. Право пользования вещами предполагает и право на их приобретение или присвоение.

В естественном состоянии право пользования и входящее в него право приобретения вещей принадлежит в равной мере всем людям, поэтому И.Х. Финке допускал существование «первоначального права на общность имений»¹⁷³: никто не имеет исключительного права на внешние предметы, но каждый может пользоваться ими, а значит, и приобретать исключительные права на них. Другими словами, следуя И. Канту, он считал, что частное право предполагает предшествующий коммунизм. Однако можно предположить, что общность имений, равно как и само естественное состояние, в концепции И.Х. Финке являлась лишь гипотетическим построением. Собственно, и И. Кант «принимает коммунизм не как историческую действительность, не как эмпирический факт, а как чистую идею разума: может быть, так и не было, но так должно было быть»¹⁷⁴.

В характеристике содержания и пределов реализации неотъемлемых прав человека в естественном состоянии последовательно проводится основной принцип рассматриваемой концепции: «свобода каждого, совместная со свободой других».

Ранее отмечалось взаимодействие блоков модели естественного права И.Х. Финке. В данном случае безусловное естественное частное право необходимо оценивать через призму безусловного государственного права и безусловного гражданского права.

¹⁷¹ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 113.

¹⁷² См. там же. С. 34.

¹⁷³ Там же. С. 37.

¹⁷⁴ Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907 (изд. бр. Башмаковых). С. 502.

Думается, что безусловное государственное право описывает саму природу государственной власти, ее роль в обществе. Государство, будучи универсальной политико-правовой организацией, управляет обществом.

Здесь ясно обнаруживаются договорные начала государственности. Подробнее об этом будет говориться далее. Государство является союзом людей, объединившихся для защиты своих прав под управлением государственной власти. Поэтому цель государства – защита прав граждан и обеспечение их внешней свободы. Но счастье и благополучие отдельного гражданина не является целью государства, поскольку это сфера внутренней свободы человека. Государство же охраняет только внешнюю свободу граждан, используя при этом принуждение. Так И.Х. Финке вслед за И. Кантом очерчивает четкие границы вмешательства государства в частную жизнь человека, отводя ему роль защитника прав и свобод и исключая тотальную опеку.

В государственном состоянии человек сохраняет данные ему от природы права. Однако их реализация поставлена в зависимость от соответствия такого поведения целям государства и охраняемым правам других лиц. Взаимодействие основных элементов всей системы естественного права выглядит здесь следующим образом.

И.Х. Финке полагал, что правитель с учетом необходимости достижения цели государства может ограничить или даже уничтожить какие-либо приобретенные права¹⁷⁵. Последние связаны с условным естественным правом, о котором речь будет идти далее. Однако возможны ли подобные ограничения для безусловного естественного права?

Здесь также необходимо вспомнить о естественном гражданском праве. В его рамках отмечается, что «гражданин имеет также как и человек в состоянии природы свои неотъемлемые права, доколе он их не употребляет во зло и не причиняет тем вреда государству или согражданам»¹⁷⁶. Стоит обратить внимание, что подобное ограничение закреплено именно в рамках естественного гражданского права, регламентирующего отношения между членами государства. Здесь не столь сильны вертикальные отношения, больше присущие естественному государственному праву. Возможно, поэтому в данном случае речь идет о пресечении злоупотребления неотъемлемыми правами, а не об активном вторжении в их содержание. Эти положения И.Х. Финке развивал в рассуждениях о безусловном (всеобщем) гражданском праве. В частности, он писал, что гражданин имеет полное право на свое тело и силы, если он не причиняет этим вред гражданам и государству. Что касается душевных способностей, то гражданин имеет полную свободу мысли и совести в юридическом смысле. Главное при этом – не нарушать права граждан и не препятствовать реализации всеобщей государственной цели¹⁷⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подчеркивается незыблемость, первичность безусловного естественного права. Безусловно, концепция И.Х. Финке излагалась им самым крайне осторожно, в чем-то спорно и противоречиво. Однако если учитывать, что рассматриваемые идеи существовали на рубеже XVIII–XIX веков в Российской империи с господствовавшим самодержавием и крепостным правом, прогрессивность данных идей – налицо.

Далее следует рассмотреть условное естественное частное право. Его основы вытекают из безусловного естественного частного права. Здесь внимание акцентируется на частноправовом регулировании (вещном и обязательственном). В частности, в рамках вещного права рассматриваются институты владения, права собственности, содержание, а также способы их приобретения. Очевидно, что такой подход не случаен. Реализация естественного условного и безусловного права зиждется на понимании человека как свободного индивида. Подлинная свобода возможна при наличии у него имущества, так как в этом случае он не столь зависим

¹⁷⁵ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 126.

¹⁷⁶ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 222.

¹⁷⁷ См. там же. С. 224.

в удовлетворении своих физических потребностей, и может сосредоточиться на нравственном развитии.

Наличие свободы воли является краеугольным камнем частного права в целом и обязательственного права в частности. Видимо, не случайно И.Х. Финке много внимания уделяет договорному праву, рассматривая здесь также виды договоров, условия их действительности и прекращения. Стоит отметить, что среди препятствий действительности договорных обязательств он упоминает ошибку, обман, принуждение или насилие¹⁷⁸. Очевидно, что с точки зрения частного права подобные явления не являются чем-то новым. Однако они свидетельствуют о необходимости проявления свободы – одного из важнейших оснований всей концепции И.Х. Финке.

Не обходит он стороной и наследственное право, включаемое им в систему условного естественного частного права. Здесь опять же бросается в глаза принцип свободы воли, наиболее ярко проявляемый при составлении завещания. Эту мысль И.Х. Финке доводит до логического конца, подчеркивая наличие естественного права при наследовании по завещанию. Отсутствие последнего, по его мнению, делает невозможным связь с естественным правом¹⁷⁹.

Отдельное место в системе условного естественного частного права занимает *естественное общественное право*. Рассуждения об обществах неизбежно заставляют задуматься о качественно новом виде субъектов права. С точки зрения современной науки можно вести речь об институте юридических лиц. Однако применимо к рассматриваемой модели естественного права данные рассуждения требуют некоторых уточнений.

И.Х. Финке понимал общество в двух смыслах. С формальной точки зрения оно представляет «соединение многих людей для достижения общей цели»; в материальном (вещественном) смысле – «совокупность людей, из которых каждый порознь называется сочленом общества; не принадлежащий же к обществу именуется посторонним»¹⁸⁰. Данный подход позволял выделять как самих субъектов, так и связи между ними, что говорит о проявлении основ системного подхода.

Также необходимо учитывать, что в рамках рассматриваемой концепции естественного права общество зиждется на договоре. Здесь можно проводить параллели с государством, которое также основывается на договорных началах.

Какие же общества можно выделить в данном случае? Прежде всего это брак, целью заключения которого является рождение и воспитание детей. Очевидно также то, что брак предполагает наличие брачного договора, закрепляющего права и обязанности супругов¹⁸¹.

Также необходимо отметить церковь, являющуюся основывающимся на договоре обществом, «соединившимся для общественного богослужения»¹⁸². В данном случае также можно увидеть связь между различными частями концепции естественного права И.Х. Финке. Дело в том, что церковь связана с верой, которая сильно сориентирована на внутренний мир человека. Более того, в безусловном естественном частном праве присутствует свобода религии (вероисповедания).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Безусловное естественное частное право, будучи связанным с природой человека, его физическими и нравственными потребностями, определяет содержание условного естественного права. Например, правовое регулирование имущественных отношений вызвано правом на использование окружающих человека объектов. Закрепление института брака обуславливается правом на продолжение своего рода.

¹⁷⁸ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 47.

¹⁷⁹ См. там же. С. 69–70.

¹⁸⁰ См. там же. С. 79–80.

¹⁸¹ См. там же. С. 90–91.

¹⁸² См. там же. С. 96, 98.

Отсюда же вытекает необходимость регулирования наследственных отношений. Наконец, как ранее отмечалось, правовое регулирование церковных отношений связано со свободой религии.

Применяя метод абстрагирования, можно представить естественное право в целом в виде многоуровневой конструкции, где один уровень взаимодействует и обуславливает необходимость существования другого. Одним из них является условное гражданское право, входящее в систему естественного гражданского права.

Необходимость рассмотрения условного гражданского права обуславливается тем, что оно ограничивает всеобщее естественное право, вводит его в определенные рамки.

Каким образом устанавливаются эти границы? Здесь можно привести следующий пример. И.Х. Финке отмечал, что в гражданском обществе нет места такому способу прекращения права собственности как самовольное отнятие одним субъектом имущества другого. Самоуправство ограничивается судебным разбирательством¹⁸³. Очевидно, что в естественном состоянии каждый сам защищает свое имущество и несет связанные с этим риски. Однако это может провоцировать хаос. Государство вмешивается в эти отношения, вводя их в цивилизованные рамки.

Цель государства – заботиться о всеобщем благе. Если естественное право отклоняется от этой цели, государство его ограничивает. Условное гражданское право – своеобразная форма контроля над естественным частным правом.

Таким образом, естественное гражданское право в концепции И.Х. Финке последовательно воплощает мысль И. Канта о том, что справедливое гражданское управление состоит в сочетании возможно большей свободы с непререкаемой властью¹⁸⁴.

Продолжая анализ взглядов И.Х. Финке, необходимо проанализировать его идеи относительно государства, его природы, функций, назначения.

Государство он определял как «общество людей, соединившихся для защиты всех прав своих под управлением публичной власти, именуемой властью государственной»¹⁸⁵. Безусловно, с точки зрения современной теории государства и права данная дефиниция является спорной. Публичная власть может существовать в разных формах (например, политическая власть). Однако стоит помнить, что в первой четверти XIX века политические системы Российской империи и многих других европейских государств существенно отличались от их современных аналогов. Предложенное определение интересно еще и тем, что выводит на договорные начала образования государства, так как речь идет об объединившихся людях.

И.Х. Финке скрупулезно подошел к анализу этих начал, выделив несколько видов договоров. Во-первых, речь идет о договоре, в котором «народ соглашается составить государство» (договор гражданского соединения). Во-вторых, выделяется договор, «которым определяется конституция государства» (договор гражданской конституции). В-третьих, должен быть договор, «которым определяется правитель» (договор подданства или подчиненности)¹⁸⁶. Таким образом, договорные отношения охватывают основные аспекты возникновения и развития государства: его образование, правовые основы, закрепление формы правления.

Отсюда становится очевидной цель государства. Таковой является защита прав и свобод граждан, их законных интересов. Конечно, цель государства нельзя отождествлять с целью отдельных лиц, равно как государственные интересы не совпадают с интересами отдельных индивидов. Эта идея, вытекающая из рассматриваемой концепции, актуальна и поныне.

¹⁸³ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 229.

¹⁸⁴ Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XVIII вв. и XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912 (Т-во «Печатня С.П. Яковлева»). С. 266.

¹⁸⁵ См.: Финке И.Х. Указ. Соч. С. 112.

¹⁸⁶ См. там же. С. 121.

Почему же возникает государство? В естественном состоянии каждый защищает свое право сам, отсюда возникает возможность бесконечной войны. Это противоречит самой идее справедливости. Нужен внешний арбитр, способный разрешать противоречия. Люди объединяются потому, что естественное состояние имеет пределы своего развития.

Как известно, у договорной теории происхождения государства есть один существенный недостаток. Ее тяжело подтвердить эмпирически, т.е. найти массовые подтверждения подобного пути возникновения государств. Сама возможность возникновения в этой сфере договорных отношений требует определенного уровня политической культуры, существующего у развитых политических систем. В известной степени это понимал и И.Х. Финке, подчеркивавший, что «почти все государства и государственные конституции были основаны силой и властью»¹⁸⁷.

Трактовка государственной власти в рассматриваемой концепции носит сложный, порой противоречивый характер. С одной стороны, в русле идей И. Канта провозглашается божественный характер государственной власти, необходимость ей повиноваться, что следует из нравственных начал человека. С другой стороны, в рамках безусловного государственного права определяется подчиненность церкви государству¹⁸⁸. С чем это связано? Видимо, здесь проявились себя две причины. Во-первых, имела место общая тенденция западноевропейской политико-правовой мысли, направленная на усиление светских начал. Во-вторых, в России общество было религиозным, но церковь находилась под контролем государства.

В рассуждениях о статусе правителя И.Х. Финке также крайне осторожен. С одной стороны, договорные основы существования государства подчеркивают относительную свободу граждан. Здесь стоит вспомнить повлиявшие на него идеи Ж.Ж. Руссо, лейтмотивом концепции которого является идея народовластия. Суверенитет, по мнению знаменитого французского мыслителя, является исполнением общей воли, только она «может направлять силы государства к общему благу»¹⁸⁹. Схожие идеи можно также найти в трудах И.Х. Финке.

С другой стороны, подчеркивается свобода и независимость правителя, в отношении которого не может быть никакого принуждения¹⁹⁰. В этих положениях ощущается влияние концепции Ж. Бодена. Последний, провозглашая идею суверенной государственной власти, полагал, что суверенитет – это сила, стоящая над всеми гражданами и не имеющая над собою ничего высшего, даже закона¹⁹¹. Подобные идеи часто бывают связаны с конкретно-историческими условиями, в которых жили и творили мыслители. И.Х. Финке здесь не был исключением. Да и можно ли было по-другому рассуждать в обществе, где царило самодержавие и крепостничество? Думается, что нет. Кроме того, идея абсолютной государственной власти имманентна теории естественного права, поскольку только по-настоящему сильная и независимая государственная власть способна обеспечить и гарантировать естественные права человека.

Интересно отметить отношение И.Х. Финке к вопросу разделения властей. *Власть правителя, направленную на достижение государственной цели, он делил на законодательную и исполнительную*, обходя, однако при этом проблему соотношения этих ветвей власти.

Тем не менее весьма прогрессивными выглядят сами его мысли о выделении законодательной власти. Идея, безусловно, не нова, но предложенный подход в определенной степени является фундаментом для развития принципа законности.

¹⁸⁷ Финке И.Х. Указ. соч. С. 117.

¹⁸⁸ См. там же. С. 119, 127.

¹⁸⁹ См.: Руссо Ж.Ж. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: Росток, 2013. С. 135.

¹⁹⁰ См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 128.

¹⁹¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 272.

Это подтверждается тем, как описывается этот вид власти. В частности, И.Х. Финке отмечал важность опубликования законов, недопустимость обратной силы закона. Он также рассматривал prerogatives законодательной власти, писал о выделении гражданского и уголовного законодательства¹⁹².

Дабы оценить значимость этих идей, во многом актуальных и поныне, важно понять, что они высказывались два века назад. Очевидно, на взгляды И.Х. Финке повлияли политико-правовые (в том числе революционные) идеи его современников.

Не обошел он стороной и исполнительную власть. Ее содержание трактуется весьма широко. Особо стоит отметить, что помимо прав верховного надзора, полиции, воинской власти, контроля над финансами и возможности заключать мир, И.Х. Финке также отнес сюда судебную власть¹⁹³. Подобный подход говорит о некоторой осторожности в изложении им своей концепции. Безусловно, здесь мы не увидим классического принципа разделения власти. Вместе с тем достаточно подробно описывается суд, его компетенция. Анализ данных идей опять иллюстрирует некоторую непоследовательность И.Х. Финке.

С одной стороны, подчеркивается важность рассмотрения дел беспристрастно и в соответствии с законом. С другой стороны, отмечается возможность выделения частных и привилегированных судов, в особых случаях оправдывается применение пытки¹⁹⁴.

Рассуждения И.Х. Финке о государстве подчинены общей логике его концепции. Поэтому многие положения трактуются неоднозначно. Например, в описании полиции, входящей в исполнительную власть, подчеркивается институт цензуры. Его основная цель – воспрепятствование печати книг, «противных религии, добрым нравам, существующей государственной конституции»¹⁹⁵. Очевидно, что цензура в данном случае направлена на осуществление общей цели государства. Можно увидеть ее связь с всеобщим благом и справедливостью. Как известно, абсолютной свободы не бывает, а изложение своих мыслей в печатной или иной форме не должно нарушать права и свободы других лиц. Вместе с тем реализация института цензуры может входить в противоречие с принципами гражданского общества. Однако как найти ту грань, которая позволила бы сохранить естественные права и свободы? Идеи И.Х. Финке вновь заставляют задуматься над этими сложными вопросами.

Не менее значимы его взгляды, сформулированные в рамках условного государственного права. Его содержание в основном посвящено форме правления в контексте рассмотрения его трех элементов: формы правления, формы государственного устройства, государственного (политического) режима. Конечно, мы не найдем прямое указание на эти термины, все элементы сильно смешаны.

Рассматривая различные формы правления, И.Х. Финке классифицировал их по следующему признаку: принадлежит ли верховная власть одному лицу (монархия), какому-либо сословию (аристократия) или всем гражданам без исключения (демократия). Вне зависимости от формы правления, государственная власть вверяется правителю общей волей всех граждан¹⁹⁶. Стоит отметить, что время на рубеже XVIII–XIX веков давало богатую почву для размышлений в этой сфере. Война за независимость в североамериканских колониях, революционные события во Франции создали идеологическую платформу для развития идей в данной сфере.

В данном случае рассуждения И.Х. Финке опять выглядят осторожными. Обращаясь к вопросу о лучшей форме правления, он предлагал решать его применительно к каждому

¹⁹² См.: Финке И.Х. Указ. соч. С. 129–130.

¹⁹³ См. там же. С. 141.

¹⁹⁴ См. там же. С. 155–159.

¹⁹⁵ См. там же. С. 167.

¹⁹⁶ Финке И.Х. Указ. соч. С. 185–186.

народу, учитывая прежде всего религию, степень образованности и менталитет нации. Однако наибольшее влияние на эффективность формы правления оказывает добродетель и благоразумие правителя. Впрочем, по его мысли, различие форм правления не имеет практического значения, поскольку народ лишен права на одностороннее изменения однажды установленной формы правления. Она может быть трансформирована только путем договора между правителем и народом¹⁹⁷. Иными словами, И.Х. Финке выступал ярким противником революционного свержения власти.

Не отдавая явного предпочтения ни одной из форм правления, он называл монархию наиболее естественной и прочной формой правления. Именно монархия, по его мнению, исходит из самой природы вещей, тогда как аристократия и демократия образуются благодаря различным обстоятельствам и потребностям¹⁹⁸. Подобная расстановка приоритетов выглядит совершенно естественной, если учесть, что в период жизни И.Х. Финке подавляющее большинство государств были монархиями.

Здесь необходимо вспомнить о том, что формы правления (заметим, с теми же названиями) были также в сфере внимания Ж.Ж. Руссо. Сравнивая республику и монархию, он прямо указывал недостаток последней, заключающийся в менее эффективном комплектовании государственных должностей (их занимают «плуты» и «любители склок»)¹⁹⁹. Возможно, И.Х. Финке опирался на эти взгляды Ж.Ж. Руссо, придав им более обтекаемый характер.

В рассматриваемой концепции также можно увидеть попытку классификации форм государственного устройства. И.Х. Финке делил государства на простые и сложные, в зависимости от того, являются ли членами государства граждане или другие государства. Сложные государства необходимо отличать от союза независимых государств, в которых отсутствует единая верховная власть²⁰⁰.

И.Х. Финке также выделял естественное народное право. Международное правовое регулирование два столетия назад отличалось от его современного аналога. Тем не менее рассматриваемые положения могут быть весьма интересны.

По его мнению, народное право регулирует как отношение одного народа к другому, так и отношение народа к находящимся вне его состава частным лицам. При этом отрицается существование положительного народного права, так как народы свободны и сами определяют над собой власть. Следуя традиции, И.Х. Финке делил народное право на безусловное и условное. Если в первом случае речь идет о праве, основывающемся только на началах, выводимых «из единственно возможных между народами естественных отношений», то во втором предполагается право, которое напротив происходит «из особенных обстоятельств или деяний»²⁰¹.

Таким образом, народное право связано со свободой народа, которую только он сам может ограничить, связав себя договорными обязательствами. Хотя естественное право в силу необходимости его обеспечения нуждается в позитивном праве, в данном случае подчеркивается отсутствие положительного права. Сами народы, вступая в отношения, обеспечивают действие народного права. Наконец, стоит подчеркнуть, что здесь проглядывается система права народов близкая к пониманию системы современного международного права. Несомненно, выделение двух групп общественных отношений, свидетельствует о проявлении публично-правовых и частноправовых начал в праве народов.

¹⁹⁷ См. там же. С. 187.

¹⁹⁸ См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 191.

¹⁹⁹ См.: *Руссо Ж.Ж.* Политические сочинения... С. 179.

²⁰⁰ См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 189.

²⁰¹ См. там же. С. 235–236.

Наиболее ярко естественное право проявляется в безусловном народном праве. Оно максимально полно воплощает идею свободы и равенства народов, определяет природу условного народного права.

Содержание последнего, по мнению И.Х. Финке, является разносторонним. Здесь можно увидеть рассуждения о собственности и способах ее приобретения между народами, международных договорах, суверенитете и правовом статусе иностранцев, правовом регулировании дипломатических отношений, ведении войны и заключении мира²⁰².

С точки зрения современного исследователя здесь нет многих институтов современного международного права. Однако их и не стоит пытаться увидеть. Во-первых, И.Х. Финке опирался на то состояние международного правового регулирования, при котором жил и создавал свои труды. Во-вторых, содержание условного народного права необходимо трактовать через призму основных категорий рассматриваемой концепции естественного права: свобода, нравственность, справедливость и т.д.

Значение трудов И.Х. Финке сложно переоценить. Пробыв сравнительно недолгое время на территории Российской империи, он внес неоценимый вклад в российскую правовую науку и в систему юридического образования, повлиял на развитие правовой культуры общества.

В частности, Н.Н. Булич отмечал, что И.Х. Финке два года, начиная с 1811 г., преподавал чиновникам естественное, римское и частное гражданское право²⁰³. Таким образом, происходило просвещение государственных служащих, что в определенной степени могло сказаться на развитии государства.

Стоит отметить, что идеи о свободе и справедливости, воплощаемые в естественном праве, повлияли на воззрения декабристов, вышедших на Сенатскую площадь²⁰⁴.

В целом, говоря о И.Х. Финке как о преподавателе, можно отметить его попытки усовершенствования учебного процесса. Остро понимая все сложности языкового барьера, он ставил вопрос о преподавании на русском языке. Весьма позитивной является его мысль о том, что студенты должны пользоваться учебником, подготовленным профессором и содержащим в себе конспект лекций²⁰⁵. Безусловно, эти, казалось бы, прописные истины актуальны и сегодня. Развитие современного правоведения немыслимо без анализа зарубежного правового опыта, а для этого ученый-юрист должен владеть иностранными языками. Своевременная подготовка учебной литературы в условиях постоянного обновления содержания учебных дисциплин также является одним из условий высокой степени эффективности образовательного процесса.

При этом сложно делать однозначные выводы о влиянии, оказанном естественно-правовой концепцией И.Х. Финке на систему права России. Как известно, она вплоть до Октябрьской революции 1917 г. строилась согласно изданному в 1832 г. под руководством М.М. Сперанского Своду законов Российской империи. Вместе с тем можно предположить, что естественно-правовая концепция И.Х. Финке, вобравшая в себя передовые идеи в области права, могла сказаться на формировании воззрений М.М. Сперанского и таким образом задать общий вектор систематизации российского законодательства в первой половине XIX века.

Структура Свода законов Российской империи учитывала деление права на частное и публичное, принятое в западноевропейской правовой традиции. Еще работая над проектом государственных преобразований в России, М.М. Сперанский писал: «Общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ. В великой сложности сих отношений и законов, от них возникающих, необходимо нужно постановить

²⁰² См.: *Финке И.Х.* Указ. соч. С. 238–292.

²⁰³ См.: *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 54.

²⁰⁴ См.: Юридический факультет Казанского университета: третий век образования, науки и воспитания / Науч. ред. И.А. Тарханов. Казань: Казанский государственный ун-т, 2009. С. 61.

²⁰⁵ См.: *Булич Н.Н.* Указ. соч. С. 55–56.

главные их разделения. Началом сих разделений приемлются самые предметы законов: отношения людей, в обществе живущих. Отношения сии двояки: каждое лицо имеет отношения ко всему государству и все лица в особенности имеют отношения между собою. Отсюда возникают два главных раздела законов: Законы государственные определяют отношения частных лиц к государству. Законы гражданские учреждают отношения лиц между ними»²⁰⁶.

Как видно, М.М. Сперанский, подобно И.Х. Финке, стремился провести четкое разграничение двух сфер правового регулирования: отношений между государством и гражданином и отношений между гражданами. Подобный подход был последовательно реализован и при составлении Свода законов Российской империи, подразумевавшего разделение законов на два рода: государственные и гражданские, что соответствует традиционному для западноевропейских правовых систем делению права на частное и публичное.

Завершая рассуждения о значении взглядов И.Х. Финке, необходимо отметить, что идея внутренней и внешней свободы человека, развиваемая в основных положениях рассматриваемой концепции, закономерно подводит нас к учению о правовом государстве. Хотя само понятие правового государства в работе не используется (оно сформируется гораздо позже), основные элементы указанной политико-правовой конструкции здесь отражены.

Как известно, одним из ключевых тезисов теории правового государства является признание государством неотъемлемых прав человека, очерчивающих сферу его свободы и автономии. При этом грань между свободой гражданина в государстве и его произволом определяют право. В работе И.Х. Финке раздел между свободой и произволом гражданина проводится с помощью естественного гражданского права.

Народ в правовом государстве не пассивный объект власти, а ее источник, носитель суверенитета. Организация и функционирование государственной власти, ее взаимоотношения с гражданином строятся на правовых началах. В естественно-правовой теории И.Х. Финке регулятором этих отношений выступает естественное государственное право.

Таким образом, триада – право, государство, свобода, – выражающая квинтэссенцию теории правового государства, в концепции И.Х. Финке раскрывается в сложной системе естественного права.

²⁰⁶ Сперанский М.М. План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905 (типолитография тов-ва И.Н. Кушнерев и К. Пимен). С. 2.

§ 2. Философия права А.Г. Станиславского: истоки и трансформация

Одним из видных представителей плеяды ученых-юристов, чья творческая деятельность оставила яркий след в летописи юридического факультета Казанского университета, является профессор Антон Григорьевич Станиславский. Он родился в 1817 г. в дворянской польской семье юго-западного края Российской империи. А.Г. Станиславский был выпускником юридического факультета Казанского императорского университета, после окончания, которого 27 сентября 1842 г., он одним из первых защитил диссертацию на степень магистра гражданского законоведения по теме: «Об актах укрепления прав на имущества». Среди основных положений его магистерской работы заслуживает внимания положение о том, что воля есть одно из основных начал общественного развития. Важным практически аспектом преисполнен вывод о требовании, предъявляемом к лицам, замещающим чиновничьи должности. Последние должны обладать «особенными нравственными качествами, опытом в делах и иметь поручительство неопороченных людей»²⁰⁷. Его исследовательская методология основывалась на симбиозе философского, исторического и догматического методов.

В 1843 г. в звании адъюнкта кафедры энциклопедии права началась педагогическая деятельность А.Г. Станиславского. Он преподавал различные дисциплины: историю римского права и права состояний, полицейское право, общенародное правоведение. В 1851 г. А.Г. Станиславский получил степень доктора права, защитив диссертацию на тему: «Исследование о мерах ограждения имущественных отношений частных лиц по началам древнейшего русского права», а уже в начале 1852 г. был избран экстраординарным профессором по кафедре энциклопедии законоведения. Однако семейные обстоятельства (смерть отца и необходимость проявления заботы о матери) вынудили его подать прошение о переводе в Харьковский университет.

С 1857 г. свою преподавательскую и научную деятельность профессор А.Г. Станиславский продолжил в стенах Харьковского университета, получив назначение на кафедру энциклопедии права юридического факультета. Здесь он преподавал энциклопедию юридических и политических наук, историю философии права и римское право. Спустя три года преподавательской деятельности А.Г. Станиславский в соответствии с предусмотренным порядком был выбран Советом Харьковского университета на кафедру уголовного права. В дальнейшем он несколько раз избирался деканом и временно замещал должность ректора. В 1866 г. указом императора ему было поручено читать курс лекций по римскому праву. В 1868 г., по достижении 25-летнего срока научно-педагогической деятельности, А.Г. Станиславский получил звание заслуженного профессора и переселился в Казань, где на протяжении 10 лет продолжал работать на кафедре энциклопедии права и государственного права. В 1874 г. профессор А.Г. Станиславский был избран почетным членом Казанского университета. А.Г. Станиславский творчески относился к образовательной и научной деятельности. Оценивая систему преподавания права в России в первой четверти XIX века, он критиковал ее за ограниченность изложением постановлений действующего законодательства. В 1859 г. А.Г. Станиславский направил на имя декана факультета докладную записку «О потребности отделения науки государственных законов от энциклопедии законоведения и о необходимости преподавания истории русского законодательства», в которой обосновывалась значимость систематического изучения теоретических начал права для познания законодательства. Он призывал толковать

²⁰⁷ Станиславский А.Г. Об актах укрепления прав на имущества. Казань, 1842. С. 142–143.

нормы права в рамках историко-философского подхода, позволяющего «проникнуть в общий дух изучаемого законодательства»²⁰⁸.

Будучи озабочен проблемой рутинного характера юридической практики и бюрократически-канцелярским отношением к практической деятельности юристов-практиков, А.Г. Станиславский стал поборником новой методики обучения, совмещающей юридическую практику с наукой. В соответствии с его наставлениями деятельность по организации проведения университетских занятий должна была осуществляться таким образом, чтобы студент мог проявлять и развивать свои практические навыки и умения по применению юридических знаний; чтобы он учился совмещать законодательство и положения науки. Эти новации были весьма актуальны в контексте грядущей реформы народного просвещения; по своему «духу» они отвечали ее основным принципам. В своей лекции «О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления», представленном торжественному университетскому собранию, А.Г. Станиславский дал анализ динамики становления и развития преподавания законоведения в университетах России. Рассуждая о значении исторического направления в законоведении, А.Г. Станиславский отмечал, что «историческое изучение было всегда поставлено как надежнейшее средство к познанию догм ныне действующего законодательства»²⁰⁹.

Творческое отношение к преподавательской деятельности, в которой проявлялись новаторские качества методиста, А.Г. Станиславский умело сочетал с научной деятельностью. Правовые взгляды А.Г. Станиславского развивались в контексте русской и европейской философии права. Истоки его учения восходили к трудам немецких философов права, положивших начало историческому направлению в юриспруденции (Г. Гуго, Ф. Савиньи, Г. Пухты). Именно они составили методологическую основу его нравственно-правового мировоззрения, определившего вектор его научных изысканий в рамках историко-правовой школы.

Историческая школа права привнесла в юридическую науку идею о том, что действующее право всегда является продуктом истории развития народа. В этой связи представители данной школы считали, что для правильного понимания содержания действующего права необходимо изучать его историю. Анализ доступных для нас публикаций А.Г. Станиславского позволяет относить его философско-правовые воззрения к историческому направлению в русском правоведении.

Историческая школа права обратила внимание на необходимость изучения истории права в порядке исследования памятников права. Следуя этой методологической установке, А.Г. Станиславский большое внимание уделял изучению исторических источников отечественного права. Публично защищенная им в 1852 г. диссертация на тему: «Исследование о мерах ограждения имущественных отношений частных лиц по началам древнейшего русского права» была посвящена анализу юридических средств внутригосударственной и международной защиты прав подданных русского государства. В подготовленном им издании «Исследование начал ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства» (Казань, 1855 г.) были даны обстоятельные комментарии основных институтов древнерусского права по таким источникам русского права, как Договор Олега (912 г.) и Игоря (945 г.) с греками, Русская Правда и др.²¹⁰

Как представитель исторической школы правоведения А.Г. Станиславский значительное внимание уделял обычному праву, являющемуся непосредственным выражением «народного духа», основанного на вере. Именно в этом виделось преимущество «положительного» права²¹¹

²⁰⁸ Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 40.

²⁰⁹ Там же. С. 60.

²¹⁰ См.: Исследование начал ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства // Юридический сборник. Казань, 1855. С. 153–218.

²¹¹ Следует заметить, что до XIX века положительным правом в смысле позитивизма признаются все те нормы, что исторически сложились и устоялись в социальной практике. С XIX века, как известно, в природе позитивного права выделяется

в сравнении с позитивным правом. Положительное право рассматривалось в динамике как результат исторического процесса, как складывающееся и саморазвивающееся от поколения к поколению на основе общего убеждения и согласия. В соответствии с таким подходом трактовались и правовые институты, выступавшие в качестве особых социальных явлений, исторически закономерно рождающихся, функционирующих и развивающихся в целостном едином потоке жизни каждого народа.

Методологически важной представляется его позиция, в соответствии с которой общественные явления являются продуктом исторического развития. Анализируя право как результат исторического процесса, А.Г. Станиславский рассматривал его как более широкую категорию, чем законодательство. Руководствуясь такой установкой, он разрабатывал вопросы, связанные с историческим правоведением, начиная с общинной истории русского народа в вопросе происхождения права и государства, которое рассматривается ученым-правоведом как «высшая степень развития человеческого общества»²¹². Отмечая органичную связь государства и законодательства в контексте значимости изучения истории права, А.Г. Станиславский писал: *«Каждому моменту в развитии данного государства соответствует непременно такой же момент в развитии его законодательства, и в настоящее время никто не сомневается более, что исследователь, имея пред глазами законодательство известного народа, в историческом его развитии может делать весьма близкие к правде, иногда даже совершенно верные заключения о постепенном развитии этого народа»*²¹³.

Теоретическое направление исторического правоведения сложилось в условиях, когда «русское право стало восприниматься в юридической среде как органическая часть народной жизни»²¹⁴, «в виде такого явления народной жизни, где сконцентрированы человеческие представления о необходимых правилах общения, соответствующих высшей ценности – Правде»²¹⁵. Для представителей данного направления эти установки явились ключевым фактором в объяснении природы и сущности права. В основе исторической доктрины происхождения «положительного» права А.Г. Станиславского лежала идея о том, что право каждого народа как совокупность правил складывается постепенно из исторической судьбы этого народа, местных обычаев и традиций, составляющих «народный дух» права и имеющих обязательную силу у народа. С этой точки зрения право есть одно из проявлений «духа народа», а законодатель – это выразитель «духа народа». Примечательно, что наряду с такими источниками права, как законодательство и народное правосознание, А.Г. Станиславский рассматривает и науку права.

Отмечая детерминированность субъективного права объективным правом, А.Г. Станиславский рассматривал субъективное право как «известное качество лица, принадлежность его, или способность делать то или другое, поступать так или иначе, в данном каком-нибудь случае»²¹⁶. При этом сообразность деяния с законами, по мнению ученого, образует справедливость. Исходя из различения двух видов закона – юридического и нравственно-религиозного – он выделяет два вида справедливости: юридическую и нравственную. По мнению А.Г. Станиславского, «сообразность действий с определениями закона общественного называется справедливостью общественной или юридической (справедливость в тесном смысле слова – *justitia*); сообразность же деяний и внутренних движений духа с определениями закона нрав-

иной смысл – право является продуктом человеческого интеллекта.

²¹² Станиславский А.Г. Лекция из энциклопедии законоведения // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852. Ноябрь. С. 124.

²¹³ Станиславский А.Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб., 1853. С. 9.

²¹⁴ Акчурина Н.В. Историческое направление в русском правоведении XIX века: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 98.

²¹⁵ Там же. С. 165.

²¹⁶ Станиславский А.Г. Лекция из энциклопедии законоведения. С. 121.

ственно-религиозного называется справедливостью внутренней, или нравственной, одним словом правдою (aequitas)»²¹⁷.

Особого внимания в философии А.Г. Станиславского заслуживает его позиция в отношении таких проблем права, как его соотношение с законом и нравственностью. Вместе с тем следует заметить, что в рассуждениях о нравственном законе профессор был весьма категоричен, когда ограничивал познание нравственности с Божественным откровением и учением Христа.

Исследуя проблему происхождения права, А.Г. Станиславский исходил из различения права и закона. Восприятие права как нетождественного закону явления и актуализация нравственных начал, «духа» права имели и сегодня имеют значение важнейшего вектора развития юридического образования и совершенствования юридической практики. Современное объективное право имеет тенденцию усиления нравственных оснований, в которых и находит выражение его «дух» или иначе говоря, квинтэссенция многогранных проявлений права как меры свободы, меры добра, справедливости и правды.

Таким образом, изучение научных трудов А.Г. Станиславского позволяет утверждать, что он достоин признания за ним статуса одного из крупнейших представителей русской философии права. Научные изыскания профессора А.Г. Станиславского внесли значительный вклад не только в развитие исторического направления в русском правоведении. Его заслуга перед отечественным правоведением заключается и в том, что в философско-правовом контексте он один из первых российских профессоров предложил альтернативу школе комментаторов закона, которые уделяли основное внимание букве закона и игнорировали творческое теоретическое осмысление нравственно-духовных начал права в судебной практике. Сегодня эту традицию в развитии учения о нравственных началах юридической практики в рамках казанской юридической школы достойно развивает современное поколение преподавателей юридического факультета Казанского федерального университета ²¹⁸.

²¹⁷ Станиславский А.Г. Указ. соч. С. 124.

²¹⁸ См., например: *Погодин А.В.* Право, правореализация и нравственность // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5. С. 194–197; *Хамидуллина Ф.И.* Нравственный компонент судебного усмотрения // Судебные реформы в России: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции. Казань, 2010. С. 256–261; *Валиев Р.Г.* К вопросу о нравственно-правовых основаниях судебного правоприменения // Ученые записки. Том VIII: Сб. статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУ ВПО «РАП». Казань, 2012. С. 274–278.

§ 3. Проблемы методологии реализации права и правоприменения в научных традициях Казанской юридической школы

Оформление научного направления, связанного с исследованием проблем реализации права и правоприменения, на кафедре теории и истории государства и права в качестве основного началось практически сразу после восстановления юридического факультета в стенах Казанского университета в 1952 г.

При заведовании кафедрой профессором Д.И. Фельдманом закладывались основы для общетеоретического анализа проблем реализации права. В своих работах Д.И. Фельдман вел дискуссию, затрагивая вопросы связанные с реализацией международного права²¹⁹, тем самым обеспечивая определенную платформу для дальнейшего теоретического анализа данной проблемы.

В 1975 г. после создания на факультете кафедры международного и государственного права, заведующим которой был назначен профессор Д.И. Фельдман, кафедру теории и истории государства и права возглавил профессор Ф.Н. Фаткуллин при котором тема «Реализация права и правоприменение» официально оформляется в качестве научного направления кафедры. Но закрепление данной темы в качестве главной исследовательской проблемы, разрабатываемой на кафедре теории истории государства и права, не прошло вне проблемных дискуссий. Коллективу ученых кафедры пришлось обсудить немало вопросов, прежде чем утвердить данное направление.

Реализацию права как основную кафедральную тему стали изучать с проблемы применения права. Отнесение применения права к реализации права считается спорным вопросом. На сегодняшний день существуют даже отдельные позиции ученых о том, что применение права является предпосылкой правореализации.²²⁰

В.В. Лазарев в 1977 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества», в которой показал основной механизм правовой работы правоприменения как особой формы реализации права.

В те годы сформулирована тема докторской диссертации Ю.С. Решетова – «Механизм реализации советского права». Идея разработки такой темы пришла в процессе анализа механизма правового регулирования, разрабатываемого тогда советскими учеными-юристами. Тогда С.С. Алексеев описал механизм правового регулирования²²¹, в связи с чем возникла идея разработки механизма реализации права как научной конструкции. При проведении диссертационного исследования выделены следующие элементы механизма правового регулирования: правореализующая саморегуляция, индивидуально правовое регулирование, реализация индивидуально-правовых актов. Достаточно сложная и новая для того этапа развития теории государства и права проблема реализации права и механизма реализации права находила отклик в трудах ученых, работавших на других кафедрах. При этом интересные идеи рождались в процессе научных дискуссий, связанных с рассмотрением механизма правореализации и правового регулирования. В частности, ученые, в те или иные годы исследовавшие проблему правореализации²²², неоднократно дискутировали о категориях механизма правового

²¹⁹ Фельдман Д.И. Проблема признания в современном международном праве: Авто-реф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965; *Он же*. Признание правительства стран народной демократии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1949.

²²⁰ См.: Рабинович П.М. Основы общей теории права и государства. Харьков, 2005.

²²¹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966.

²²² См.: Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казанского университета, 1987. С.

регулирования, в частности о таких, как «индивидуальное правовое регулирование», «само-регулирование» и др. Порой жаркие дискуссии способствовали активному научному поиску и стремлению безупречно обосновывать свою научную позицию. Важно то, что научные идеи, обогащающие теорию реализации права, формировались не только в рамках кафедры, но и разрабатывались учеными в области отдельных отраслей права. Так, известный ученый в области трудового права А.К. Безина, разработавшая концепцию индивидуального правового регулирования²²³, неоднократно обсуждала свои статьи с коллегами, работавшими на кафедре теории и истории государства и права.

Многие научные идеи, заложенные на кафедре теории и истории государства и права в 60–70-е гг. XX века, нашли дальнейшее отражение в трудах ученых этой кафедры: учеников В.В. Лазарева, Ю.С. Решетова, Ф.Н. Фаткуллина, Н.С. Захарова, И.Г. Горбачева и др.

Сотрудники кафедры в процессе научной работы углубляют познание проблемы реализации права – это находит отражение в коллективных и индивидуальных монографиях членов кафедры, в их диссертационных исследованиях и научных публикациях.

За последние 20 лет преподавателями кафедры были защищены диссертации, обогатившие теорию реализации права, по следующим темам: «Элементы теории правореализации»²²⁴, «Преемственность в правореализации»²²⁵, «Государственная правореализующая деятельность»²²⁶, «Нормы частного права и их реализация»²²⁷, «Частноправовые отношения и механизм их формирования в современной России: теоретико-правовое исследование»²²⁸, «Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики»²²⁹, «Основания и проявления системности права»²³⁰, «Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования: теоретико-правовой аспект»²³¹, «Частноправовое регулирование»²³², «Правосубъектность и реализация права»²³³.

Основные методологические вопросы правореализации раскрыты в коллективных монографиях кафедры: «Правовое регулирование и правореализация» (2008 г.), «Взаимодействие политики и права» (2009 г.), «Основные характеристики российской правовой действительности» (2010 г.).

Описанные выше труды и научные дискуссии углубляют познание фундаментальных категорий «реализация права» и «правоприменение».

Познание реализации права должно проводиться на основе методологического принципа всесторонности познания. При этом необходимо наиболее полно рассматривать черты реализации права, а для этого нужно учитывать динамику как процессов правореализации, так и

254–308; Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984; Решетов Ю.С. Реализация норм советского права анализ. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989; Он же. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980.

²²³ См.: Безина А.К. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих. Казань: Изд-во Казанского университета, 1984.

²²⁴ Погодин А.В. Элементы теории правореализации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2014.

²²⁵ Губайдуллин А.Р. Преемственность в правореализации: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

²²⁶ Бакулина Л.Т. Государственная правореализующая деятельность: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: РАГС, 1998.

²²⁷ Горищев Д.Н. Нормы частного права и их реализация: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

²²⁸ Окрасивили Т.Г. Частноправовые отношения и механизм их формирования в современной России: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013.

²²⁹ Сабитрова Л.Л. Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

²³⁰ Воронин М.В. Основания и проявления системности права: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013.

²³¹ Хусаинова О.В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования: теоретико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009.

²³² Шарифуллин В.Р. Частноправовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

²³³ Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность и реализация права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.

социальную динамику в целом. Подчеркнем, что ввиду социального развития появляются и новые стороны процесса реализации права, содержательнее становятся его исследования, проявляются новые грани этой проблемы.

Давая характеристику такому явлению, как реализация права, обозначим суть самого процесса правореализации. С нашей точки зрения, сущностью рассматриваемого процесса является воплощение в жизнь социальной воли, выраженной в виде общеобязательных государственно-властных велений. Такое понимание сути правореализации неотделимо от социального предназначения права – быть регулятором общественных отношений; вне реализации право выполнить это предназначения не может.

Одной из сторон реализации права является ее содержательная составляющая. Она предстает как поведение людей. Такой подход обеспечивает теории реализации права широкую социальную перспективу, надежную философскую базу. Поведение и деятельность относятся к разряду общенаучных категорий. Определить рамки поведения, выступающего содержанием реализации права, непросто. Обычно они очерчиваются по-разному. Рассмотрим вначале поведение, которое представляет собой неиспользование субъектами своих прав. Такими поступками не реализуются нормы права. Почему? Во-первых, реализация нормы права, устанавливающей соответствующее право, происходит тогда, когда последнее используется соответствующим субъектом. Если же субъект не использует свое субъективное право, норма права не реализуется. Во-вторых, считать, что в таких случаях реализуется юридическое право на неиспользование права, нельзя. Формы (источники) права не знают права на неиспользование права. В-третьих, таким поступкам не дается юридическая оценка, они не влекут за собой юридических последствий. Поэтому неиспользование права нельзя оценивать в качестве правомерного или противоправного поступка. Это юридически нейтральное поведение.

Иногда же границы поведения, из которого складывается реализация права, трактуются узко. Это происходит, в частности, когда не совершение преступления не рассматривается как реализация той или иной нормы права²³⁴.

В связи с этим стоит отметить следующее. Одним из обстоятельств возникновения государства и права явилась неспособность социальных норм первобытного общества обеспечить эффективную борьбу с асоциальными актами, получающими широкое распространение. Значимую роль в этом деле стали играть правовые санкции, связанные с государственным принуждением. Несомненно, осуществление санкций правовых норм нельзя понять, не обращаясь к реализации диспозиций правовых норм. Это разные уровни реализации права.

Реализация санкций правовых норм обеспечивает в порядке обратной связи поведение, представляющее собой воздержание от запрещенных правом действий. Такое пассивное правомерное поведение составляет обычно содержание реализации диспозиций норм уголовного права. Это свидетельство способности реализации права сохранять устойчивое внутреннее состояние, поддерживать процесс реализации права в равновесии, исключаяющем его распад. Здесь уместно сказать о роли, которую играют в реализации права их гипотезы. Гипотезы предусматривают жизненные условия, при наличии которых реализуются диспозиции правовых норм. Такими условиями могут быть время, место, события, конкретные обстоятельства. Гипотеза не содержит самостоятельной программы поведения для участников общественных отношений. Поэтому выделять реализацию гипотез правовых норм, наряду с осуществлением диспозиций и санкций, нельзя. Разнообразные жизненные обстоятельства, предусматриваемые гипотезами, не имеют с правомерным поведением, из которого складывается реализация права, субстанционального единства. Так, нельзя доказать, что события, которые не зависят от сознания и воли людей, могут войти в содержание правомерного поведения, реализующего нормы права.

²³⁴ См.: Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972. С. 171.

В теории государства и права нередко ведут разговор о таких видах, формах реализации права, как использование, исполнение, соблюдение и применение.

В связи с этим нужно особо сказать о применении права. Применение права не стоит в одном ряду с соблюдением исполнением, использованием правовых норм, являющимися непосредственными формами их реализации. Однако выводить применение права за рамки реализации права, рассматривая в качестве организационной предпосылки, соответствующего условия реализации правовых норм, признать обоснованным нельзя²³⁵. Применение права находится не вне, а в механизме реализации права. Субъекты применения права выполняют свое предназначение в процессах реализации норм права, в их обеспечении, системности их осуществления. Реализация некоторых правовых норм полностью заключается в их применении. Среди них есть такие, которые стимулируют социально-активное поведение. Прежде всего, это поощрительные нормы права. Их нельзя воплотить в жизнь без правоприменительной деятельности. Такое наблюдается также при властном признании наличия или отсутствия определенных юридических фактов, при назначении лица на определенную юридическую должность, при применении некоторых процессуальных правовых норм. Подобное наблюдается и при реализации определенных правовых санкций. Так, наложение административного взыскания в виде предупреждения, а дисциплинарного – в виде выговора не влекут за собой иных действий по осуществлению норм права, на основе которых вынесены такие акты. Правоприменительной деятельности присущ властно-управленческий характер. Субъект, применяющий норму права, направляет, организует, стимулирует поведение других участников реализации права. Он юридически задает направленность действий этих субъектов и осуществляет внешний контроль над ними. Поэтому применение права выступает в качестве особой формы реализации права. Применяя одну норму права, правоприменитель одновременно реализует другие нормы права путем их исполнения, соблюдения, использования.

Правоприменительные правоотношения нужно отграничивать от правоотношений, связанных с индивидуально-договорным правовым регулированием. Здесь правоотношения возникают между субъектами, положение которых характеризуется их юридическим равенством, автономией. Эти правоотношения, в отличие от правоприменительных, вертикальных правоотношений, являются горизонтальными.

Субъекты, находящиеся в автономном положении по отношению друг к другу и заключающие разного рода правовые договоры, не только регулируют собственное поведение, но и устанавливают взаимные права и обязанности. При этом осуществление правовых договоров отличается своеобразием по сравнению с реализацией правовых актов.

Реализации права присуща регулятивность. Уяснение этой черты предполагает решение вопроса о соотношении правового регулирования и реализации права. В отечественной теории права реализация прав и обязанностей нередко рассматривается в качестве элемента, стадии правового регулирования²³⁶. Есть и иное мнение, в соответствии с которым сводить реализацию права к элементу механизма правового регулирования будет ошибкой, так как этот механизм в целом и есть реализация прав²³⁷. Все это побуждает высказать ряд положений, конкретизирующих представления о соотношении реализации права и правового регулирования.

Характеристика норм права и правоотношений в качестве элементов механизма правового регулирования не исключила их самостоятельного исследования, в частности, в качестве системных образований. В отечественной юриспруденции продолжают разрабатываться правовые нормы и правовые отношения. Не в меньшей мере нужны самостоятельные системные

²³⁵ См.: Рабинович П.М. Общетеоретические вопросы реализации советского права // Вестник Львовского ун-та. 1983. Вып. 22. С. 8–10; Он же. Основы общей теории права и государства. Харьков, 2005.

²³⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2.

²³⁷ См.: Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы теории права. М.: Юрид. лит., 1976.

исследования реализации права. Правовая абстракция (осуществление права) имеет свое значение, не заменяемое правовым регулированием. Это подтверждается и тем, что, она, как отмечал А.М. Васильев, имеет свои понятийные ряды. При этом категории «законность», «правоотношение» выступают в понятийных рядах абстракции «осуществление права» как один из моментов ее конкретизации²³⁸.

Сложность решения вопроса о взаимодействии реализации права и правового регулирования объясняется следующим. Нормы права, являясь средством юридического воздействия на людей, сами реализуются через внешние и внутренние формы регуляции поведения. При этом формы регуляции поведения есть различные составляющие процессов реализации права.

Правовое регулирование и реализация права довольно сложно соотносятся с предметом правового регулирования. Предметом правового регулирования является то, на что оно направлено. Поэтому можно предположить, что предмет находится вне правового регулирования, отделен от него. Однако это можно принять применительно к общественным отношениям, которые в результате правового регулирования лишь становятся правовыми, приобретают юридическую форму, оставаясь фактически экономическими, семейными, управленческими, трудовыми и проч. Иное происходит с общественными отношениями (налоговыми, пенсионными, процессуальными и др.), существование которых трудно представить без права. Порождаемые государственно-правовой действительностью, эти отношения предстают как чисто юридические. Здесь правовое регулирование осуществляется изнутри. А это сказывается на взаимодействии реализации права с правовым регулированием. Такая трактовка предмета правового регулирования позволяет понять, каким образом правовая деятельность становится относительно самостоятельным видом человеческой деятельности, выявить ее место в системе общественных отношений.

Во взаимодействии правового регулирования и реализации права свою роль играет правотворчество.

В ходе правотворчества происходит нормативное правовое регулирование, устанавливаются, изменяются и отменяются нормы права. Реализация же права охватывает собой поведение людей и их организаций по претворению норм права в жизнь. Это позволяет размежевать правотворчество и правореализацию. Но значимо и то, что это постоянно взаимодействующие процессы. Их нельзя представить друг без друга. Правотворчество создает нормы права для их реализации, так как только в ней они обретают смысл и действенность.

Главный канал, в рамках которого происходит воздействие на правореализацию со стороны правотворческой деятельности, связан с ее итогом, результатом. Этот результат выражается в установленных правовых нормах. Будучи относительно стабильной системой, правовые нормы призваны отражать постоянное развитие общественных отношений. Но это лишь одно из проявлений реагирования системы правовых норм на изменения в жизни общества. Такое реагирование выражается также в совершенствовании реализации норм права. Реализация правовых норм обладает и своими, относительно самостоятельными возможностями в преобразовании общества.

В реализации права концентрируются результаты как специально-юридического (правового), так и информационного, воспитательного и ценностно-ориентационного воздействия права. Этот факт нужно учитывать при анализе правового регулирования и реализации права, их связей.

Правовое регулирование и реализация права представляют собой отдельные, обладающие специфическими чертами грани правовой жизни, связанные с функционированием права. Благодаря этому, они, несомненно, связаны друг с другом. Нормы права, являясь средством юридического воздействия на людей, реализуются через внешние и внутренние формы регу-

²³⁸ См.: Васильев А.М. Указ. соч. С. 173–179.

лянии поведения субъектов права. Поэтому действия участников реализации права, которые завершаются изданием индивидуальных правовых актов, входят в правовое регулирование. Поведение же участников реализации правовых норм, которое не получает институционального воплощения в виде средств правового воздействия и характеризуется саморегулятивными началами, не входит в правовое регулирование.

Важной характеристикой реализации права является ее системность. Реализацию права в данном случае нужно представить вначале в виде определенного механизма. При этом выделение его составляющих частей – задача непростая. Перед исследователем открываются разные возможности. Так, классификацию процессов реализации права можно провести по основным сферам жизни общества, рассмотреть каким образом нормы права реализуются в экономической, социальной, политической и духовной сферах. Но тогда реализация права «растворяется, поглощается» основными сферами жизни общества и не позволяет рассмотреть ее в качестве особой системы.

Разграничить процессы реализации права можно в зависимости от того, нормы какой отрасли права реализуются. В данном случае реализация права будет складываться из реализации норм административного, гражданского, уголовного и других отраслей права. Но едва ли такой подход можно признать безупречным. Изучение процессов осуществления норм определенных отраслей права – задача не теории государства и права, а отраслевых юридических наук. Здесь не вскрываются общие закономерности реализации права, не выявляются, в частности, основные характеристики взаимодействия правовых норм с иными социальными нормами в ходе их реализации.

Кроме деления норм права по предмету правового регулирования, их классифицируют и по иным основаниям. Выделяют исходные нормы права и нормы-правила поведения, общие и специальные, регулятивные и охранительные, публичного и частного, материального и процессуального права, императивные, диспозитивные, поощрительные, рекомендательные нормы права. Однако разнообразные основания выделения перечисленных норм не могут стать надежной почвой анализа теоретической концепции внутреннего строения реализации права. Здесь нужен иной подход.

Для выделения основных составляющих реализации права стоит очертить три относительно самостоятельных аспекта ее рассмотрения. Во-первых, реализацию права нужно рассмотреть **в плане выделения правомерного поведения граждан**, их организаций, являющихся непосредственными участниками общественных отношений, урегулированных правом.

При этом конкретный характер этого правомерного поведения, реализующего право, зависит от общественных отношений, регулируемых разными правовыми нормами. Анализ реализации права в этом аспекте позволяет уяснить, каким образом непосредственно достигается ее результат. Такой подход вскрывает активную роль самих участников общественных отношений, опосредованных правом, в их движении, стабилизации, осуществлении. Здесь происходит саморегулирование субъектами реализации права соответствующего поведения, поскольку последнее согласуется с предписаниями правовых норм по их воле без вмешательства каких-либо органов. Таким образом, происходит воплощение в жизнь прямо заданной общественной программы, зафиксированной в нормах права и реализуемых по каналам прямой связи.

Во-вторых, реализацию права следует рассмотреть **в аспекте выделения правомерной деятельности соответствующих субъектов**, которые осуществляют индивидуальное правовое регулирование. Это позволяет выяснить, как, каким образом стимулируется, направляется, организуется, обеспечивается правомерное поведение соответствующих участников реализации права, дается правовое обоснование их поведения, задается направленность их действий, осуществляется внешний контроль над ними. Реализация права предстает здесь в качестве осуществляемого индивидуально-правового регулирования. Поэтому в данном слу-

чае нужно учитывать специфику общественных отношений, движение которых связано с индивидуальным правовым регулированием.

В-третьих, *реализацию права стоит рассмотреть в плане выполнения индивидуальных правовых актов*. Здесь правореализация актуализируется индивидуальным правовым регулированием, тесно связывается с ним, но не отождествляется с ним. Разграничение указанных планов (срезов) реализации права позволяет выделить в ней следующие части: 1) саморегулирование участниками реализации норм права собственного поведения; 2) деятельность субъектов, осуществляющих индивидуальное правовое регулирование; 3) реализация индивидуальных правовых актов.

Обосновывая изложенное, необходимо подчеркнуть следующее. Положения правовых норм строго регламентированы, их выполнение нельзя представить без внешних побудительных сил. Существуют специальные учреждения, которые принимают непосредственное участие в проведении правовых норм в жизнь, поддерживают их своей властью. Однако внешняя заданность в процессах реализации правовых норм сочетается с саморегуляцией. Это вытекает, в частности, из единства права и нравственности. Единство внешних и внутренних факторов, их дополнительность выступают в качестве методологического принципа исследования реализации права.

Поговорим о конкретных характеристиках структуры поведения реализующего право. Саморегулирование участниками реализации права своего поведения, индивидуальное правовое регулирование и поведение, реализующее индивидуальные правовые акты, – содержательные части реализации права, которые облекаются в соответствующие им формы.

Поведение, представляющее собой саморегулирование участниками реализации права собственного поведения, характеризуется определенным своеобразием в правовом опосредовании. В отечественной теории государства и права существуют две позиции о роли в реализации права правовых отношений. Первая – право как специфическое средство правового регулирования обладает единственной формой реализации – правовыми отношениями. Вторая – реализация права происходит в рамках правоотношений и вне правоотношений. Следует отметить следующее. В понятии «реализация норм права вне правоотношений» мыслится не отрицание признаков соотносительного положительного понятия «реализация норм права посредством правоотношений», а только отличие видового признака первого от видового признака второго при наличии одного и того же родового признака у обоих понятий.

Правоотношения как форма реализации права находятся в системном единстве. Содержание системы правоотношений быстро меняется. В науке есть мнения и о том, что правоотношения не составляют систему или это лишь суммативная целостность (некая субъективная классификация общественных отношений, урегулированных правом²³⁹). При ответе на данный вопрос и для достижения поставленной цели мы будем пользоваться идеями, выработанными на платформе в целом всей российской правовой науки. Здесь необходимо сказать о том, что существенную роль в разрешении поставленной задачи и разработке указанной проблематики сыграли научные подходы и концепции, выработанные теоретико-правовой школой Казанского университета.

Итак, с нашей точки зрения система правоотношений представляет собой единую и целостную систему в пределах правовой системы конкретного общества – правосистемное образование («систему, устоявшуюся в правовой среде, обладающую качествами целостной системы, выполняющую определенные функции в правовой системе и взаимосвязанную с внешней средой»²⁴⁰). При вопросе об обоснованности признания системы правоотношений

²³⁹ См.: Чернобель Г.Т. В.М. Сырых – методолог, теоретик, социолог и историк права. М.: Изд-во РАП, 2011. С. 342.

²⁴⁰ Воронин М.В. Основания и проявления системности права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Множительный центр Ин-та истории АН РТ, 2013. С. 15.

системой, а тем более правосистемным образованием важно понять, что это не суммативная структура, т.е. не простой набор элементов, не простая классификация. Здесь мы стремимся углубить эпистемологию системы правоотношений, методология познания которой была описана в монографии «Правоотношения и их роль в реализации права» (1993 г.): «Анализ системы правоотношений проводится по трем основным аспектам. Прежде всего система правоотношений рассматривается как система внутренних компонентов самого правоотношения (субъективных прав, юридических обязанностей, поведения и других), которые в том или ином единстве определяют специфику того или иного правоотношения. Во-вторых, система правоотношений исследуется во взаимосвязи с другими общественными, в том числе юридическими, системами. Влияние подобных систем на правоотношения неодинаково. ... Система правоотношений, в свою очередь, также воздействует на иные системы. В-третьих, система правоотношений рассматривается через взаимосвязь различных правоотношений, их группировку по видам»²⁴¹.

Для обоснования системности правоотношений приведем следующие аргументы.

Суммативная структура (не система) не образует новые качества и свойства, связи между ее элементами не имеют функционального значения. Система правоотношений задает упорядоченность общественного развития, порождает последовательность в деятельности субъектов права. Здесь вполне возможно привести контраргумент, предположив, что последовательность действий и упорядоченность общественного развития задаются правом, его системой, а не системой правоотношений (хотя в юридической науке есть точки зрения, которые обосновывают ведущую роль именно действующих отношений (правоотношений) при понимании и самого права, – к примеру, коммуникативный подход). Но право целенаправленно воздействует на человеческую деятельность, воспринимается ею, а человеческая деятельность оказывает обратное воздействие и на саму систему права. Таким образом, работающая, органично функционирующая система правовых отношений выступает вторичным фактором (основанием) системности и самого права по отношению к базовым основаниям системности права: общественным отношениям в их системном взаимодействии, государственно-волевому характеру права и правовой политике, принципам права.

Итак, нами была предпринята попытка объяснения места правоотношений в правовой системе общества как определенно функционирующего правосистемного образования. Но важно уловить и то, что правоотношения тесно связаны не только с правовыми системами, но и со всеми интрасоциетальными (в пределах конкретного общества) системами, а именно экономической, политической, социальной, духовной подсистемами, данного общества и экстра-социетальными системами (за пределами конкретного общества, внешними системами). Эти отношения тесно связаны между собой. Подчеркнем, что речь здесь идет не о правовых отношениях, а именно общественных отношениях в их системном взаимодействии. Именно в этом качестве они выступают основанием системности права, как внутригосударственного права, так и международного права, а также создают основу для взаимодействия международного и внутригосударственного права. Первичные общественные отношения, наличие которых возможно и без существования права (семейные, обмена и прочие), являются платформой для развития вторичных, урегулированных правом отношений. Все это неотделимо от конструкции правового регулирования в контексте человеческой деятельности, в ходе которой проявляется социальное взаимодействие.

На это взаимодействие между субъектами общества, взаимодействие, которое впоследствии будет оказывать прямое воздействие на систему права, его содержание, обращал внимание еще профессор Казанского университета Г.Ф. Шершеневич. При характеристике обще-

²⁴¹ *Гаранин К.М., Рыбушкин Н.Н., Валиев Р.Г.* Понятие системы правоотношений и ее основные характеристики // *Правоотношения и их роль в реализации права* / Науч. ред. Ю.С. Решетов. Казань: Казанский ун-т, 1993. С. 29.

ства он исходил из формирования с ходом истории объективной необходимости «совместного общежития».

При этом социальные связи Г.Ф. Шершеневич во многом определял исходя из группового (социального) интереса. «Когда у целой группы людей возникает сознание, что их потребности могут быть удовлетворены лучше всего соединенными силами, то у них создается общественный интерес – интерес общения. Общество и есть совокупность людей, объединенных сознанием, что известные потребности, общие им всем, могут быть удовлетворены наилучшим образом только их совместными силами»²⁴².

Общественные отношения и правоотношения находятся в диалектической взаимозависимости. И здесь, особенно в современных условиях, сложно говорить о системе правоотношений как о факультативной, дополнительной системе, ибо эта система напрямую направлена на балансировку интересов общества «в совместном общежитии». Это и есть главные свойства системы правоотношений, отличающие ее от суммативной структуры.

Важно пояснить и то, что от качества внутригосударственной системы правоотношений будут зависеть и построение связей взаимодействия внутригосударственного права с системой международного публичного права²⁴³, а также межсистемные связи между правовыми системами разных государств частного характера (международные договоры в области МЧП) – будет формироваться система международного частного права. Итак, указанные положения раскрывают еще один важный аргумент, доказывающий, что суммативная структура вряд ли может влиять на системы иного порядка, к примеру, внешние системы похожего ряда, а тем более находиться в зависимости от них.

Обозначим и следующее. Определенную сложность здесь вызывает понимание уровней правовых отношений, их взаимодействие. Правоотношения являются проявлением нормативного и индивидуального регулирования, они отражают разные уровни регулятивной системы, на которых осуществляется конкретизация права. Показать это можно на основе следующего примера: публичное право и его система, как правило, отражают вторичную природу общественных отношений в большей степени, чем частное право, регулирующее отношения в интересах конкретного человека. Это две разные системы правоотношений, определяемые разными потребностями и разными группами интересов. Вместе разные эти системы правовых отношений направлены на создание социального баланса, но требуют специфических способов конкретизации права, с целью адекватного решения стоящих перед ними задач.

Можно привести еще несколько аргументов, доказывающих и раскрывающих сущность системности правовых отношений, но важно обратить внимание и на следующие идеи Казанской юридической научной школы, которые, по нашему мнению, способствуют развитию взглядов на исследуемый вопрос:

1. Системная реализация норм права и системность правового регулирования, описанные в трудах профессора Ю.С. Решетова, позволяют целостно исследовать поднятые теоретические проблемы с позиции практической их реализации, показать место правового регулирования и саморегулирования в процессе юридической деятельности, что играет существенную роль в механизме системообразования в праве²⁴⁴.

²⁴² Шершеневич Г.Ф. *Общее учение о праве и государстве*. М.: Типография тов-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 12.

²⁴³ См.: Фельдман Д.И. *Система международного права*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983; *Международное право: Учеб. для вузов* / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М.: Норма, 2007. С. 25–27; Зиминко Б.Л. *Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций*. М.: РАП; Статут, 2010. С. 17.

²⁴⁴ См.: Решетов Ю.С. *Реализация норм советского права: системный анализ*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. С. 154; *Он же*. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1980; *Он же*. Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // *Вестник Пермского ун-та*. 2013. Вып. 2 (20). С. 17–22 и др. (URL: http://kpfu.ru/main?p_id=10161&p_lang=&p_type=9&p_pub_type=20 (дата обращения: 10.09.2014)).

2. Анализ цели в системах правового порядка (в том числе и правоотношениях) через призму познания целей в праве. Существенную роль в уяснение природы цели в праве и углубление знаний в контексте данного вопроса внес доцент Л.Д. Чулюкин²⁴⁵.

3. Знания о межотраслевых связях в праве, раскрытые в трудах профессора М.Ю. Чельшева, являются подтверждением органической целостности правовой реальности, воплощаемой в том числе и в системе правоотношений²⁴⁶. Эти знания углубляют гносеологию системного восприятия права, способствуют выявлению новых аспектов правового регулирования. В целом выработанные М.Ю. Чельшевым представления о взаимодействии отраслей права и межсистемных связях в праве открывают перспективы для выхода юридических исследований на новый уровень системного анализа.

4. Ситуационное право как проявление доктрины конкретного права в теории правореализации, элементы которой успешно были описаны доцентом А.В. Погодиным, позволяет уловить органичную связь идей Казанской теоретико-правовой научной школы с передовыми воззрениями на право, формируемыми в рамках других научных школ²⁴⁷. Подход к праву и правореализации с такой точки зрения отвечает потребностям сегодняшнего дня и позволяет увидеть новые грани исследуемой проблемы.

Реализация норм права вне правоотношений – это часть лишь первого компонента механизма правореализации. И это не случайно, так как лишь через саморегуляцию можно непосредственно воплотить в жизнь нравственно-правовые программы, воздействующие на людей по каналам прямой связи. Так, глубокую нравственную основу имеет под собой поведение людей, реализующих диспозиции запретительных норм права. Назначение правовых запретов – предупреждение асоциальных поступков. Это достигается путем установления всеобщих юридических обязанностей не совершать определенных действий. Реализация такого вида обязанности не предполагает конкретной, индивидуализированной связи между лицами, наделенными определенными правами и обязанностями. При трактовке реализации диспозиций запрещающих норм права через правоотношения практически нельзя определить отраслевую принадлежность таких правоотношений. Так, нельзя утверждать, что при воздержании от запрещенных нормами уголовного права действий люди вступают в уголовно-правовые отношения.

Понять характер деятельности, представляющей собой индивидуальное правовое регулирование, вне правоотношений нельзя. Индивидуальное правовое регулирование взаимодействует с разными правоотношениями: регулятивными и охранительными, горизонтальными и вертикальным, договорными и правоприменительными, отраслевыми и межотраслевыми.

Раскрытие особенностей правоприменительных правоотношений позволяет отграничить их от правоотношений, существование которых связано с индивидуально-договорным правовым регулированием. Здесь правоотношения возникают между субъектами, положение которых отличается их юридическим равенством, автономией. Это горизонтальные правоотношения. Полномочное лицо в таких случаях не обладает властью, а обязанный субъект не подчинен управомоченному и связан лишь его правом. Субъекты, находящиеся в автономном положении по отношению друг к другу и заключающие разного рода договоры, регулируют не только собственное положение, но и устанавливают в рамках правовых норм взаимные права и обязанности. Все это позволяет утверждать, что в этих случаях происходит индивидуальное правовое регулирование.

²⁴⁵ См.: Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984.

²⁴⁶ См.: Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2008; Он же. Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014.

²⁴⁷ См.: Погодин А.В. Элементы теории правореализации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2014. С. 168–232.

При характеристике правомерного правореализующего процесса нужно учитывать присущие ему взаимосвязи внутренних и внешних побудительных сил. Внутренние побудительные силы должны стать более значимыми в реализации российского права. Но раз существует право, будут сохраняться и внешние формы государственного контроля за выполнением правовых норм. В современных условиях эти формы преобразуются, открывая больший простор для инициативы и самостоятельности участников правореализации. Такое развитие процессов реализации российского права предопределяется потребностями перехода к оптимальной экономике, гражданскому обществу, правовому государству.

В отечественной юридической литературе довольно часто пишут об исполнении правоприменительного или индивидуального правового акта, о реализации судебного решения, исполнении приговора и т.д. Представляется, что все названное охватывается понятием «реализация индивидуальных правовых актов». Из этого следует, что реализация норм права и правореализация не совпадают по объему. Правореализация включает в себя как реализацию норм права, облакаемых в соответствующие специальные юридические формы, так и реализацию индивидуальных правовых актов. Но в этом нет ничего удивительного. Так, правовую систему нельзя представить без права. Но система права и правовая система не тождественные понятия. В правовую систему кроме права входят правосознание, юридическая практика и др. Поэтому собственно право связано с нормативным правовым регулированием. Индивидуальное же правовое регулирование осуществляется индивидуальными правовыми актами. Это означает, что понятие правовое регулирование шире понятия регулирование правом.

Реализации права как целостной системе присущи разнообразные связи ее компонентов, примечательными из которых являются координация и субординация. При этом координация выражает упорядоченность компонентов системы по горизонтали (речь здесь идет о взаимодействии частей одного уровня организации). Субординация же есть вертикальная упорядоченность, выражающая подчинение и соподчинение компонентов, т.е. взаимодействие компонентов различных уровней.

Рассмотрим вначале структурные уровни правореализации. Для этого выделим следующие направления воздействия норм права на поведение людей: 1) закрепление в диспозициях правовых норм правил требуемого или дозволяемого поведения; 2) установление в нормах права мер юридического воздействия (санкций) в случае нарушения диспозиций. Правовые нормы не действуют в поведении людей автоматически непреложно. Напротив, их структура свидетельствует, что субъект права может и не совершить требуемого от него поведения. Тем самым норматив как способ детерминации поведения предполагает его альтернативность (предписано поступать так, но может произойти и другое). К социальным нормам общество прибегает всегда, когда имеет место отклонение от социальной направленности в поведении его членов, т.е. когда совершаются асоциальные поступки. Соответственно можно выделить две стороны в реализации права. Первая предстает как осуществление диспозиций правовых норм, а вторая – реализация санкций, причем ведущей является первая сторона. Нормы права воздействуют на поведение людей прежде всего своими диспозициями. Связи между этими сторонами реализации права носят субординационно-структурный характер.

Выделение реализации диспозиций и реализации санкций правовых норм позволяет представить реализацию права в вертикальном разрезе. В силу этого реализация права предстает в качестве целостного образования, сочетающего в себе связи субординации и координации.

Реализация диспозиций правовых норм и осуществление правовых санкций – противоречивые составляющие механизма реализации права. Важной формой существования этого противоречия является взаимосвязь непрерывности и прерывности процесса реализации права. Прерывность воплощается в делимости и относительно самостоятельном существовании реализации диспозиций и реализации санкций правовых норм как качественно определенных

сторон механизма осуществления права. Единство же этих сторон, их взаимообусловленность выражают непрерывность реализации права, представляющей собой целостное образование.

Выделение реализации диспозиций и санкций правовых норм обусловлено противоправным поведением. Это поведение – антипод правомерного поведения, составляющего содержание реализации права. Граница между правомерным и противоправным поведением проходит там, где начинается невыполнение субъектами права своих обязанностей. Противоправное поведение сказывается на реализации права, но это отнюдь не означает, что оно может быть включено в содержание реализации права. Характерная черта совокупности правонарушений – иррегулятивность. Механизм же правореализации есть система, стремящаяся к достижению определенного результата, т.е. функциональная система. Реализация права представляет собой единство социальной предметности и правомерности в деятельности людей. При этом правомерность есть не сама деятельность в ее субстанциональном виде, а ее нормативное свойство или сторона. С помощью правомерности утверждаются четкость, устойчивость, государственная обеспеченность, определенная направленность в поведении людей. Правомерная деятельность, составляющая содержание реализации санкций правовых норм, направлена на обеспечение оптимального течения реализации диспозиций правовых норм.

Реализация права не локализуется в одной из сфер жизни общества – она проникает в экономическую, социальную, политическую, духовную сферы жизни общества. В современных условиях связи основных сфер жизни общества и реализации права предстают во всей своей сложности и многогранности. Главным же источником движения реализации права выступают противоречия экономической сферы жизни общества. Они непосредственно или опосредованно определяют характер и направление всей системы правореализующего поведения. Можно сказать, что правореализация в экономической сфере есть первичный, функциональный уровень реализации права. Так, обновление процессов реализации российского права во многом зависит от разных форм собственности, существования различных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, наличия сложной структуры рынка.

Уровневый подход позволяет определить место в реализации права процедурно-процессуальной юридической деятельности.

Понять эту деятельность нельзя без соотнесения ее с реализацией материального права. Реализация материально-правовых норм и реализация процедурно-процессуальных норм права представляют собой стороны реализации права, воплощающие субординационно-функциональные связи ее компонентов. Функциональная зависимость, существующая между материально-правовыми и процедурно-процессуальными нормами права, означает производность процедурно-процессуальной правореализующей деятельности от деятельности, составляющей содержание реализации материально-правовых норм. Потребность в реализации норм материального права обуславливает процедурно-процессуальную правореализующую деятельность. Важнейшей чертой реализации современного российского права является его демократизация. А этого не достичь без совершенствования процессуальных гарантий реализации прав и свобод, законных интересов личности. Юридическая процессуальная форма рассчитана на воплощение в жизнь подлинно демократических принципов государственного управления обществом. Она предстает в качестве конструктивного фактора предупреждения и разрешения противоречий между интересами управляющих и управляемых.

Подводя итог анализа основных характеристик реализации права, подчеркнем необходимость системного осмысления реализации права. Именно системный подход позволяет увязывать фрагментарные, но порой весьма глубокие, знания об отдельных чертах реализации права. Системный подход дает возможность уловить новые грани правореализации, образующиеся в процессе социального развития, связывает правореализационную, правотворческую, правоинтерпретационную юридическую практику.

§ 4. Об экзистенции теоретической юридической науки

Поставив неимоверной сложности проблему, сразу приходится оговариваться. Наука включает в себя разные компоненты и каждый из них имеет свою экзистенцию. В первую очередь говорят о предмете науки и, разумеется, те общественные отношения, которые являются предметом юридической науки не просто существуют, но и «живут» своей полнокровной жизнью, которая не просто влияет, но существенным образом опосредует и ход исследований и их результат. Предмет напрямую или косвенно и опосредовано, но обязательно формирует методологию исследования. Она, в свою очередь, не только перенимает экзистенциальные свойства предмета, но, в силу относительной самостоятельности, проявляет свои закономерности жизни (проявления, формирования, использования). И, наконец, наука предполагает исследователя, часто коллективного, что предполагает изучение его экзистенции, несомненно, в качестве субъективного фактора, а возможно и не только, влияющей на ход и результаты исследования.

И какого бы аспекта ни касаться, того, другого и третьего, их экзистенцию немислимо представить вне пространства и времени²⁴⁸. А без того нельзя заглянуть и в будущее. В этой связи мы обратили внимание на доклад профессора Христофа Бруммельмайера и доклады двух его коллег по теме «*Rechtswissenschaft 2033*», которые в 2000 г. обрисовали юридическую науку 2033 г., в том числе через анализ того, как она развивалась в Гумбольдском университете с 1810 г.²⁴⁹ Интересен один из выводов: университет будет не нужен – это будет музей.

Название параграфа требует дополнительных пояснений. В современной философии категорией «экзистенциализм» обозначают человеческое существование в его глубинной онтологической специфичности, противопоставляя способ человеческого бытия бытию вещи, бытию других живых существ. Однако этимология понятия «экзистенция» (существование, лат. *exsistentia*, от глагола *ex-sisto*, *ex-sistere* – выступать, выходить, обнаруживать себя, существовать, возникать, показываться, становиться, делаться – философская категория, используемая для обозначения конкретного бытия²⁵⁰) позволяет, на наш взгляд, более широкое его использование. С осознанием некоторой условности, своего рода образности, содержание явления экзистенции можно перенести на науку, на современную юридическую науку. Это дает возможность увидеть, например, как «обнаруживает себя» юриспруденция, в каких формах и в каком качестве является она нам, как она возникла, как формировалась, какие вызовы или даже угрозы на себе испытывала и как «делается» она, отвечая на соответствующие вызовы. Разумеется, всего этого не охватить в рамках одного параграфа. Поэтому в порядке постановки вопроса остановимся на некоторых аспектах бытия теоретической науки. Но предварительно придется постулировать принципиальное несогласие с Юлиусом Кирхманом, написавшим в свое время работу «*Über die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft*». Речь фактически шла о бесполезности такой науки, которая не выходила за пределы юриспруденции понятий. Для нас же только та теория может именоваться наукой, которая охватывает все наличное бытие: материальные факты, институты, нормы, мысли, идеи, ценности и проч.

²⁴⁸ Очень хотелось бы в этой связи системно и исторически посмотреть на науку на юридическом факультете Казанского Императорского и Ленинского университета. Она имеет свою историю и, благодаря И.А. Емельяновой, А.Т. Бажанову, Д.И. Фельдману и др. некоторые страницы дооктябрьской жизни и жизни в послеоктябрьские годы приоткрыты. Изданы книги по портретам отдельных ученых. Однако есть неиспользованные эпистемологические возможности и есть вовсе не открытые страницы. Интересно было бы осмыслить личности, обстоятельства появления и жизни в Казани А.М. Васильева, В.М. Горшенева, О.Ф. Иваненко, З.Д. Ивановой. Это мы о теоретиках, а ведь из Москвы приехали в свое время и другие ученые.

²⁴⁹ <http://www.humboldt-forum-recht.de/english/3-2001/beitrag.html#bottom>

²⁵⁰ http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/627/%D0%AD%D0%9A%D0%97%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%AF

Чтобы проникнуть в экзистенцию отечественной юридической науки, следует посмотреть на нее со стороны и изнутри. Каждая наука время от времени пытается осмыслить себя, выznать свою родословную, осветить свой путь, определить свои перспективы²⁵¹. Юридическая наука не может быть исключением. Она, выражаясь доктринальным языком, призывается к пониманию своей онтологии и выработке собственной гносеологии. Как теоретикам, нам импонирует постановка вопроса о саморефлексии теории государства и права²⁵², но эта наука именуется «общей теорией» и, следовательно, она может взять на себя миссию глобальной рефлексии, рефлексии юридической науки в целом. Это тем более будет оправдано, что предмет теории государства и права и язык ее – суть предмет и язык всей юриспруденции²⁵³, всего того, что составляет *Jus* в совокупности метатеории и реальной практики²⁵⁴. Юридическая наука «вполне может воспринять науковедческие подходы для более системного и глубокого анализа своего развития и функционирования»²⁵⁵.

Среди множества объективных и субъективных факторов, характеризующих науку и ее развитие, всякий раз обнаруживаются определяющие, главные на том или ином пространственно-временном отрезке. Марксистская наука не преминет сделать акцент на экономических потребностях и классовой борьбе; науки идеалистического толка будут апеллировать к разуму или уходу от него, к нравам или упадку нравов, к непостижимой экзистенции человека. Представляется целесообразным рассматривать все многообразие внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие науки и позволяющих характеризовать ее метафизику, через понятие «вызовы».

Вызовы *implicite* заключают в себе требовательное начало. На вызов надо отвечать. Вызовы предполагают незамедлительную рефлексию, определение тактики и стратегии поведения. В науке они требуют адекватных идей, новых подходов, новых доктрин. При этом мы бы не сводили современные вызовы к вызовам современности. Некоторые вызовы стары как мир²⁵⁶. На некоторые из них человечество веками ищет ответы и, увы, не находит до сих пор.

Все вызовы, имеющие отношение к юридической науке, можно разделять на природные и социальные. Те и другие подлежат дальнейшей классификации, необходимой, в частности, для определения ответов на них и для реализации прогностической функции науки. Важно отметить, что все вызовы юридической науке предопределены загрязнением природной среды в прямом смысле этого слова и «загрязнением» социальной среды – в переносном. Причем процессы «загрязнения» переплетаются и часто взаимно обуславливают друг друга.

²⁵¹ Не вдаваясь в анализ всех признаков и состава науки, представляется возможным исходить из того, что это концептуализированная совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении. Это особого рода деятельность и ее результат в неразрывной связи.

²⁵² См.: Веленев Ю.А. К вопросу о теории теории государства и права. Материалы IV Международной конференции «Кутафинские чтения»: Сб. тезисов. М., 2012. С. 53–54.

²⁵³ Ср.: Проблемы общей теории права и государства: Учебник для юрид. вузов под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999. С. 2.

²⁵⁴ См.: Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории *Jus*: Учебник для магистрантов юрид. вузов. М.: Норма, 2012. С. 10. С точки зрения авторов, в центре юриспруденции именно *Jus* со своими закономерностями развития (лат. *juris prudentia* – «правоведение», от лат. *jus*, род. п. *juris* – «право» и лат. *prudentia* – «предвидение», «знание»), образующими комплексную науку, изучающую сущностные свойства государства и права, всю совокупность правовых знаний и практическую деятельность юристов, систему их подготовки (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E8%F1%E4%E5%ED%E6%E8%FF>).

²⁵⁵ Липень С.В. Развитие теории государства и права в свете представлений науковедения и философии науки о динамике научного знания // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. СПб., 2012. С. 53.

²⁵⁶ В качестве примера такого общего вызова со стороны общества или части его является отвержение права, что обуславливает актуальность давнего ответа на него, сформулированного и обоснованного Р. Иерингом: «Борьба за право». Российский правовой нигилизм, пик которого пришелся на наше время, также имеет свою историю (см. подробно: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права; Он же. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной «медали» // Правоведение. 1994. № 2).

Если отвлечься от теологической рефлексии, вряд ли можно оспорить объективность природных онтологий. В той же степени объективны и социальные процессы, если они с необходимостью предопределяются природными. Однако роль социальных факторов, даже роль отдельной личности, столь существенны и столь субъективны, что юридической науке приходится изыскивать средства, во-первых, для поощрения деятельности социума в соответствии с природной закономерностью и, во-вторых, для предотвращения и пресечения его деятельности вопреки природе. В свете нашего экзистенциального подхода следует подчеркнуть, что классическая юридическая наука вырабатывала соответствующие максимы в том числе в качестве средства реагирования на природу человека. Кто человек по природе своей – вопрос сложный и ответы на него в истории давались разные. Между тем природа человека остается наисущественным современным вызовом, перед которым наука до сих пор стоит в растерянности.

Итак, общая картина состояния науки видится следующим образом. Первое: перечень, описание и характеристика вызовов во всей их связи и взаимообусловленности. Второе: указание и характеристика ответов на них, констатация фактов и объяснение отсутствия ответов на определенные вызовы. Третье: существующие и возможные прогнозы системного обозрения вызовов и ответов на них.

Марксистская наука в полном соответствии с постулатами диалектического материализма концентрировала внимание на существовании классов, классовой борьбы, классовых антагонизмов. Отсюда проистекали главные вызовы юридической науке и правовому регулированию. Сегодня не замечают (стараясь не замечать) не только антагонизмов, но и самих классов. Нет, об олигархах знают и о рабочих с крестьянами иногда вспоминают, но избегают анализа их места и роли в общественном производстве, скрывают их долю в потреблении общественного продукта, а в средний класс зачисляют тех, кто живет «средне»²⁵⁷. В лучшем случае сегодня готовы признать некий «общественный дискомфорт», выводящий людей на «болотные» площади. И наука может принять это понятие дискомфорта, если связывать его напряжение с формами социальных противоречий: различие, противоположность, антагонизм, если не будет ограничиваться собственно классовыми противоречиями и расширит их до признания личностных и межличностных, партийных и межпартийных, государственных и межгосударственных, национальных, расовых, культурологических и т.д.

Дискомфорт предполагает то, что ставится во главу угла экзистенции человека: тревогу, боязнь, страх (экзистенциалисты разделяют понятия страха и боязни. Боязнь всегда предполагает у них наличие какой-либо определенной угрозы). И мы можем принять емкое понятие «дискомфорт» для теоретического обозначения единого следствия любого из многообразных социальных вызовов, как соединение физического и психического, прескриптивного и дескриптивного. При всей диатропичности проявлений дискомфорта, при всей неисчерпаемости их разнообразия необходимо рассмотрение уровней дискомфорта, его разновидностей, причин появления и самое главное нахождения равновесных ответов на дискомфорт. Нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий дискомфорт должна устранять власть (царь, КПСС, президент) и непременно изданием законов. Разумеется, власть для того и власть, чтобы реагировать, предупреждать стрессовый дискомфорт и организовывать цивилизованное преодоление конфликтных ситуаций. Но люди сами проживают свою жизнь и свои «дары свободы» они способны направить на относительно комфортное исполнение своей земной миссии. К сожалению, идеалы часто сокрушаются противостоянием власти и граждан, когда дискомфорт проистекает от поведения властей или когда масса людей зомбирована экстремистскими идеями.

²⁵⁷ При этом нельзя не видеть, что в постиндустриальном обществе марксистские характеристики классов устаревают, что антагонизмы, как и многое другое, перемещаются в сферу обслуживания и потребления, что само производство становится привлекательным в силу его творчества и отсутствия обременительного физического напряжения.

Все вызовы юридической науке следует поделить на внутренние и внешние. Последние – это вызовы самой жизни, самой природной и социальной среды. Они во многом предопределяют (обуславливают) познавательные (исследовательские) задачи. Вместе с тем исследовательские задачи и цели диктуются не только внешними, но и собственно внутренними относительно самостоятельными потребностями, обусловленными механизмами развития науки. Приведенное деление вполне коррелируется с традиционными заключениями об источниках развития науки. С одной стороны, представления, согласно которым все знания выводятся из опыта, а с другой – заключение о том, что эмпирический материал только инспирирует рефлексию и понимание соответствующих процессов, что и питает науку. Идеи существуют изначально. Средневековый «реализм» развивал учение, согласно которому подлинной реальностью обладают только общие понятия, универсалии, а не единичные предметы, существующие в эмпирическом мире. Универсалии существуют до вещей, представляя собой мысли, идеи в божественном разуме, и только благодаря этому разум в состоянии познавать сущность вещей. Только разум способен постигать общее. Противоположное направление носило название «номинализма», отрицающее онтологическое значение общих понятий и утверждающее, что они существуют не в действительности, а только в мышлении. По утверждению номиналистов, общие понятия – это только имена, они не обладают никаким самостоятельным существованием вне и помимо единичных вещей и образуются нашим умом путем абстрагирования признаков, общих для целого ряда эмпирических вещей и явлений. Поэтому универсалии существуют не до, а после вещей.

В конечном счете, как известно, многие тысячи лет борются между собой материализм и идеализм, не всегда замечая неисчислимое множество материальных и идеальных факторов, обуславливающих движение вообще и развитие науки в частности. Можно спорить о первенстве экономических и политических вызовов, предопределивших появление государства и права, а затем, соответственно, и правовой науки. Истина интегративна: и те и другие во взаимосвязи между собой и множеством иных факторов. Как не приветствовать, например, в этой связи антропологические подходы, в центре которых оказывается человек и человечество. Однако вряд ли кто будет серьезно спорить, если мы назовем в числе главных факторов, обусловивших буржуазные революции на Западе или революции 1917 г. в России, а вместе с тем и взрывное развитие политико-правовых исследований, именно состояние экономики и политические интересы. По большому счету мало что изменилось и сегодня. Экономика стала глобальной, политические интересы приобрели глобальный окрас и столь же существенно определяют характер вызовов правовым системам и юридической науке. События на Украине только подтверждают эти выводы.

Применительно к современной России первым из всех вызовов юридической науке отваживаемся назвать вызов (вызовы) со стороны политической системы, государственного строя, изменившего свой облик после августовских событий 1991 г. Впрочем, формировался этот вызов уже с началом перестройки, и наука, как представляется, была застигнута *врасплох* (экзистенциалистский термин), оказалась бессильной в решении сложнейших правовых вопросов.

Ответ на вызов последовал в 1993 г. принятием Конституции. Был ли это ответ со стороны юристов? И да, и нет. Конституция в итоге рождалась не в университетах, а в ходе расстрела российского парламента. И тогда же формировалась и конституционная юстиция как противовес произволу власти. Сегодня выясняется, что многое совершалось без научной проработки, но это естественное состояние противоборства права и политики, юристов и политиков. Важно подчеркнуть, что наука не оставалась в стороне от политических процессов, стараясь облечь их в правовые формы. Как бы ни хотелось кому-то, юридическая наука не может освободиться (очиститься) от политики. Закон принимается всегда в противостоянии политических сил, закон всегда есть разной степени политика. Следование закону суть реализация

политической линии. В случаях, когда закон устаревает, когда он пробелен, когда нуждается в конкретизации и т.д., правоприменитель по необходимости должен принять определенную политическую позицию. Либералы напрасно упрекают здесь суды, напрасно ставят в вину Конституционному Суду РФ (часто его Председателю) наполнение политическим содержанием своих решений. Суды не могут быть независимыми от закона и, следовательно, они не могут быть независимыми от политики в применении закона. А науке такого рода упрек будет уместен. К сожалению, в 90-е гг. прошлого века юридическая наука показала себя столь политизированной, так сильно зависимой от политической публицистики, что стала утрачивать качества науки.

Вторым вызовом российской юридической науке следует назвать изменения в экономических отношениях. Смена форм собственности, изменение характера труда, все процессы постиндустриального общества (пусть и не развитые во всей полноте) требуют ответа, реакции ученого сообщества. К сожалению, опять первыми реагируют политики и законодатели, а российская наука часто игнорируется. Иностранные специалисты (экономисты и юристы) участвовали, но как мы можем сегодня убеждаться, они имели свои интересы. Ответом на вызовы в названной сфере явились новые кодексы. Хорошие кодексы. Однако и ГК, и Кодекс о труде обнаружили свои недостатки, требуют своих поправок. И вновь обнажается проблема игнорирования позиций ведущих российских юристов. Минэкономразвития старается главенствовать в поправках к ГК.

Итак, экзистенцию (состояние) юридической науки следует оценивать в свете того, в какой степени и насколько адекватно (и критически) отражает она состояние экономики и политики. В условиях мирового экономического кризиса на Западе вдруг вспомнили о работах К. Маркса. Россию же с начала 90-х гг. прошлого столетия охватила эпидемия своего рода идиосинкразии к трудам классиков марксизма, к ленинским работам в особенности. Распад СССР и сокрушение роли КПСС способствовали такого рода диссеминации. Уже одно упоминание имени, ссылка на Ленина влекли отвержение цитируемого положения. Никто не пытался осмыслить его по существу, расценить в контексте событий того времени. Кстати, иногда это были и вовсе не ленинские, а, например, аристотелевские положения. Срабатывала реакция на символ. Точно так же идиосинкразически реагировали (хотя и по-разному в разное время) на имена Троцкого, Бухарина, Сталина. «Роман Пастернака не читал, но ...». В политике, в публицистике это уместно, но наука в подобных случаях уподобляется известной унтер-офицерской вдове. Яркий пример с оценкой трудов Г. Кельзена. Им была написана небольшая работа по критике коммунистической теории права, и уже одно это обстоятельство обуславливало болезненную реакцию на его имя в советское время, несмотря на то, что России всегда были близки позиции нормативистской теории права. Труды Кельзена не издавали, их мало кто знал, но считалось уместным «лягнуть» его при случае. Сегодня, наконец, преобладает объективный анализ его творческого наследия.

Мы бы погрешили против истины, связав отмеченную идиосинкразию исключительно с внутрироссийскими явлениями. В 60–70-е гг. прошлого столетия в Западной Европе была объявлена война всем идеологиям. Культурная индустрия начала «доказывать», что «любая попытка глобального объяснения мира, любая цельная концепция реальной действительности сама по себе ошибочна и вообще невозможна, поскольку реальная действительность с ее противоречиями и поворотами совершенно непостижима и непредсказуема»²⁵⁸. Отсюда, как показывал итальянский писатель Энцо Рава, в повседневную жизнь внедрялся антиинтеллектуализм, наука и разум «ставились к стенке», внедрялось «мировоззрение паранормального», а на этой основе пропагандировалась концепция потребительства, раскованность и непринужденность в общении, отмена семьи, государства, узаконение нетрадиционных отношений и

²⁵⁸ Рава Энцо. Духовный ширпотреб // Литературная газета. 1979. 26 сент.

т.д., и т.п. Банальные мотивы в низах вели к метафизическому восприятию мира и постклассическому теоретизированию в верхах. Не без оснований замечено: «Новая юридическая картина мира эпохи постмодерна своей апологией размытого, сегментарного, плюралистического правопорядка, по существу, легитимирует отказ от универсального и общего права в пользу ситуативного и партикулярного, а в конечном счете – юридической войны всех против всех. Постклассическая юриспруденция – это юриспруденция возвращения в доправовое социальное состояние, существующее за рамками нормативных принципов формального равенства и эквивалентности. Право социальных отношений вытесняется правом социальных транзакций, юридическое содержание которых непрерывно переопределяется в зависимости от их месторасположения в обезличенной и анонимной сетевой структуре общения»²⁵⁹.

Ничто не ново под луной, и как не вспомнить Чаадаева, печалившегося по поводу того, что мы своего в историю не привносим. В лихие 90-е гг. в России культивировались те же сорняки, укоренявшиеся на убогой российской почве. Напрасно академик В.Н. Кудрявцев возставал против отказа от идеологии вообще, полагая все более настоятельными общественные потребности в компетентном объяснении нашей действительности, объективной оценке происходящих событий, прогнозировании ближайшего и более отдаленного будущего, полагая необходимым сохранение и развитие нравственного потенциала общества, его духовной культуры. Академик видел острую нужду в разработке проблем общественной науки²⁶⁰. Но мы помним колхозные поля того и последующего времени. Не вспаханные, не засеянные, не удобренные. Теперь мы знаем, что на них произросло.

Для кого-то ссылка на советского академика может показаться неубедительной. Сошлемся на современного борца с нападками на науку в Америке. Шон Лоуренс Отто также отмечает, что в 1960–1970-х гг. гуманитарии перешли на позиции постмодернизма, согласно которому «наука – это всего лишь один из многих способов познания мира; она не более важна, чем, скажем, верования аборигенов, индейцев или убеждения женщин»²⁶¹. Автор показывает, как такое релятивистское мировоззрение подрывает демократию, ведет отнюдь не к толерантности, а к авторитаризму. Автор полагает, что власти не имеют привилегии на обладание истиной, что отрицательное отношение правящих лиц к науке угрожает благосостоянию всей нации.

Взаимоотношения политики, экономики, идеологии и науки протекают в социокультурном контексте. Культурный уровень, который «никакому закону не подчинишь», определяет отношения людей в любой сфере. Он, в свою очередь, подвергается воздействию со стороны означенных «сестер», но способен проявлять здесь завидную устойчивость. Сменяющиеся одна другую моды на разные культурные и псевдокультурные ценности все-таки преходящи. Поэтому юридическая наука должна, во-первых, откликаться на вызовы общей и правовой культуры, во-вторых, поддерживать устоявшиеся культурные традиции, удовлетворяющие интересам народа, и, в-третьих, сопровождать рекомендациями действия власти, которая в рамках закона решительно препятствует явлениям коррозии легитимных культурных ценностей. Отечественная наука в последние полвека уделяла пристальное внимание правовой и антиправовой культуре, но явно недостаточно – влиянию права на позитивное развитие общей культуры в разных ее проявлениях.

Наиболее принципиальные и чувствительные вызовы правовой науке посылает юридическая практика. Их взаимоотношение заслуживает особого разговора. В свое время Эрлих не без оснований связывал возникновение правоведения исключительно с потребностями практики и основное содержание правоведения обозначал как практическое руководство для юри-

²⁵⁹ Веденеев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 648.

²⁶⁰ См.: Кудрявцев В. Нужна ли нам идеология? // Правда. 1990. 26 окт.

²⁶¹ Отто Шон Лоуренс. Наука и общество // В мире науки. 2013. № 2. С. 89.

стов-практиков, а собственно научные цели (науку в собственном смысле) связывал с возникновением потом государственного права и общего учения о государстве²⁶². Этот общий вывод нуждается в определенных коррективах в связи с тем, что в лоне науки частного права (в основном в гражданском праве) а затем и науках публичного права (в частности, в полицейстике) рождались общенаучные категории, развиваемые впоследствии теорией государства и права. Подтверждением данных выводов может служить развитие дореволюционной российской юридической науки, которая кстати сделала большой шаг вперед в сторону собственно научной теории, если учесть появление трудов Л. Петражицкого и его последователей.

Сегодня в России отдельные представители отраслевых наук не видят ценности теории государства и права. Полагаем, что это их беда. Однако и вина науки теории. Будучи скомпрометированной догматическим налетом в советское время, утратив марксистские «скрепы», не сразу адаптировавшаяся к реалиям постперестроечного общества, современная теория права и государства не дает исчерпывающих адекватных ответов на их вызовы. В том числе на те, что транслируются отраслевыми юридическими науками. Для науки важно более полно охватить основные элементы практики, правильнее отразить диалектику перехода прошлой деятельности в настоящую и предстоящую юридическую деятельность, понять значение разных элементов в механизме правового регулирования и правовой системе общества. Деятельностный подход позволяет увидеть индивида и социально-психологическую сторону его поведения, а результат деятельности многих индивидов предстает как коллективный опыт, обеспечивающий накопление, систематизацию, хранение и передачу информации и практических навыков, умений. Без такого опыта невозможны ни правотворческая, ни правореализующая деятельность. Здесь же учитывается субъектный состав практики, а по субъектам юридическая практика разграничивается, как правило, на законодательную, судебную, следственную, нотариальную и т.д. Традиционно юридическая наука рассматривала юридическую практику в аспекте изучения отклоняющегося поведения, борьбы с правонарушениями. И хотя время от времени внимание ученых привлекает правомерное поведение²⁶³, многие аспекты его остаются вне поля зрения, особенно в отраслевых науках. А перспективы здесь открываются огромные для трудового права, для предпринимательского и даже для уголовного²⁶⁴.

До настоящего времени, как представляется, недостаточно исследуется поведение должностных лиц государства, как правомерное, так и неправомерное. О мотивах и составе преступлений написаны основательные книги. О мотивах и составе отклоняющегося поведения должностных лиц неизвестно ни одной.

Наконец, в особую группу внешних вызовов следует выделить вызовы юридической науке, идущие от других наук. Имеются в виду не только философия или иные социальные науки, но также и естественные науки. Юридическая наука до сих пор не откликнулась по-настоящему на достижения медицины (пересадка органов, клонирование), биологии и химии, кибернетики, на компьютеризацию. В данном случае мы имеем в виду отклик на ту социальную информацию, которую доставляют разные науки, имея предметом изучения не государство и право, а иные явления жизни человека и общества. Но в качестве вызовов со стороны неюридических наук следует расценивать и те новые исследовательские механизмы, ту мето-

²⁶² См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011. С. 67–68. Эрлих фактически не считал научными труды, которые ограничивались законоведением. В 1903 г. он сделал доклад «Свободное правонахождение и свободная правовая наука», название которого говорит само за себя: поиск права ведется за пределами закона, ученый не может быть связан волей законодателя.

²⁶³ См., например: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999; Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Советское государство и право. 1976. № 10; Он же. Выявление закономерностей правомерного поведения // Советское государство и право. 1983. № 11; Оксамытний В.В. Правомерное поведение личности. Киев, 1985.

²⁶⁴ См., например: Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань: Изд-во КГУ, 2001.

дологию, которую они предлагают²⁶⁵. В частности, при всем релятивизме постмодернистских философских теорий, при всей ограниченности постклассических эпистемологических подходов (в особенности, когда они порывают с аподиктическими суждениями классики²⁶⁶), при всей их эпатажности и уводящей в заоблачность реификацией – они могут быть востребованы не только общей теорией права, но даже отраслевыми науками, если последние не замыкаются в заземленной логистике. Происходит диссеминация (от лат. *disseminatio* – сеяние, распространение) эпистемологического опыта.

Вызовы внешнего порядка существенным образом сказываются на вызовах, диктуемых потребностями саморазвития науки, потребностями формирования научных коллективов. Российская юридическая наука рождалась в российских университетах, в которых первое время преподавали немецкие профессора и потом еще долгое время пропагандировались исследования преимущественно немецких ученых. Только в начале XX века появились труды отечественных исследователей, претендующие на оригинальность.

В настоящее время оригинальными работами в области теории права являются те, в которых проводятся своего рода реконструкции взглядов плеяды российских профессоров (и теоретиков, и отраслевиков) конца XIX и первой четверти XX века. Через призму философии и теории права выявляется юридический концепт современных реалий, постигается реальность права и правовая реальность, в которую юридическая наука входит в качестве самостоятельной онтологии права²⁶⁷. В качестве таковой юридическая наука характеризуется собственными (внутренними) вызовами, обусловленными ценностями, принципами, нормами, институтами права и государства, конструктами их рефлексии, логическими конструктами, формулами генетических и семиотических средств управления. В коллаидере юридической науки производится масса идей, взаимные трения и столкновения которых порождают «кварки» отдельных независимых суждений и совокупности, образующие концепции, школы, направления правовой мысли.

Надо писать книги, чтобы вновь и вновь отразить реакцию соответствующих элементов правовой системы на те или другие вызовы. Можно только сказать в заключение, что в состав «ядра», подвергаемого «бомбардировке», входят: понятие права и понятие государства; понятие нормы права и понятие источника права; система права и система законодательства; механизм, форма и функции государства.

Успех «бомбардировок» и новизна продукта во многом обуславливаются применяемой методологией, что наглядно подтверждается, в частности, коммуникативным и интегративным подходом к праву, которые, в свою очередь, сами не чужды интеграции в понимании онтологии права²⁶⁸. Методология юридической науки заслуживает большего места, нежели то, что отве-

²⁶⁵ Научная новизна, пишет И.Л. Честнов, «предполагает выход за рамки существующего знания, как правило, в междисциплинарную область. Она-то, как раз, и лежит за пределами юридической науки в философии, социологии, культурологии, лингвистике, семиотике и т.п.» (Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издат. Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 112).

²⁶⁶ С некоторых пор возродился интерес к презумпциям и фикциям в праве. Но если быть более точным, следует признать, что они прежде всего категории юридической науки. Более того, из них она чаще всего и состоит. Много ли найдется в нашей науке аподиктических положений? Много ли мы можем привести хотя бы в качестве примера, аксиом? А между тем может ли существовать наука без аксиоматических идей? Нет аксиом – нет и открытий в науке.

²⁶⁷ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 12. Автор обращает внимание на «пространство виртуальной реальности», со стороны которого «праву брошен вызов, пожалуй, самый серьезный за всю его историю» (С. 14). Но это вызов прежде всего юридической науке, вызов, требующий глубокого специального анализа в контексте глобализма, с учетом того негатива (см.: Стиглиц Джозеф Юджин. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 13, 23, 27, 39, 41 и др.), который имеет место быть благодаря лицемерию игроков на мировой сцене.

²⁶⁸ Нами в свое время было предложено интегративное определение права, которое затем входило во все издания учебника «Общая теория права и государства» (см.: Лазарев В.В. Теория государства и права. (Актуальные проблемы.) М., 1992. С. 123). Сегодня его можно уточнить, принимая коммуникативный аспект.

дено ей сегодня в предмете общей теории государства и права и предмете отраслевых юридических теорий.

§ 5. Методология уровневого подхода в трудах ученых Казанской юридической школы

О кризисе фундаментальной науки на рубеже тысячелетий²⁶⁹ дискуссии ведутся давно, и не безрезультатно. Значительное количество публикаций, появившихся за последнее десятилетие, в рамках обсуждения указанной проблемы связано с обоснованием необходимости пересмотра методологического арсенала социально-гуманитарных наук и, соответственно, возможности использования уровневого подхода (как самостоятельного или в контексте системного подхода, или как части междисциплинарного подхода) при изучении правовых явлений и процессов²⁷⁰.

Несмотря на существующие различия в понимании исследователями содержания, системы способов, приемов, потенциала уровневого и системного подходов, в юридической науке достаточно давно и плодотворно используются оба указанных подхода. О перспективах применения системного подхода еще в 70-е гг. XX века неоднократно писали теоретики права С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Л.С. Явич, С.В. Поленина и др.²⁷¹ В теории государства и права уровневый подход применяется в исследовании различных государственно-правовых явлений и процессов: методологии научного познания²⁷²; механизма правового регулирования²⁷³; правореализации²⁷⁴; правового сознания²⁷⁵, системы права²⁷⁶; функций права²⁷⁷ и др. В ряде работ Д.И. Фельдмана, Г.И. Курдюкова, В.Н. Лихачева показаны возможности системного исследования при анализе важнейших теоретических и ряда практических аспектов науки международного права²⁷⁸.

²⁶⁹ См., например: Фундаментальные проблемы естествознания и техники // Труды Конгресса – 2004. Ч. I. СПб.: Изд. РАЕН и Международного клуба ученых, 2004. С. 93–105; *Гурьянов В.Н.* Системная природа социального бытия // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2007. № 2 (7). С. 130–136.

²⁷⁰ См., например: *Бондаренко О.Я.* Уровневая физика. Что это? Серия «Уровневый подход в естественных дисциплинах»: Сб. статей. Бишкек: Салам, 2005.

²⁷¹ См.: *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. С. 7; *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 288; *Явич Л.С.* Общая теория права. Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. С. 131; *Поленина С.В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 22–35.

²⁷² См.: *Васильев А.М.* Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 143–144; *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001; *Он же.* Фундаментальные проблемы методологии правоведения // Политические науки и политическая практика. М., 1984. С. 8; *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 23–25; *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 68–72.

²⁷³ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1981.; *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. С. 91–96.

²⁷⁴ См.: *Решетов Ю.С.* Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980; *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1987; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 11–12; Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 61–65.

²⁷⁵ См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993; *Гранат Н.Л.* Правовое сознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. Т. 2. Теория права / Под ред. проф. М.Н. Марченко. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 378–383.

²⁷⁶ См.: *Сенякин И.Н., Левченко В.М.* Система права // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. Т. 2. Теория права / Под ред. проф. М.Н. Марченко. М.: Изд-во «Зерцало», 1998. С. 239–247.

²⁷⁷ См., например: *Реутов В.П.* Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002.

²⁷⁸ См.: *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* Международное право: проблемы методологии. Очерки методов исследования. М., 1971. С. 62–76; *Лукашук И.И.* Международно-правовое регулирование международных отношений. М., 1975. С. 107–139; *Фельдман Д.И.* О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979. С. 101–104; *Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лихачев В.Н.* О системном подходе в науке международного права // Правоведение. 1980. № 6. С. 40–47, и др.

Как отмечают приверженцы системного подхода, его применение в социальном познании означает исследование закономерностей развития общества как целостного организма, как системы,²⁷⁹ а сам подход рассматривают, во-первых, как общенаучную, междисциплинарную методологическую концепцию, не выходящую за рамки специализированного знания, и, во-вторых, как философскую методологию, часть марксистской диалектики. Применение системного подхода, с одной стороны, плодотворно для конкретных научных дисциплин, а с другой – происходит обогащение самого метода «обобщенными понятиями частных наук»²⁸⁰.

Ученые казанской школы международного права акцентируют на применении системного подхода при характеристике предмета и метода правового регулирования, а также основных принципов международного права.

«Для принципов международного права характерно наличие полисвязей, т.е. множественности связей между принципами, между ними и системой принципов, между ней и другими подсистемами международного права в целом, а также связей системы принципов и отдельных принципов с международными отношениями. Все типы связей условно подразделяются на внутрисистемные и внешние, т.е. выражающие динамику отношений (принципов и системы) в системных границах и за ее пределами. Можно выделить такие типы связей, как взаимодействие, генетические связи, структурные, функционирования, управления и др. Анализ системно-структурных связей позволяет прийти к следующим выводам: 1) Многообразие связей и зависимостей раскрывает содержание системного характера принципов международного права. 2) Можно говорить о наличии объективной зависимости между принципами в ходе правового регулирования. Чем выше уровень и глубина такой зависимости, тем интенсивнее степень воздействия системы на международные отношения. 3) Характер, количество и качество связей между принципами позволяют раскрыть правовые потенции отдельного принципа, выявить эффективность его функционирования»²⁸¹.

При исследовании правовой деятельности в контексте структурно-системных представлений профессор Р.В. Шагиева также использует системный подход²⁸².

Следует отметить, что категориально-понятийный аппарат как системного, так и уровневого подходов включает такие термины, как «уровень», «элемент», «структура» и др. Однако в аппаратах системного подхода и уровневого подхода существуют различия в их трактовке.

Системный подход предполагает иерархичность познания: изучение самого предмета (собственный уровень), изучение этого же предмета как элемента более широкой системы (вышестоящий уровень) и изучение этого предмета в соотношении с составляющими его элементами (нижестоящий уровень). Типичным примером является цепочка человек – группа людей – общество – человечество. В данном случае порядок построения цепочки не принципиален и зависит от целей и задач исследования. Таким образом, мы имеем своего рода избирательность, обратимость и линейность представленного ряда, а уровни здесь параллельны друг другу. Однако кроме «параллельных» уровней есть еще и «перпендикулярные» уровни (вертикальный срез): система «человек» может иметь собственные уровни организации: низкий, средний, высокий и т.д.; аналогично можно говорить и о системе «общество»: низкоорганизованное, высокоорганизованное и т.п., т.е. речь идет об уровнях внутри уровня. При этом и системный, и уровневый подходы учитывают оба аспекта – и «параллельный» (горизонтальный

²⁷⁹ См.: Кузьмин В.П. Системные основания и структуры в методологии К. Маркса // Системные исследования. М., 1978. С. 27; Он же. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 51.

²⁸⁰ Садовский В.М. Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 14; Урсул А.Д. Общенаучный статус и функции системного подхода. М., 1977. С. 46.

²⁸¹ Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лихачев В.Н. О системном подходе в науке международного права // Правоведение. 1980. № 6. С. 40–47.

²⁸² См. подробнее: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. С. 107–162.

срез), и «перпендикулярный» (вертикальный срез), однако системный подход делает акцент на первом, в то время как уровневый – на втором.

С позиций уровневого подхода важно определить уровни взаимодействия между элементами, поскольку от этого будет зависеть, формируют ли элементы систему (так называемая элементаристская парадигма системного подхода²⁸³), или, напротив, система как нечто изначальное по отношению к элементам существенно определяет последние²⁸⁴. В отличие от системного подхода, где объектом исследования выступает сама система, уровневый подход предполагает изучение ее изменений (динамики): на смену сравнению систем или их составных частей приходит сравнение достигнутых ими уровней. При этом уровневый подход выступает здесь как междисциплинарное течение²⁸⁵.

Поскольку вопрос о «статусе» уровневого подхода остается открытым, следует отметить, что отдельными авторами используются «междисциплинарный подход». Так, в контексте исследования межотраслевых связей гражданского права профессор М.Ю. Чельшев отмечает, что междисциплинарный подход (в развитии которого усматривается одна из составляющих будущего российского правоведения²⁸⁶) отражается в межотраслевом методе юридических исследований, который, в свою очередь, сочетает в себе элементы сравнительно-правового и системного методов исследования²⁸⁷.

Отмечая «многоуровневость структуры знаний, составляющих методологию общего учения о праве и государстве», профессор Ф.Н. Фаткуллин выделил четыре уровня принципов, законов и категорий: 1) философии, относящиеся одновременно к природе, обществу и мышлению, выражающих всеобщие характеристики бытия и универсальные основания всякого знания; 2) обществоведения в целом и социологии в частности, в которых сосредоточены знания об объективных предпосылках существования и общих свойствах человеческого общества на всех его этапах; 3) правоведения, олицетворяющие знания о происхождении, природе, формах, механизмах, истории и тенденциях государственно-правовой действительности; 4) конкретных наук, которые или входят в правоведение, или взаимодействуют с ним²⁸⁸.

Разработка системы категорий общей теории права, предпринятая профессором А.М. Васильевым, позволила сформулировать категорию «понятийный ряд», определяемую следующими параметрами. «Его составляют правовые категории одного логического уровня в смысле выражаемых ими сущностных моментов, иначе говоря, раскрывающие характеристику существенного в праве либо первого, либо второго, либо третьего и т.д. порядка. Различия логических уровней понятийных рядов отражают различия в уровнях познания сущности права и одновременно фиксируют единство правового познания в целом, что проявляется во взаимозависимостях понятийных рядов и правовых категорий разных уровней. Понятийный ряд в целом соотносен с одной (или несколькими) из категорий более высокого ряда и через определения включенных в него юридических понятий развертывает, конкретизирует эту категорию.

При одном и том же наборе правовых категорий, но в разном их сочетании могут сложиться различные понятийные ряды. Одноименные правовые категории могут включаться

²⁸³ См.: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М.: Наука, 1986. С. 39.

²⁸⁴ См.: Гурьянов В.Н. Методологические принципы системного анализа социальных систем // Философские исследования. 2001. № 4. С. 122–135; Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. С. 107–109; Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во МГУ, 1982.

²⁸⁵ Барулин В.С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 27–29; Бондаренко О.Я. Указ. соч. С. 12.

²⁸⁶ См. подробнее: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 524.

²⁸⁷ См. подробнее: Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. С. 119–145.

²⁸⁸ См. подробнее: Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1987. С. 23–27.

одновременно в несколько понятийных рядов и подсистем юридических категорий. Так, категориальная связь «норма права» – «правоотношение» в зависимости от сочетания с другими правовыми категориями и отношений с основной категорией включается в состав структурного, исторического, функционального понятийных рядов теории права»²⁸⁹.

В качестве сложного и многоуровневого явления в теории государства и права рассматриваются и процессы правореализации. «Относящиеся к ее структуре элементы (процессы) расположены не в горизонтальную линию, а происходят закономерно в разных плоскостях, четкое обозначение и анализ которых имеют немаловажное значение»²⁹⁰. В частности, профессор Ю.С. Решетов при рассмотрении механизма правореализации вводит понятие «целостные участки правомерной деятельности», отмечая, что такие «участки» расположены не линейно²⁹¹.

С учетом выделенных уровней реализации норм права профессор Ф.Н. Фаткуллин предлагает определенную модель правореализации, которая включает в себя несколько блоков: стартовый блок и блок диспозиционного правоотношения, складывающиеся на двух уровнях – на уровне реализации статутной нормы и на уровне реализации норм, регулирующих контрольно-надзорную деятельность; блок обеспечительного правоотношения, предполагающий индивидуальное правовое регулирование на несколько ином уровне по сравнению с саморегуляцией; блок исполнения акта индивидуального регулирования²⁹².

В свою очередь профессор Н.Н. Вопленко, рассматривая формы реализации права, отмечает, что в механизме правореализации «недопустимо ставить в один ряд правоприменение, правотворчество и праворазъяснение. Это разные уровни бытия и функционирования правовой системы»²⁹³.

В отечественной юридической науке давно обращено внимание на то, что на разных уровнях происходит реализация диспозиций и санкций правовых норм²⁹⁴, реализация материальных и процессуальных правовых норм²⁹⁵, а также саморегуляция²⁹⁶ и индивидуально-правовое регулирование²⁹⁷.

К разряду многоуровневых явлений в юридической науке относят и правовое регулирование. Так, профессор Ф.Н. Фаткуллин различает базовый уровень (касается исходных общественных отношений), средний, или развивающий уровень (затрагивает общественные отношения, которые моделируются в кодифицированном законодательстве), и детализирующий уровень правового регулирования (присущ преимущественно ведомственным инструкциям и другим нормативно-правовым актам местного или локального значения)²⁹⁸.

Несомненно, круг проблем в исследовании государственно-правовой действительности значительно шире, и в рамках данного параграфа не нашли отражения отдельные выводы и положения, содержащиеся в работах других ученых Казанской юридической школы. Но даже

²⁸⁹ Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 133–134.

²⁹⁰ Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 327.

²⁹¹ Решетов Ю.С. Уровни правореализации // Правовое регулирование и право-реализация / Науч. ред. Ю.С. Решетов. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. С. 126–132.

²⁹² Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 33–40, 268–269.

²⁹³ Вопленко Н.Н. Реализация права: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. С. 16.

²⁹⁴ Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 122; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 11–12.

²⁹⁵ См., например: Горшунев Д.Н., Горбачев И.Г. Материально-правовое и процессуально-правовое регулирование // Правовое регулирование и правореализация. С. 81–94; Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 177.

²⁹⁶ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 268–269.

²⁹⁷ Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 61–65; Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 265–269.

²⁹⁸ См. подробнее: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 91–96.

столь беглый анализ трудов теоретиков права, цивилистов и международников свидетельствует об использовании ими методологических приемов уровня подхода. Следует отметить, что и молодое поколение исследователей прибегает к указанному методологическому средству²⁹⁹.

Учитывая сложноструктурированность явлений государственно-правовой действительности, возможность использования методологического потенциала уровня подхода в их исследовании носит объективный характер вне зависимости от того, определяется ли он как самостоятельный или выступает как элемент системного подхода, или в качестве метода в междисциплинарном подходе. Несмотря на то, что наличие различных уровней (элементов, связей и отношений между элементами и т.д.) обуславливает выделяемая многими авторами иерархичность системы³⁰⁰, на наш взгляд, возможно обоснование и использование уровня подхода в качестве самостоятельного при исследовании государственно-правовых явлений и процессов. Однако это потребует более глубокой теоретической проработки, поскольку «любые общенаучные методологические принципы и подходы, прежде чем они начнут играть конструктивную роль в специальных науках, должны пройти своеобразную переплавку, в результате которой они становятся не внешними той или иной конкретной дисциплине, а имманентными ее предмету и сложившейся в ней системе понятий»³⁰¹. В то же время неопределенность методологического статуса уровня подхода не препятствует его эффективному использованию в конкретно-научных исследованиях.

²⁹⁹ См., например: *Шарифуллин В.Р.* Частноправовое регулирование: Теоретико-правовое исследование. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007 (Гл. 2. Уровни частноправового регулирования). С. 67–126; *Бакулина Л.Т.* Уровни реализации правовой политики в сфере частного права // Материалы «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» // Российская правовая политика в сфере частного права. М.: Статут, 2011. С. 117.

³⁰⁰ См. подробнее: *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974; *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

³⁰¹ *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. С. 49.

Глава 3

Государствоведение в Казанском университете и современные проблемы государственного устройства России

§ 1. Наука конституционного права и ее развитие

Прошедшие два десятилетия возрождения российской государственности, ознаменованные принятием демократической Конституции России и формированием на ее основе новой правовой системы, показали востребованность отечественной науки конституционного права. Обращаясь к наследию научных школ и вкладу ученых в открытие, разработку и внедрение конституционно-правовых идей³⁰², важно видеть те черты отечественной науки конституционного права, которые позволили ей не только сохранить и наращивать свой потенциал, но и использовать его в решении задач конституционно-правового развития.

Главной чертой науки конституционного права является сохранение преемственности научных идей. Наука всегда опирается на наследие предшествующих поколений ученых, хотя истории известны и периоды его забвения в угоду идеологическим установкам либо субъективным обстоятельствам.

Прочный творческий фундамент имеет и наука конституционного права. Его основу составляют высказывания великих мыслителей прошлого о создании свода основных правил общественной жизни, которые, обладая высшей юридической силой, могли бы защитить права и свободы человека от произвола власти. Такие подходы можно найти в произведениях философов и историков античного мира Аристотеля, Платона и Полибия, в трудах древнекитайских мудрецов Конфуция и Сыма Цяня, исламских ученых Аль-Бируни, Аль-Газали и ибн Хальдуна. В XVII–XVIII веках они получили дальнейшее развитие в трудах западноевропейских ученых Б. Спинозы и Т. Гоббса, Дж. Мильтона и Дж. Локка, Х. Вольфа и И. Канта, Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо, Т. Джефферсона и Т. Пейна. Во многом благодаря их усилиям они стали достоянием общественного сознания, которое, восприняв их сперва как цель, потом превратило в инструмент уничтожения отживших форм общественного и государственного устройства и его преобразования на новых началах.

С появлением первых конституций стремительно формируется и наука конституционного права в современном ее значении. В России один из первых научных трудов, посвященных конституционному праву, – трактат П.И. Панина «Рассуждение о непременных государственных законах», появился еще в 1784 г.³⁰³

³⁰² Некоторые ученые оспаривают вклад российской науки и Конституции России в развитие мирового конституционализма (см., например: Ten years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. Edited by Kazimierz Dzialocha, Ryszard Mojak, Krzysztof Wojtowich. Lublin, 2001. P. 18). Однако известно, что при непосредственном участии российских дипломатов и ученых были разработаны Конституция Ионических островов 1803 г., Конституция вольного города Кракова 1815 г., Органические регламенты Молдавии и Валахии 1831–1832 гг., Тырновская Конституция Болгарии 1879 г. Заметно влияние Конституции СССР 1936 г. на конституции Ирландии 1937 г., Италии 1947 г., Индии 1950 г., Египта 1956 г., а также всех послевоенных государств Восточной Европы. Миссию одного из основных ориентиров развития мирового конституционного пространства продолжает и Конституция России 1993 г. Ее новаторские положения о человеке как высшей конституционной ценности (ст. 2), о создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и развитие человека (ст. 7), об идеологическом многообразии (ст. 13) восприняты многими современными конституциями, в том числе Венесуэлы, Бутана, Непала, Восточного Тимора, Беларуси, Казахстана и т.д. Положения Конституции РФ 1993 г. в свое время получили высокую оценку Венецианской комиссии Совета Европы.

³⁰³ Исследование П.И. Панина не было опубликовано и тем не менее оно получило широкую известность благодаря мно-

Работы такого рода дали импульс конституционно-правовым исследованиям, об уровне которых можно судить по филигранно отточенному определению конституции, которое 20 лет спустя дал П.А. Строганов: «Конституция – есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может ими пользоваться. Для обеспечения действительности этих прав должна существовать гарантия, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Если этой гарантии не существует... конституция не существует»³⁰⁴.

В 1818 г. выходит в свет программная статья «О конституции» профессора права Санкт-Петербургского университета А.П. Куницына³⁰⁵. В 1814–1824 гг. естественно-правовую доктрину государственного устройства, прав и свобод личности развивает профессор Казанского университета Г.И. Солнцев³⁰⁶.

Под руководством М.М. Сперанского идет интенсивная работа по подготовке Свода законов Российской империи. Первая его редакция, включившая раздел «Основные государственные законы», вышла в свет в 1832 г.³⁰⁷

Формируются и укрепляются конституционно-правовые научные школы Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Киевского, Харьковского университетов, получившие широкое признание к концу XIX века.

Их наследие и сейчас во многом определяет развитие современной российской науки конституционного права³⁰⁸.

Другая черта развития науки конституционного права – отражение конституционно-правовых систем в их статике и динамике.

Это, с одной стороны, исключает умозрительные, оторванные от реальной жизни псевдонаучные конструкции и суждения, а с другой стороны, предполагает освоение конституционно-правового пространства во всем многообразии его проявлений, не ограниченное только опытом конституционного строительства отдельно взятой страны.

Существующие в современном мире конституционные системы отличаются огромным разнообразием, различаясь по срокам существования, идеологическим началам, формам государственно-территориального устройства и правления.

Отдельные конституционные системы имеют длительное, другие непродолжительное, иногда мимолетное существование. Так, конституционные системы США и Норвегии, хотя и в значительно трансформированном виде, существуют уже более 200 лет. А в Таиланде средний срок жизни конституций, последовательно сменявших друг друга с 1932 г., составляет менее пяти лет.

Конституционные системы базируются на разных идеологических ценностях. В основном они исходят из либерально-демократических идей, отвергающих верховенство каких-либо идеологий или религий. Но в большей части мусульманских государств ислам является государственной религией³⁰⁹. Более того, в одном из них – Саудовской Аравии – Конституцией провозглашена «Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка» (ст. 1).

гочисленным рукописным копиям. Подробнее см.: Буеров К.Д. «Политическое время» российского XVIII в.: Темпоральный аспект политических преобразований в реформаторских проектах Н.И. Панина // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 4 (20). С. 71–74.

³⁰⁴ Цит. по: Успенский В.С. Павел Александрович Строганов // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 85–103.

³⁰⁵ Куницын А.П. О Конституции // Сын Отечества. 1818. № XVIII. С. 202–211.

³⁰⁶ Загоскин П.П. Деятели Императорского Казанского университета (1805–1900). Казань, 1900. С. 115–116.

³⁰⁷ Основные государственные законы, определявшие основы государственного устройства Российской империи, включались с небольшими изменениями и во все последующие издания Свода законов 1842, 1857 и 1892 гг.

³⁰⁸ 210-летний юбилей Казанского федерального университета должен дать старт изучению наследия и традиций научных конституционно-правовых школ Университета не только имперской и советской, но и современной России.

³⁰⁹ Ислам провозглашен государственной религией, а шариат – главным источником законодательства в ст. 2 и 3 Конституции Афганистана; ст. 2 Конституции Бахрейна; ст. 3 Конституции Ирака; ст. 2 и 12 Конституции Ирана; ст. 3 Конституции Йемена; ст. 1 Конституции Катара; ст. 7 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов; ст. 2 Основного закона (Белой

В конституционных системах действуют разные формы государственно-территориального устройства и правления.

В основном преобладают конституционные системы унитарных государств. Вместе с тем достаточно широко распространены формы федеративного государственного устройства (Россия, Австралия, Аргентина, Бразилия, Германия, Бельгия, Индия, Пакистан, США, ряд других государств) и региональной автономии (Великобритания, Италия, Испания, Финляндия, Китай и т.д.).

Различаются и механизмы правления. Монархическая форма правления сохранена немногим более чем в 40 конституционных системах (Великобритании, Испании, Швеции, Норвегии, Бутана, Саудовской Аравии, Японии, некоторых других государств). Большая часть других имеет республиканские формы правления: парламентарную (например, Италия и Израиль), президентскую (Афганистан, Индонезия, Ирак, Филиппины и т.д.) либо смешанную (в частности, Франция и Финляндия). Существуют также конституционные системы, которые не укладываются в указанную классификацию. Так, в Иране, помимо должности президента, существует пост Духовного лидера страны.

Такое разнообразие форм и содержания конституционных систем является традиционным предметом исследований науки конституционного права, даже когда они посвящены анализу основного закона одного государства либо отдельным конституционно-правовым институтам и нормам.

В этой связи представляет интерес разработка и внедрение в научный оборот понятия конституционной модели, которое многограннее других категорий, систематизирующих конституции и созданные на их основе конституционные системы³¹⁰.

Во-первых, конституционная модель возникает на переломном этапе исторического развития, являясь ответом на назревшие главные, а не частные потребности общества. Она отражает определенное мировоззрение и уровень правового сознания в обществе, особенности политико-правового развития страны. Так, российская конституционная модель 1993 г. соответствовала стремлению российского общества разрушить экономический, политический и духовный тоталитаризм и построить на его руинах новое демократическое, правовое и социальное государство.

Во-вторых, конституционная модель характеризуется органическим единством, регулируя основы общественного и государственного устройства, правовое положение личности с позиций определенных конституционных ценностей и с учетом специфических условий страны.

В-третьих, конституционная модель – это юридическая проекция общественного развития. Она фиксирует настоящее и вместе с тем является ориентиром на будущее. Так, очевидно, что цель «всеобщего благоденствия», провозглашенная Конституцией США 226 лет назад, до сих пор не реализована. Но именно она в течение последних 100 лет определяла и продолжает определять социально-экономическое развитие США. Точно также и Конституция РФ в полной мере своих возможностей еще не исчерпала.

В-четвертых, всякая новая конституционная модель, в отличие от обычной новой конституции, является фактором стабилизации общества, создавая условия для развития общественных отношений на новых началах, что требует принятия нового законодательства, формиро-

книги) Султаната Оман; ст. 3 Конституции Сирии; ст. 227 Конституции Пакистана, ст. 2 Конституции Египта.

³¹⁰ В частности, в советской науке государственного (государственного) права преобладала научная категория типов конституций, которая ограничивалась в основном их анализом в контексте особенностей социально-экономических формаций. Концептуальное обоснование понятия модели конституции подробнее см.: *Хабриева Т.Я.* Российская конституционная модель и развитие законодательства // Конституция и законодательство. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2003. Кн. 2. С. 5–18; *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2005.

вания на его основе новой правоприменительной практики, изменения правового сознания и правовой культуры в целом.

Выявление таких закономерностей – одна из приоритетных задач науки.

Характерной чертой науки конституционного права является непрерывность ее развития. Даже когда не происходит заметного обновления актов конституционного законодательства, наука продолжает исследование общественных отношений, формирующихся в системе конституционно-правовых координат.

Развитию науки конституционного права способствуют и позитивные субъективные факторы – стремление ученых-конституционалистов внести свой вклад в ее научное наследие, создав новые конституционно-правовые идеи и концепции³¹¹.

Хотя следует признать, что динамика ее развития во многом определяется интенсивностью эволюции конституционной системы. Чем чаще сменяются основные законы, иные системообразующие конституционно-правовые акты либо обновляются их тексты, тем более интенсивно идет разработка новых научных идей. Это явление стало особенно заметным в последние годы, что, на наш взгляд, дает основание к определению XXI века как века конституционных реформ.

Так, по данным исследования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, с 1 января 2000 г. по 1 ноября 2014 г. только в государствах Европы было принято 254 закона о внесении изменений и дополнений в конституции, что почти в два раза больше (130 законов), чем в последнее десятилетие XX века. Столь существенное увеличение интенсивности конституционных изменений дает основание к постановке вопроса об исчерпанности либо затруднительности использования иных возможностей раскрытия потенциала конституций посредством их толкования, принятия необходимых законодательных актов, развития правоприменительной практики.

Следует различать конституционные реформы и иные конституционные преобразования³¹². Основным отличием конституционных реформ является то, что они изменяют основополагающие положения основного закона, прерывая конституционную стабильность. Обычно они связаны с принятием новых конституций, корректирующих базовые характеристики общественного и государственного строя. Но нередко они осуществляются и посредством частичного пересмотра действующих основных законов. Так было в России в 1990–1992 гг., когда в Конституцию РСФСР 1978 г. были внесены более 500 поправок, многие из которых имели принципиальное значение, исключая руководящую роль коммунистической партии, изменяя систему организации власти, устанавливая новые принципы экономической деятельности и т.д. В результате, по существу, была создана новая Конституция, хотя и считавшаяся Конституцией 1978 г.

С другой стороны, многие новые конституции и крупные конституционные поправки не дают оснований к признанию их конституционными реформами, поскольку они не прерывали конституционную стабильность. Примером могут служить принятые во Франции в 2008 г. Конституционный закон «О модернизации институтов Пятой республики» и Закон «О социальной демократии», не изменившие базовые принципы организации государства и общества.

Изучая конституционные реформы и иные конституционные преобразования, наука осваивает новые конституционно-правовые ценности и нормы, устанавливая их содержание, выявляя особенности их применения, находя решения возникающих при этом проблем³¹³.

³¹¹ В этой связи можно привести труды В.А. Туманова, А.А. Мишина, Г.В. Барабашева, И.Д. Левина, М.А. Нуделя, ряда других советских конституционалистов, чьи идеи во многом определили развитие конституционно-правового сознания 1980–1990 гг.

³¹² Подробнее см.: *Хабриева Т.Я.* Стабильность конституции и реформы // Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (К 20-летию Конституции России). М., 2014. С. 159–172.

³¹³ Подробнее см.: *Кутафин О.Е.* Российский конституционализм. М., 2008.

Нередко такой поиск занимает не одно десятилетие. В частности, речь идет о проблемах реализации конституционных ценностей, т.е. тех положений, которые имеют непреходящее, универсальное значение для человека, общества и государства.

Замедление в их научном освоении объясняется и дискуссионностью набора базовых конституционных ценностей. В научной литературе к ним, в частности, относят положения конституций о человеке как высшей ценности конституционного правопорядка, о народовластии, сохранении гражданского мира и согласия, множественности форм и равной защите прав собственности, свободе законной экономической деятельности, многопартийности, идеологическом многообразии, демократическом, правовом, социальном, светском государстве и т.д. Но необходимого теоретического обоснования такого отбора не предложено.

Нет ясности и в вопросе о том, следует ли в конституционном праве различать высшие и иные ценности и как могут разрешаться возникающие между ними противоречия, например, между такими ценностями, как человек и права человека, которые закреплены в ст. 2 Конституции РФ. Очевидно, что конституционно-правовая аксиология заслуживает большего внимания.

Требуют глубокого научного осмысления и проблемы восприятия конституции в общественном сознании как документа с элементами общественного договора между государством и народом, различными социальными группами, центральной властью и регионами, что будет способствовать гармонизации конституционно-правового пространства и более эффективному регулированию конституционно-правовых отношений в политической, социальной и экономической жизни.

XXI век – время преодоления несовершенства конституционно-правовых механизмов решения экономических, социальных, экологических задач. Их проектирование требует фундаментальных научных разработок. Но в континентальных странах Европы, например, во Франции, основным предметом исследования в наиболее востребованных учебниках по конституционному праву являются политические институты, а экономические и социальные основы общества не изучаются³¹⁴.

В немецких монографических и учебных изданиях, посвященных государственному праву Германии, социально-экономические вопросы рассматриваются в ограниченном контексте, главным образом через призму конституционных прав человека³¹⁵.

Значительно более широко вопросы экономической системы и политики государства затрагиваются в российской науке конституционного права. В последние десятилетия было издано несколько крупных работ, посвященных «конституционной экономике», «экономической конституции», «конституционным основам экономики, в которых анализируются механизмы взаимовлияния конституции и экономики. Но недостаточно исследований проблем социального развития, что сдерживает процессы социализации конституционно-правового пространства.

Актуальны исследования каналов влияния конституций на правовое развитие, в том числе посредством конституционализации законодательства и правоприменительной практики. Это явление до недавнего времени в юридической науке не изучалось. В советскую эпоху конституции в основном воспринимались как политические манифесты, а не как высшие по своей юридической силе акты. Вопросы конституционализации законодательства не затрагиваются и западными правоведами. В своих работах они не выходят за рамки судебного конституционного толкования и контроля.

³¹⁴ Gicquel J., Gicquel J.-É. Droit constitutionnel et institutions politiques. 25e éd. P. 2011; Hamon F., Trope M. Droit constitutionnel. 30e éd. P. 2007.

³¹⁵ Katz A. Staatsrecht. Grundkurs im öffentlichen Recht. 18 Aufl. Hamburg, 2010.

Изучение конституционализации законодательства дает возможность не только оценить степень реальности конституции как основного закона государства и общества, но и выявить тенденции в развитии законодательства, установить изменения методов и средств правового регулирования, определить существующие в этой сфере проблемы³¹⁶.

Процессы конституционализации законодательства в разных странах проходят по-разному в силу множества объективных и субъективных факторов: уровня экономического, социального и политического развития, международного положения, наличия необходимой институциональной инфраструктуры, качества конституции, как правового документа, воли законодателей, иных факторов, в том числе духовных. Совокупное действие таких факторов и определяют степень и глубину освоения конституционных ценностей и норм.

Развитие процессов конституционализации нередко сопровождается размыванием традиционных категорий конституционного права. Так, некоторые российские и зарубежные авторы, специализирующиеся в финансовом праве, используют термин «финансовая конституция» в отношении бюджетных кодексов и термин «налоговая конституция» для обозначения налоговых кодексов. Очень часто гражданские кодексы именуются конституциями гражданско-правовых отношений. Такие словосочетания используются, чтобы придать особую важность отдельным системообразующим юридическим актам, но они девальвируют значение конституции как основного закона, закрепляющего базовые конституционные ценности и основы правового регулирования жизнедеятельности человека, общества и государства.

Своего научного решения ждут и другие проблемы: усложнение структуры и обогащение институтов конституционного права в контексте современной дифференциации отраслей права; глобализация конституционно-правового пространства; концептуальное обоснование современных путей развития правового государства; многомерность публичной власти и оптимизация форм ее организации, гармонизация этно-правовых и миграционных отношений, конституционно-правовой статус юридических лиц, в том числе лиц публичного права и т.д.

Надо помнить, что в развитии науки конституционного права всегда сохраняется terra incognita – сфера неизведанного, еще не освоенного учеными-конституционалистами. Ее границы меняются под воздействием перманентно сменяющих друг друга экономических, политических, экологических, техногенных угроз, разрушающих либо нарушающих конституционно-правовой уклад жизни государства и общества. Задачи науки – не только выявлять такие угрозы, но и находить адекватные конституционно-правовые решения, позволяющие предупредить или, по возможности, минимизировать возможные потери. Так, во Франции в ответ на экологические угрозы по инициативе ученых-конституционалистов был принят Закон об охране природы, который рассматривается как четвертая составная часть французской Конституции.

Сфера неизведанного появляется и в результате эволюции конституционно-правовых институтов, а также формирования новых конституционно-правовых отношений³¹⁷. Мощным фактором, постоянно влияющим на обновление конституционно-правового пространства, являются интеграционные процессы, охватывающие на рубеже двух тысячелетий все большее число государств, что позволяет констатировать обоснованность постановки вопроса о формировании права интеграционных объединений.

Под воздействием современных информационных технологий расширяется сфера индивидуальных и коллективных конституционных прав и свобод, меняются формы реализации

³¹⁶ Подробнее см.: Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства (К двадцатилетию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия, 2013. № 6 (36). Концепция конституционализации законодательства нашла свое отражение в проекте Концепции конституционных реформ в Армении, одобренном в октябре 2014 г. на официальном сайте Министерства юстиции Республика Армения (http://moj.am/storage/uploads/Sahmanadrakan_barepokhumner_verjnakan.pdf).

³¹⁷ Подробнее см.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.

институтов прямой демократии, в том числе в рамках проектов «открытое правительство», «информационное общество» и т.д. В полной мере такие процессы наукой конституционного права еще не изучены.

Неизведенное таится даже в тех сегментах конституционно-правового пространства, которые, казалось бы, давно освоены наукой конституционного права. В частности, речь идет о конституционно-правовой терминологии, которая сложилась в основном в конце XIX – начале XX веков. В XXI веке такие понятия, как «суверенитет», «правовое государство», «федерализация» и др., требуют своего развития с учетом современной реальности.

В заключение отметим еще одну *основную черту науки конституционного права. Это постоянно растущая, всеобщая конкуренция конституционно-правовых доктрин и идей.* Она охватывает разные научные школы, различные социальные классы и группы, политические партии и даже государства и международные организации, отстаивающие свое видение конституционного развития, свои конституционные ценности и конституционно-правовые решения.

Порой такая конкуренция вызывает драматические последствия, как это было на рубеже 1980–1990-х гг., когда идеи правового государства, верховенства права, защиты прав и свобод личности, воспринятые из конституционной практики развитых капиталистических государств, возобладали над ценностями социалистической законности, что стало одной из причин краха мировой системы социализма.

В новом веке борьба правовых идеологий разворачивается в основном между исламским и западным правом, а в рамках последнего между общим (англосаксонским) и континентальным (романо-германским) правом, что подтверждается борьбой их двух ключевых идей – верховенства права и правового государства.

Объектом конкурентной борьбы становятся и другие конституционно-правовые ценности, что хорошо видно на примере конституционного развития ряда постсоветских государств, не поддерживающих практику мирного сосуществования и учета интересов разных этносов, проживающих на их территориях.

Конкурентная борьба конституционно-правовых ценностей и идей разворачивается и в международных организациях, в том числе в Венецианской комиссии Совета Европы, где объектами дискуссий становятся многие вопросы современного конституционного развития, в том числе установления границ государственного суверенитета, признания допустимых форм ограничения народовластия, сохранения традиционных семейных ценностей и форм организации власти³¹⁸.

В такой конкурентной борьбе могут выстоять лишь те конституционно-правовые идеи, которые опираются на фундаментальные научные разработки и пользуются широкой общественной поддержкой. Без этого невозможно выживание конституционно-правовых идей, а вместе с ними и того конституционно-правового наследия, которое дало им жизнь.

³¹⁸ В частности, в Венецианской комиссии рассматривалось законодательство тех государств, которые отвергают однополые браки вопреки расширительному толкованию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и решениям Европейского суда по правам человека. Так, в июне 2013 г. Комиссия рассматривала поправки к Конституции Венгрии, а в октябре 2014 г. – проект поправок к Конституции Македонии, направленные на защиту традиционных семейных ценностей и брака как союза исключительно женщины и мужчины.

§ 2. Вопросы становления и эволюции местного самоуправления в трудах В.В. Ивановского

Виктор Викторович Ивановский – один из крупных представителей отечественной историко-правовой и социологической науки рубежа XIX–XX вв. Он автор фундаментальных монографий, известных лекционных курсов, многочисленных научных и научно-публицистических статей, очерков и проблемно-тематических сборников трудов, не потерявших значения в теории, методологии и эмпирической практике изучения политических институтов общества. Однако научная и педагогическая деятельность В.В. Ивановского, его концептуальные взгляды на ключевые явления и проблемы развития российского общества конца XIX – начала XX веков пока еще недостаточно изучены. При этом исследователи истории российского обществознания констатируют, что В.В. Ивановский занимает видное место в ряду обществоведов рубежа XIX–XX в.³¹⁹

Профессор Казанского университета В.В. Ивановский обладал широким научным кругозором, работал на стыке социологии, политологии, истории и правоведения, сам определял свое научное амплуа как «социолог-государствовед» и инициировал разработку методологии и методики исторических и эмпирико-социологических исследований в этой сфере.

Для творчества В.В. Ивановского был характерен исследовательский интерес к истокам и динамике новых явлений общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX в., что определило проблематику научных и научно-публицистических работ и вывело его на изучение актуальных проблем взаимоотношения власти и общества, на исследование вопросов децентрализации власти, на анализ и сопоставление на основе разработанных им теоретико-методологических подходов комплекса зарубежного и отечественного опыта местного самоуправления и истории российского земства XIX – начала XX в.

Виктор Ивановский родился 20 октября 1854 г. в семье чиновника. В 1874 г. после окончания Вятской гимназии он поступает на юридический факультет Казанского университета. Уже в студенческие годы его внимание привлекали историко-правовые сюжеты и проблемы взаимоотношений власти и общества, перекликавшиеся с политическими явлениями и процессами эпохи «великих реформ» Александра II. В 1878 г. он заканчивает университет со степенью кандидата права и золотой медалью за сочинение «Высшее управление в царствование императора Александра I», после чего был оставлен в университете «для приготовления к профессорскому званию». В это время его интерес привлекает изучение процесса становления системы земского самоуправления. В 1882 г. В.В. Ивановский, после защиты магистерской диссертации «Опыт исследования деятельности органов местного самоуправления», в которой одним из первых проанализировал проблемы функционирования вновь образованных земских учреждений на местах, назначается на должность доцента кафедры полицейского права Казанского университета. Уже через четыре года, в 1886 г., он ординарный профессор кафедры государственного права. Более 40 лет профессор В.В. Ивановский отдал служению науке и преподавательской деятельности. С 1882 по 1918 г. им были разработаны общепризнанные среди студентов, преподавателей университета и коллег в других высших учебных заведениях многократно прочитанные и переиздававшиеся учебные курсы по русскому государственному праву, полицейскому, административному праву и др.

С 1907 г. В.В. Ивановский – заслуженный ординарный профессор университета, с 1906 г. – декан юридического факультета, с 1907 г. – проректор. В 1910 г. он не был утвержден на должность декана юридического факультета Министерством народного просвещения по при-

³¹⁹ См.: Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики: становление и современное состояние // Мир России. 1997. № 1. С. 129–162.

чине «противоправительственного направления его административной и преподавательской деятельности, учебников по государственному и административному праву»³²⁰. В 1916-1917 гг. он вновь декан юридического факультета.

В.В. Ивановский остался верен профессиональному выбору и после Октябрьской революции 1917 г. Осенью 1917 г. – весной 1918 г.

В.В. Ивановский некоторое время исполнял обязанности ректора³²¹. В 1919 г., с упразднением юридического факультета, В.В. Ивановский перешел на факультет общественных наук, а затем преподавал на правовом факультете. Он одним из первых в стране разработал и читал курсы лекций по советскому государственному и административному праву.

Изучив в начале своего творческого пути историю «высшего управления» в Российской империи в первой четверти XIX в., молодой одаренный магистрант одним из первых в отечественной исторической науке обратился к изучению земских учреждений России. Сложность и многогранность названной проблемы побудили В.В. Ивановского выйти за рамки традиционных исследовательских описательных методик за счет интеграции и развития подходов и инструментария близких отраслей истории и обществознания.

Местное управление конца XIX века, по определению казанского ученого, подлежало все же государственному управлению. С этим связан историко-правовой дискурс его исследования. В.В. Ивановский выделял соотношение трех элементов: 1) государственное управление; 2) территориально ограниченный общественный союз, являющийся субъектом, и 3) интересы и потребности этого союза как объект управления. Первый и третий элементы, по В.В. Ивановскому, присущи непосредственной деятельности самоуправления, и они имеют характер фактора политического, а второй элемент относится к организации органов самоуправления и проявляется в качестве фактора сугубо социального. Именно этими элементами определяется природа самоуправления, если один из них отсутствует, то и самоуправление перестает быть таковым.

Важно отметить размещение выявленных понятий как в правовом, так и в социально-политическом поле. Влияние на устройство местных установлений в книге «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России» (1882 г.) В.В. Ивановский связывает с двумя факторами: «общегосударственным» и «личным» характером местности. Государство законодательно определяет форму существования этих органов, а специфика местных условий определяет их внутреннее содержание. Успешный ход деятельности органов самоуправления возможен, если «оба фактора поставлены между собою в нормальные отношения»³²². В 1907 г. в статье в «Политической энциклопедии» В.В. Ивановский указывает, что земства – это «учреждения общественного управления, распространяющие свою деятельность на более или менее крупные территориальные районы и состоящие из представителей местного населения»³²³.

В.В. Ивановский представляет свой методологический взгляд на саму историю формирования и эволюции местного самоуправления в России: а) раннефеодального распада Руси, б) последующей централизации, в) перспектив децентрализации государственной власти. Он выделяет в этом процессе несколько хронологических периодов: 1) домосковский; 2) период Московской Руси; 3) этап правления Петра I и Екатерины II; 4) первая половина XIX в.; 5) земская реформа 1864 г. Такие переходы, доказывал В.В. Ивановский, развивая мысль немецкого

³²⁰ Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 г.: Очерки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998.

³²¹ История Казанского университета. 1804–2004. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004.

³²² Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. 2-е изд. Казань: Типография Казанского ун-та, 1882.

³²³ Ивановский В.В. Земские учреждения // Политическая энциклопедия. Т. 2. Вып. 5. СПб.: Главная контора: Невский пр., д. 88, 1907. С. 708–711.

ученого Лоренца Штейна, в любом государстве осуществляются на трех началах, последовательно сменяющих друг друга: сословно-родовом, цензовом и государственно-гражданском.

В.В. Ивановский оценивал возникновение земских учреждений в результате реформы 1864 г. как колоссальный шаг на пути развития общественного самоуправления в России. При этом он критиковал систему выборов в земское самоуправление, которая дает очевидные преимущества представителям дворянского землевладения. Такая несправедливая избирательная конструкция, указывал В.В. Ивановский, не может способствовать осуществлению органичной деятельности земских учреждений и насущными общественными потребностями, «делает сомнительным представительство всех местных интересов», не соответствует требованиям жизни и особенно «движению народонаселения и модификациям имущественных отношений». Конечно, в связи с этим его отношение к земской контрреформе 1890 г. Александра III было еще жестче: «Правительство разом нанесло решительный удар идее общественной свободы и автономии»³²⁴. Казанский ученый, указывая на недостатки сословной системы управления, выражал уверенность, что в результате развития государственных отношений она неизбежно будет заменена всеобщим избирательным правом.

В последующем В.В. Ивановский развивал собственную трактовку роли децентрализации в органах управления. Пропагандируя свою позицию в «Политической энциклопедии» (1906–1907 гг.), он писал: «Местное управление только тогда успешно и правильно функционирует, когда оно децентрализовано»³²⁵. Главными общественно-значимыми преимуществами децентрализации управления В.В. Ивановский называл следующие: во-первых, она спасает страну от административной опеки центрального правительства, склонного игнорировать местные особенности; во-вторых, децентрализация освобождает центральные государственные учреждения от излишней работы, перенося ее на местные учреждения, и оставляет за ними заботу об общегосударственных интересах; в-третьих, разделение власти между центром и регионами имеет огромное гражданско-воспитательное значение, развивает в местных администраторах способности самостоятельного решения государственных вопросов в применении к местным потребностям, вместе с тем и чувство ответственности; в-четвертых, децентрализация содействует развитию в гражданах политического смысла и достоинства, служа школой политического самообразования. Таким образом, В.В. Ивановский отстаивал положение о том, что настоящая гражданская и политическая свобода в государстве возможна только при условии децентрализации управления.

Условия экономического развития пореформенной России создавали новую схему налогообложения и распределения доходов, которая также была осмыслена в работах В.В. Иванова. Финансовая деятельность органов местного самоуправления, по В.В. Ивановскому, определяется взаимодействием двух выделенных им факторов, общегосударственного и местного («личного»). С одной стороны, от государства зависят установление системы местного налогообложения, указание на предметы, подлежащие обложению, определение характера этого обложения; с другой стороны, на финансовые возможности тех же земств колоссальное влияние оказывают местные условия, прежде всего экономическое развитие территории («богатство края и его жителей»). Наиболее рациональной и справедливой формой взимания местных налогов В.В. Ивановский считал подоходный налог, который «в своем чистом виде есть налог на совокупность всех доходов, поступающих в распоряжение какого-либо лица»³²⁶. Этот налог позволяет привлекать к обложению самые мелкие доходы, что «гарантирует участие в самоуправлении всех вообще жителей данной местности, за исключением лишь лиц, не полу-

³²⁴ Ивановский В.В. Земские начальники... С. 706–708.

³²⁵ Ивановский В.В. Децентрализация управления // Политическая энциклопедия. Т. 1. Вып. 1–4. СПб.: Изд-во т-ва «Ключ», 1906. С. 633–634.

³²⁶ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления...

чающих вовсе ... доходов и находящихся на попечении общественного призрения». К тому же, по мнению В.В. Ивановского, подходящий налог обуславливает «наименьшую неуравновешенность налога», поскольку каждый гражданин «несет тягости»³²⁷ пропорционально уровню своих доходов.

В.В. Ивановский определил свои методологические принципы и в изучении институциональных структур в центре и на местах. Во-первых, обязательным должно являться как раскрытие конкретной деятельности организации, так и выполнения ответственных задач по отношению к народным интересам, системы взаимодействия с другими государственными и общественными институтами. Во-вторых, любое учреждение существует в пространстве и во времени, поэтому изучение его деятельности должно соответствовать этой двоякой сущности.

Такой анализ, указывал В.В. Ивановский, получил в науке название «сравнительно-исторического». Сравнительно-историческое изучение деятельности земских учреждений, по В.В. Ивановскому, дает возможность определить их действительное значение, а наблюдение в течение более или менее продолжительного времени обнаруживает степень их достоинств и недостатков. При сущностной оценке названных организаций В.В. Ивановский отдавал приоритет получению эмпирическим путем научных выводов и рекомендаций для изменения в организации, для оптимального функционирования и соответствия поставленной перед учреждением цели. На этой основе он обогатил понятийно-категориальный аппарат в сфере политико-социологического изучения местного самоуправления.

Поньше представляют значительный научный интерес эмпирико-социологические исследования В.В. Ивановским местного самоуправления в России и Европе. Весьма примечательным является тот факт, что, выпускник вятской гимназии В.В. Ивановский во время учебы в Казанском университете находился «на стипендии Вятского земства»³²⁸, а темой магистерской диссертации выбрал изучение деятельности земских органов двух соседних губерний – Вятской и Казанской. Методы и приемы, использованные казанским ученым в 1880-х гг., соответствуют и современным представлениям о прикладных социологических исследованиях. Можно согласиться с учеными, которые полагают, что магистерскую и последовавшую за ней докторскую диссертации В.В. Ивановского «с высокой степенью уверенности можно назвать первыми эмпирическими исследованиями по социологии политики в России»³²⁹. Разработанный им оригинальный социологический исследовательский инструментарий соответствовал контексту нового междисциплинарного направления, политической социологии, состоявшего в рассмотрении институтов власти сквозь призму социальной структуры общества.

Используя имевшуюся немногочисленную юридическую и историческую литературу, еще не носившую обобщающего характера, и материалы земской статистики, В.В. Ивановский первым в отечественной науке разработал четкую программу эмпирико-социологического и историко-правового исследования, формулируя в качестве основной гипотезы тезис об условиях, способствующих либо, напротив, препятствующих развитию земских учреждений. Казанский «социолог-государствовед» проводит сравнительно-исторический анализ деятельности земств двух уездов Вятской и Казанской губерний. Выбор объектов для исследования объясняется ученым тем, что местные особенности «того и другого уезда настолько различны, что порождают совершенно различный состав земских учреждений». В Слободском уезде Вятской губернии практически не было дворян, а в Лаишевском уезде Казанской губернии их около 200, и им принадлежала треть всех земель уезда. В земских учреждениях первого уезда доминирует крестьянское сословие, а во втором – дворянское. В.В. Ивановский делает вывод, что организация земского представительства в Слободском уезде более близка к тео-

³²⁷ Там же.

³²⁸ НА РТ. Ф. 977, оп. юридического факультета, д. 418, л. 6.

³²⁹ Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Указ. соч. С. 129–162.

ретическим требованиям, а именно пропорциональности представительства сословий, нежели в Лаишевском уезде, что объясняется различием в «личном элементе обоих уездов». Однако главная причина неэффективности Слободского земства заключается в «экономической несостоятельности большинства населения, ограничивающей земский бюджет размерами гораздо меньшими, нежели какой он должен иметь для удовлетворения всех необходимых потребностей края»³³⁰.

С точки зрения формирования методологии и методов политической социологии это была новаторская работа, основанная на анализе земской статистики и актов управления, на наблюдении за работой земских органов и даже интервью. Исследование доказательно сопровождалось значительным количеством таблиц, в которых характеризовалась деятельность земств по различным направлениям, что также позволило В.В. Ивановскому выйти на аргументированные выводы и обобщения в исследовании деятельности местных земств, показать социокультурные и политические тенденции в их развитии.

В своей докторской диссертации «Организация самоуправления во Франции и Пруссии» (1886 г.) он представил настолько обстоятельный анализ литературы по самоуправлению в Западной Европе, что этот очерк вполне можно рассматривать и как самостоятельное историографическое исследование. При уважительном отношении казанского ученого к видным зарубежным исследователям, он оказался не только их последователем в изучении западных форм общественного самоуправления, но и обозначил свои новые теоретико-методологические трактовки политико-правового и социологического знания. Панорамный анализ выявил критический подход В.В. Ивановского как к уровню понятийно-категориального аппарата западной муниципалистики, так и к состоянию теоретико-методологического осмысления проблем общественного самоуправления.

Всесторонне анализируя научные сочинения западноевропейских ученых по вопросам самоуправления, В.В. Ивановский одновременно формулирует и собственные методолого-историографические положения применительно к немецкой и французской муниципалистике. Он исходит из того факта, что в западной литературе второй половины XIX в., посвященной общественному самоуправлению, не были установлены четкие методы научного исследования, ей присуща неустойчивость в постановке целей исследования.

Казанский профессор широко использовал сравнительно-исторический метод, выявлял его преимущества перед другими методами и отмечал, что к этому приему нечасто прибегали западные авторы. Большинство научных изысканий этих авторов, полагал В.В. Ивановский, все же «покоится на догматическом методе»³³¹, а редкий элемент сравнения встречается как некий случайный прием, который не имеет методологического значения.

Сравнивая теоретико-методологические дискурсы немецких и французских научных школ, разрабатывавших проблемы самоуправления, В.В. Ивановский пришел к выводу, что по состоянию на начало 1880-х гг. французская муниципалистика более бедна, нежели немецкоязычная, которая представлена двумя крупнейшими теоретиками: венской научной школы – Лоренцем фон Штейном и берлинской школы – Рудольфом фон Гнейстом. В.В. Ивановский присутствовал на лекциях Р. Гнейста в Берлинском университете во время своей двухгодичной зарубежной командировки (1883–1885 гг.) с целью написания докторской диссертации. Его научный руководитель, специалист по полицейскому праву во Франции и Германии, профессор Я.С. Степанов (тоже уроженец Вятской губернии, некролог о нем В.В. Ивановский поместил в 1891 г. в «Ученых записках Казанского университета»), писал: «Просмотренный мною отчет г. Ивановского о занятиях его в Берлине в течение зимнего семестра 1883–1884

³³⁰ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России. Казань: Типография Казанского ун-та, 1881.

³³¹ Ивановский В.В. Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления...

учебного года представляет изложение чтений, а отчасти и вообще взглядов и идей... профессора Гнейста, с критическим их изложением»³³². Творчеству знаменитого немецкого правоведа Рудольфа Гнейста казанский ученый посвятил аналитический очерк и проблемную статью³³³.

Как французская, так и немецкая муниципалистика, по мнению В.В. Ивановского, носят исключительно национальный характер, и лишь в единичных трудах авторы используют сравнительно-исторический метод. Но французскими государствоведами, заключал В.В. Ивановский, политическая сторона вопроса о самоуправлении нередко выдвигается как главная проблематика исследования, тогда как германские исследователи трактовали в большей мере практико-правовые аспекты самоуправления. Он считает, что такое положение связано с различиями политико-административных систем Французской республики, являвшейся унитарным государством, и Германской империи, представлявшей собой совокупность союзных земель, весьма самостоятельных в политическом развитии и правовой традиции.

Анализируя историю развития французских местных законодательных установлений, В.В. Ивановский пришел к заключению, что эта страна представляет собой яркий пример государства, в котором, «наряду с политической свободой господствует начало административной централизации»³³⁴. Идеи же местной автономии, сокращения регламентирующего воздействия правительственных учреждений на местные органы, создания децентрализованного управления в условиях развития во Франции гражданских прав и свобод не имели ни интереса, ни должной поддержки со стороны общественных структур.

Необходимо обратить внимание на правовую и историко-политическую разработку казанским ученым проблем теории и практики общественного самоуправления. Общественное самоуправление, утверждал В.В. Ивановский, являясь «исторически последовательным и национальным», подчиняется «влиянию причин, управляющих ростом местных установлений и местного управления в европейских государствах вообще». Эмпирико-социологический подход с использованием сравнительно-исторического метода с успехом В.В. Ивановский применял и к исследованию местного самоуправления во Франции и Пруссии. Казанского ученого интересовали условия и уровень участия в этих органах представителей различных общественных классов. Объектами исследования В.В. Ивановского стали французские департаменты и прусские округа как учреждения, несущие на себе основную деятельность общественного самоуправления.

В.В. Ивановский указал, что российская система земских выборов более похожа на прусскую, она носит сословный характер и дает преимущество дворянам-землевладельцам. Они занимают самую выгодную позицию в органах самоуправления и России, и Пруссии. Далее, по степени участия в самоуправлении, в Пруссии следовали представители городских общин, где основную роль играли представители капитала. Последнее место занимали представители крестьянства. Причину существования такой системы в Пруссии В.В. Ивановский видел во влиянии исторических факторов, поскольку в предшествующие эпохи именно феодалы и крупные землевладельцы и пользовались правом дворянского самоуправления. Вводя даже такую систему выборов, отмечал казанский ученый, правительству Пруссии стоило больших трудов сломить средневековые формы этого господства и ввести организацию, гарантирующую интересы и других сословий.

Характерной чертой формирования органов французского самоуправления, как показывал В.В. Ивановский, является преобладание не сословного принципа, а так называемого «социального фактора». В условиях всеобщего избирательного права различные социальные

³³² НА РТ. Ф. 977, оп. юридического факультета, д. 627, л. 7.

³³³ *Ивановский В.В.* Преподавание административного права в Берлинском университете. Казань: Типография Казанского ун-та, 1884; *Он же.* Общественное управление в Германии по воззрениям Р. Гнейста // Вопросы государственного управления, социологии и политики. Казань: Типография Казанского ун-та, 1899. С. 270–301.

³³⁴ *Ивановский В.В.* Французская децентрализация // Русская Мысль. 1897. № 9. С. 89–108.

группы были представлены в законодательных советах неравномерно, но «каждая из этих групп, в большей или меньшей степени, участвует в самоуправлении». Этим Франция отличается, по В.В. Ивановскому, от многих государств, «где участие в самоуправлении обуславливается земельным и другим имущественным цензом»³³⁵.

В период дискуссий в российском обществе 1880-х гг. о дальнейшем развитии земских учреждений он сумел выделить и концептуально обосновать прогрессивную тенденцию децентрализации и развития самоуправления. Динамизируя процесс прироста научного знания, В.В. Ивановский разрабатывал исследовательский тезаурус как категориально-понятийную основу своей оригинальной концепции сравнительной муниципалистики.

На основе изучения европейского и российского политического развития В.В. Ивановский сформулировал двухстадиальную модель развития местного самоуправления. Главным вектором первой стадии является преобразование и централизация управления в период «государственного строения», который характеризуется «постепенным увеличением административной власти от периферии к центру», выстраиванием своего рода вертикали власти. Второй стадией, показывал В.В. Ивановский, становится эпоха децентрализации управления и развития самоуправления, которая относится «к периоду существования государства в качестве уже сложившейся политической организации» и характеризуется переходным процессом перехода части «административной власти от центра к периферии»³³⁶.

Итак, в уже ранних трудах В.В. Ивановского ясно прослеживается его приверженность демократическим принципам, характерным в целом для русских либералов – исследователей земства, что выразилось в критическом отношении к имущественному цензу и в требованиях создания бессословной системы земского самоуправления. Он обозначил общую линию развития избирательной системы через замену сословного принципа на ценз имущественный, а тот, в свою очередь, должен быть заменен началом гражданского равноправия. В.В. Ивановский положил начало сопоставительной истории российских земств, сравнивая социальную структуру населения, типологию местного землевладения, состав земских собраний и исполнительных органов. Этим, по сути, определялось социальное лицо и эффективность функционирования земств. Будучи приверженцем современного ему позитивизма, он применял сравнительно-историческую методику, выбрав из земских органов сопредельных губерний два разнонаправлено развивавшихся уездных земства. Он заметил эмпирико-социологическую методологию, позволившую ему возвыситься в своем исследовательском амплуа до уровня «социолога-государствоведа». В.В. Ивановский, вычленив в предмете магистерской диссертации социальные слои-страты с их менталитетом, вывел исследования в новаторское поле социальной истории России.

В дальнейшем В.В. Ивановский продолжил свои научно-теоретические изыскания, распространив свои методологические подходы, выработанные еще при исследовании отечественных земств и зарубежных муниципалитетов, на исследование проблем политической системы, власти, бюрократии и общественного управления. Современные исследователи истории земств считают, что, высказывая рассмотренные выше концептуальные идеи, отечественная либеральная теория самоуправления была чутким барометром настроений широкой российской общественности конца XIX – начала XX вв., выступавшей за развитие демократии и модернизацию российской политической системы.

³³⁵ *Ивановский В.В.* Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1886.

³³⁶ *Ивановский В.В.* Исторические основы земского управления в России // Вопросы государственного управления, социологии и политики. Казань: Типография Казанского ун-та, 1899. С. 189–243.

§ 3. Основы теории государственного управления в трудах Н.А. Волкова и Казанская школа административного права

Николай Андреевич Волков работал на юридическом факультете Казанского государственного университета с 1958 по 1978 г. С 1971 по 1975 г. – он профессор и заведующий кафедрой государственного права и советского строительства.

В числе его наиболее значимых публикаций можно отметить следующие работы: «Органы советского государственного управления в современный период» (Казань, 1962); «Исполнительный аппарат местных Советов депутатов трудящихся (основные вопросы организации и деятельности)» (Казань, 1968); «Высшие и центральные органы государственного управления СССР и союзных республик в современный период» (Казань, 1971); «Научные основы государственного управления в СССР» (Учебное пособие. Казань, 1972 (в соавторстве)).

Одной из главных монографий Н.А. Волкова является его работа «Высшие и центральные органы государственного управления СССР и союзных республик в современный период»³³⁷. В аннотации к работе справедливо отмечается, что за последние годы не было работ, а как показало будущее, больше и не будет, полно освещающих правовое положение центральных органов государственного управления.

Основная методологическая мысль этой монографии, которая не потеряла своей актуальности и в современных условиях, связана с обоснованием системности органов, осуществляющих советское государственное управление. По мнению автора, органы государственного управления представляют собой целостную систему – единый демократически централизованный механизм. Взаимосвязанность и взаимозависимость элементов системы определяется единством общих задач, стоящих перед всей системой органов государственного управления. Место того или иного органа в системе органов государственного управления зависит от объема предоставленной ему компетенции (по кругу вопросов или территориальному масштабу деятельности) и соподчиненности его в отношении других органов государственного управления³³⁸.

Идея системности государственного управления пронизывает многие рассуждения автора. Анализируя систему министерства, автор отмечает существенную разницу в подходах к определению системы министерства. Согласно п. 7 Общего положения о министерствах министерство СССР, одноименные министерства союзных республик, подчиненные им предприятия, организации и учреждения составляют единую систему соответствующего министерства, а в индивидуальных положениях о министерствах СССР в систему министерства включаются также соответствующие органы управления автономных республик, органы управления исполкомов Советов депутатов трудящихся и подчиненные им предприятия, учреждения и организации³³⁹.

Важным элементом системности, по мнению Н.А. Волкова, является проблема возможности и целесообразности передачи полномочий по решению отдельных вопросов другим органам управления или предприятиям, организациям и учреждениям. Министерство СССР может поручать решение отдельных вопросов, входящих в его компетенцию, одноименным министерствам союзных республик, а также предприятиям, организациям и учреждениям союзного подчинения, причем как для разового решения вопросов, так и для неоднократного

³³⁷ См.: Волков Н.А. Высшие и центральные органы государственного управления СССР и союзных республик в современный период. Казань: Изд-во Казанского университета, 1971.

³³⁸ См.: Волков Н.А. Высшие и центральные органы... С. 14–15.

³³⁹ См.: Волков Н.А. Высшие и центральные органы... С. 111.

использования такого права³⁴⁰. Определяющим моментом при даче вышестоящими органами поручения на выполнение какой-то части его полномочий будет играть квалификация, подготовка исполнителей на местах к выполнению поручений³⁴¹.

Передача полномочий возможна не только по вертикали, но и по горизонтали между министерствами. Предоставление права министерствам участвовать в решении отдельных вопросов, затрагивающих интересы другой отрасли, должно сопровождаться установлением правовых гарантий, результативности такого участия. Должен быть выработан порядок совместного решения определенной группы вопросов, надлежащего оформления принятых решений и ответственности перед вышестоящими органами и между собой при невыполнении этих решений³⁴².

В своей монографии автор не рассматривает проблему разграничения компетенции между Союзом и союзными республиками. Тем не менее он очень внимательно и детально анализирует изменение компетенции органов управления при изменении компетенции союзных республик. По его мнению, расширение прав союзных республик, а в соответствии с этим и расширение прав министерств союзных республик, повело к сужению компетенции союзно-республиканских министерств Союза, к установлению за ними лишь общего руководства отраслью в целом и к концентрации основного внимания министерств Союза на наиболее важных проблемных вопросах руководства³⁴³.

Н.А. Волков, вне всякого сомнения, был одним из самых видных специалистов по проблеме системности государственного управления. В частных беседах, при руководстве написанием кандидатских диссертаций, он не раз выражал свое отрицательное отношение относительно возможности перевода на хозрасчет управленческой деятельности. Поэтому в своей монографии он очень скупно освещает эту, весьма популярную тогда среди руководства страны, идею: «П. 22 Общего положения о министерствах предусматривает право перевода структурных подразделений министерства на хозрасчет. В министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР все главные производственные управления министерства в 1968 г. были переведены на хозрасчет. В главных управлениях были созданы советы директоров, что позволило установить более тесные контакты предприятий с министерством и между предприятиями. В апреле 1970 г. министерство в целом переведено на самоокупаемость»³⁴⁴.

Не отрицая ценностей рыночной экономики, он прозорливо отмечал, что это системно чуждые плановой экономике элементы и, рано или поздно, либо они придут на смену плановой экономике, либо существующая планово-директивная система отторгнет их. Жизнь доказала правоту его взглядов, и опыт перевода главков министерств на хозрасчет выявил полную несостоятельность этой идеи.

Системный анализ органов советского государственного управления не мог не коснуться низового звена этой системы. В 1968 г. в издательстве Казанского университета выходит монография Н.А. Волкова «Исполнительный аппарат местных Советов депутатов трудящихся (основные вопросы организации и деятельности)»³⁴⁵. В этой работе обращает на себя внимание подход автора к вопросу, который остается актуальным и в современное время. Проблема соотношения компетенции представительного органа и исполнительно-распорядительного органа остается актуальной и для местного самоуправления. В своей монографии автор дает одно-

³⁴⁰ См. там же. С.114.

³⁴¹ См. там же. С. 114.

³⁴² См. там же. С. 116.

³⁴³ Волков Н.А. Высшие и центральные органы... С. 118.

³⁴⁴ См. там же. С. 132.

³⁴⁵ См.: Волков Н.А. Исполнительный аппарат местных Советов депутатов трудящихся (основные вопросы организации и деятельности). Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. С. 135.

значный ответ, что Советы депутатов трудящихся и их исполкомы осуществляют две различные формы государственной деятельности. «В деятельности местных Советов, рассматривая ее в целом, осуществляются в настоящий период две формы государственной деятельности: а) местное государственное руководство и надзор, осуществляемые Советом, как собранием депутатов, и его постоянными комиссиями, и б) исполнительная деятельность, т.е. государственное управление, выполняемая исполкомом, его отделами (штатными и общественными), комиссиями при исполкоме и отделах»³⁴⁶.

Заслуживает внимания и другая идея автора. Расширение компетенции местного Совета как собрания депутатов, равно как решение местным Советом отдельных вопросов, входящих в компетенцию исполкома, не меняет их конституционного положения, их места в государственном механизме и не меняет формы государственной деятельности, им присущей³⁴⁷.

Характерной чертой научных исследований Николая Андреевича Волкова была связь абстрактных принципиальных положений с особой точностью к тенденциям, вариантам и деталям. Так, в главе, посвященной отделам и управлениям исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, автор очень внимательно и детально анализирует все варианты организации и деятельности этих органов. Он отмечает, что с разрешения вышестоящих органов перечень отделов и управлений исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся может значительно отличаться от перечня, предусмотренного Конституцией союзной республики³⁴⁸.

В условиях жесткой коммунистической идеологии и весьма неоднозначной практики государственного строительства, следует понять крайне осторожные высказывания автора по ряду проблем. В целом, негативно оценивая практику согласования кандидатур руководителей отделов, до их назначения, с вышестоящими отраслевыми органами³⁴⁹, автор приходит к следующему выводу: «Такой порядок подчинения в соответствии с принципом демократического централизма обеспечивает централизованное руководство в лице вышестоящего органа отраслевого управления, с одной стороны, и полноту власти местного Совета – с другой, конкретное, со знанием местных условий и особенностей руководства местного Совета отраслевым аппаратом управления в соответствии с установками центральных органов»³⁵⁰.

Н.А. Волков как никто другой понимал важность соотношения централизации и децентрализации. Не имея возможности, как большинство ученых советской эпохи, высказать свои мысли более резко и прямо, он акцентировал внимание думающей общественности, что отделы и управления исполкомов являются прежде всего органами соответствующих Советов и их исполкомов³⁵¹.

Сегодня, когда существует ФГОС «Государственное и муниципальное управление» и функционирует широко разветвленная сеть высших образовательных организаций, где преподают государственное и муниципальное управление, трудно представить, что до 1965 г. не существовало таких отраслей советской науки.

Несомненной заслугой Н.А. Волкова является его уверенность в том, что наука государственного управления и наука административного права представляют собой взаимосвязанные, но самостоятельные научные направления³⁵².

³⁴⁶ Волков Н.А. Исполнительный аппарат... С. 36–37.

³⁴⁷ См. там же. С. 32.

³⁴⁸ См. там же. С. 64.

³⁴⁹ См. там же. С. 69.

³⁵⁰ См. там же. С. 70.

³⁵¹ Волков Н.А. Исполнительный аппарат... С. 70.

³⁵² См.: Юсупов В.А., Волков Н.А. Научные основы государственного управления в СССР. Казань: Изд-во Казанского университета, 1972.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что в своей работе авторы рассматривают такие вопросы, которые намного опередили время. Например, наряду с анализом основных вопросов науки управления, они предлагают свою авторскую трактовку предмета, системы и методологии курса «Научные основы государственного управления в СССР». Или, например, они впервые рассматривают информацию как элемент научной организации управленческой деятельности и даже анализируют научные основы этики и эстетики в управленческой деятельности.

Труды профессора Николая Андреевича Волкова были и остаются значительным вкладом в развитие науки административного права и науки государственного управления. Они не потеряли своей актуальности и в современное время, что позволяет уверенно говорить о наличии особой – казанской школы административного права.

§ 4. Республики Российской Федерации в формате современных межнациональных отношений

Национальный компонент российского федерализма и сегодня остается в центре многочисленных научных и политических дискуссий. Можно выделить, по меньшей мере, четыре взгляда на проблему. Первый, «официальный» взгляд: безусловное сохранение существующих принципов и субъектов федерации, ее национально-территориального и асимметричного статуса. Второй: переход к унитаризму, «губернизация», отказ от федерации как формы национально-государственного устройства, от самих республик и прочих форм национальной государственности народов. Третий – компромиссный: переход к унитаризму («унитарный панцирь») с сохранением национально-территориальных (административных) автономий. Взгляд четвертый: сохранение федерации, но построение ее сугубо по территориальному признаку, без учета национального компонента.

Критиков современного российского федерализма и его национальной составляющей объединяет общее стремление либо к полному отрицанию, либо к умалению национального фактора применительно к нерусским народам. Так, один из ведущих российских государствоведов А.Н. Кокотов полагает, что «... объединение на началах федеративного равенства народа, составляющего более 81% населения России, т.е. русских, с остальными ее народами без ущерба для русской нации в любом случае невозможно»³⁵³. И хотя далее он признает, что выбор «...

чисто унитарной модели государственного устройства станет свидетельством игнорирования интересов нерусского населения страны»³⁵⁴, тем не менее такая, даже компромиссная, постановка вопроса плохо сочетается с национальным суверенитетом народов и конституционным принципом их равноправия.

Приходится признать, что сегодня отрицают или умаляют значимость национального компонента российской государственности и ее федеративной основы в целом не только отдельные юристы, ученые и политики, но даже целые политические партии, например, ЛДПР.

Между тем с давних времен Россия строилась как конгломерат многочисленных народов.

Обращаясь к русскому этногенезу, И.А. Ильин писал: «Мы должны были... не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»³⁵⁵.

Именно поэтому, несмотря на великодержавие царизма, государственно-правовые признаки федеративного устройства были присущи и дореволюционной России: взять хотя бы официальный титул российского императора, в котором кроме русских отдельно перечислялись более 20 национальных регионов; Россия признавала автономный статус Финляндии, Польши, Туркестанского края, среднеазиатских ханств. Правда, отношение к инородческим общностям в разное время было неодинаковым и зависело от политических установок центра. Например, Екатерина II и Павел I, по сути, приравнивали своими указами права мусульман «благородного происхождения» к правам русского дворянства. В состав императорского конвоя при Екатерине II входил татарский эскадрон, пользовавшийся особым доверием императрицы. Но позднее произошел откат от этой политики. Так, в 1910 г. по решению П.А. Столыпина было создано «Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-

³⁵³ Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 94.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 13.

мусульманскому влиянию в Поволжском крае». В конце XIX – начале XX веков властями поощрялись черносотенные погромы в местах проживания евреев и жестко ограничивались их права. Подобные факты общеизвестны, и не случайно поощрение черносотенцев в николаевской России, национальный фактор сыграл столь значительную роль в ходе революционных событий 1917 г. и образования Советского федеративного государства.

В наследие от Советской власти нам достались конкретные формы национальной государственности нерусских народов, существующие в качестве этнических субъектов национально-территориальной федерации.

Кому-то это нравится, кому-то нет. Кто-то не без оснований указывает на использование местными национальными элитами своего кадрового и административного ресурса в ущерб их русскому населению («феодалные княжества»), на «горячие точки» в республиках Северного Кавказа и выражает недовольство последствиями «суверенизации» республик, в частности, таких как Башкортостан, Татарстан, Тыва, Якутия-Саха. Все это так. И тем не менее существование форм национальной государственности, именно национально-государственный компонент российского федерализма – это объективная реальность, с которой необходимо считаться и которую нельзя безнаказанно упразднить росчерком властного пера. Поэтому помышлять надо не о том, как бы «губернизировать» Россию или ввести компромиссный национально-административный унитаризм, а о том, как оптимизировать нашу федеративную государственность в формате современных межнациональных отношений, не ущемляя национальный суверенитет как русского, так и нерусских народов. Представляется, что в фокусе этой проблематики находится и республика как наиболее продвинутая форма реализации суверенитета титульной нации, как государство и титульной нации, и русского, и всех других населяющих ее народов.

Но вот вопрос: всегда ли учитывает это обстоятельство федеральный центр? К сожалению, в конце 1990-х гг. и позднее состоялся ряд решений парламента и Конституционного Суда РФ, отнюдь не укрепляющих статус и значение республик как субъектов Федерации. По всей видимости, эти решения стали естественной реакцией на «суверенизацию» республик. Однако их юридическая, а во многом и политическая обоснованность вызывают серьезные сомнения. Можно указать, например, на решения Конституционного Суда РФ, «отменяющие» суверенитет и гражданство республик, на акты Государственной Думы о запрете перехода на латиницу в национальных субъектах Федерации, об отмене в республиках института президентства, о контрольных цифрах, устанавливающих пределы численного состава их парламентов и т.п. Понимая необходимость приведения законодательства республик, как и других субъектов РФ, в соответствие с законодательством Федерации, трудно тем не менее согласиться, например, с тем, что в целях унификации законодательства республикам пришлось изъять из первоначального текста своих конституций главу об избирательной системе: негативные результаты такого изъятия (равно как и отсутствия подобной главы в Конституции РФ) столь очевидны, что не требуют комментариев.

О суверенитете республик. Совершенно напрасны опасения тех, кто считает, будто уважение к суверенному государственному статусу народов, населяющих республики, грозило разрушить Федерацию. Как свидетельствует опыт царской России, разрушить ее способна изжившая себя имперская национальная политика.

Реализуя национальный суверенитет своих народов, высшие представительные органы республик в начале 90-х гг. XX в. приняли декларации о государственном суверенитете республик без выхода из России. Суверенность республик признавалась в федеративном договоре между Российской Федерацией и республиками от 31 марта 1992 г. и также никоим образом не увязывалась с отделением республик от Федерации.

Что касается известных решений Конституционного Суда РФ, принятых в начале 2000-х гг. и отказывающих республикам в государственном суверенитете, то следует иметь в виду,

что позиции Суда в этом вопросе достаточно противоречивы. Так, в своем Постановлении от 13 марта 1992 г. он указал, что с пониманием относится к стремлению многонационального народа Татарстана развивать и укреплять государственность Республики, которое выразилось в принятии Декларации о государственном суверенитете. В дальнейшем это «понимание» куда-то исчезло. Но даже с учетом последующих актов Конституционного Суда РФ, отказывающих республикам в их суверенном статусе, следует иметь в виду, что, принимая подобные акты, Суд в конечном счете решает вопросы позитивного права, а вот теоретические обоснования, из которых он исходит, отнюдь не являются непререкаемыми командными установками для правовой науки³⁵⁶.

Признание и сохранение в правовых актах всех уровней понятия «суверенитет республики» не только бы не разрушило федеральную конструкцию, а наоборот, с помощью договоров между центром и республиками, четко разграничивающих предметы ведения и полномочия сторон, облегчило бы в будущем переход России к более высокой ступени демократического устройства – к подлинной субсидиарности и кооперативному федерализму³⁵⁷.

О гражданстве республик. В определении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. указывается, что не существует конституционных оснований для установления республикой (государством) как субъектом Российской Федерации своего гражданства. Тем самым утверждается, будто может существовать государство, не имеющее граждан, что с точки зрения науки конституционного права также представляет собой нонсенс, ибо гражданство есть неотъемлемый атрибут *любого государства*. В США штаты, даже не считаясь государствами, сохраняют свое гражданство. Государство адресует свои законы и властные полномочия прежде всего своим гражданам, а не просто населению, которое может включать и иностранцев, и апатридов. Не случайно российский Закон о гражданстве от 28 ноября 1991 г. допускал гражданство республик в единстве с гражданством федерации, он действовал еще в течение восьми лет и после принятия Конституции РФ 1993 г. И лишь в 2001 г. Конституционный Суд РФ высказался против гражданства республик, а его позиция безусловно была учтена Федеральным Собранием РФ при принятии Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 21 мая 2002 г., в котором гражданство республик уже не упоминается (хотя прямо не запрещено). Из закона исключен такой непрременный атрибут государственности республик, как гражданство, хотя и в Конституции РФ до сих пор отсутствует норма, запрещающая этот институт в республиках.

О договорной практике. В свое время Договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан от 15 февраля 1994 г. не только положил начало договорным отношениям органов России и ее субъектов, но и стал важным звеном в выстраивании здания российского федерализма, а для нашей Республики – еще и общенациональной идеей, объединившей народы Татарстана с другими народами России на основе доверия и взаимопонимания.

И не наша вина в том, что позднее в стране возобладала властная, можно даже сказать, имперская вертикаль, ограничившая реализацию права ее субъектов на подобные договоренности с центром, закрепленного п. 3 ст. 11 Конституции России.

Хотелось бы заметить, что Договор РФ–РТ от 15 февраля 1994 г. был бессрочным. Статья IX этого Договора предусматривала, что ни Договор, ни отдельные его положения не могут быть отменены или изменены в одностороннем порядке. Тем не менее в 2003 г. законом Рос-

³⁵⁶ Отрицание суверенитета республик в решениях Конституционного Суда РФ вызвало серьезные возражения со стороны некоторых российских государствоведов (см., например: Кочев В.А. Конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации. Пермь, 2005. С. 156.). Упоминания о суверенном характере швейцарских кантонов, мексиканских штатов, о «независимой, суверенной» государственности Баварии в их конституционных актах не помешали, а в чем-то и способствовали современному демократическому развитию федерализма в Швейцарии, Мексике и Германии.

³⁵⁷ См.: Железнов Б.Л. Рецензия на кн.: Фарукишин М.Х., Фарукишин А.М. Современные федерации и их субъекты: сравнительное исследование // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 78–79.

сии было установлено, что договоры центра с субъектами (а к тому времени из 46 подобных договоров уже оставался только один: РФ–РТ), могут действовать не более 10 лет. Из закона также вытекало, что единственный оставшийся Договор от 15 февраля 1994 г. через два года должен был прекратить свое существование. Таким образом, в августе 2005 г. он тихо, без траурных объявлений «скончался». Конечно, Республика могла опротестовать одностороннее решение центра в Конституционный Суд РФ, но по соображениям, о которых можно лишь догадываться, этого сделано не было.

Ныне существующий Договор от 26 июня 2007 г., кстати единственный акт подобного рода в сегодняшней России, безусловно также имеет важное политико-правовое значение, но по своему правовому уровню он далек от межгосударственного Договора России с Республикой Татарстан от 15 февраля 1994 г.

О графике. 15 сентября 1999 г. Государственный Совет Республики Татарстан принял Закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», которая в 30-е гг. XX века уже применялась в Татарской автономной республике и, по мнению лингвистов, полнее учитывала особенности татарского языка. Тем не менее, Законом РФ от 11 декабря 2002 г. было установлено повсеместное применение кириллицы, в связи с чем 12 января 2013 г. Парламент РТ вынужденно признал свой закон о возвращении к латинице утратившим силу.

Между тем п. «е» ст. 71 Конституции РФ относит к ведению Федерации установление лишь основ политики в области культурного и национального развития, а п. «е» ст. 72 относит общие вопросы образования, науки, культуры к совместному ведению РФ и субъектов. Наконец, п. 5 ст. 57 Конституции Татарстана устанавливает, что Республика обеспечивает сохранение и развитие культуры татарского народа и других национальных культур. Аналогичные положения существуют в конституциях и уставах других национальных субъектов РФ. Но разве выбор конкретным народом своей национальной графики относится к основам общегосударственной политики, разве не определяется он культурным менталитетом народа и его национальным суверенитетом?

Избыточная, на наш взгляд, централизация власти и практический отказ от принципа субсидиарности в сегодняшних отношениях между федеральным центром и субъектами РФ безусловно сказывается и на национальных интересах республик³⁵⁸.

Используя позитивный опыт стран так называемого кооперативного федерализма, таких как ФРГ, Бельгия, Швейцария, но с учетом российской специфики, мы могли бы (и должны!) обеспечить по-настоящему демократический характер взаимодействия наших национальных республик, остальных субъектов Федерации с федеральным центром, строить эти отношения на основе координации и реальной субсидиарности.

Немало есть и других актуальных проблем, связанных со статусом республики, с ее экономическим, политическим и социально-культурным потенциалом. А от того, как эти проблемы будут решаться, сможем ли мы уйти от жесткой субординации в отношениях между федеральным центром и республиками, во многом зависят не только характер межнациональных отношений в нашем полиэтническом государстве, но и само будущее России.

³⁵⁸ В сущности, применение принципа субсидиарности, хотя и без упоминания о нем, в отношениях между РФ и ее субъектами предусмотрено ч. 2 и 3 ст. 78 Конституции РФ.

§ 5. Конституционные принципы участия России в межгосударственных объединениях

Россия становится участником не только межгосударственных объединений, не требующих передачи им части собственных полномочий, но и является членом объединений, характер деятельности которых, цели и задачи требуют передачи части суверенных прав наднациональным органам. Например, участие России в Евразийском экономическом союзе предполагает отказ от части суверенных прав в пользу объединения. Существенное перераспределение полномочий в пользу наднациональных органов зафиксировано договорами о создании Европейского союза. Такой подход отражает общую тенденцию, поскольку без наделения собственной компетенцией наднациональные органы не смогут эффективно реализовать поставленные перед ними цели и задачи.

В рамках дискуссии о суверенных правах государства и возможности их передачи иным субъектам власти становится актуальным вопрос о критериях такой передачи. Поскольку важность проблемы весьма высока, желательно определиться с общими подходами в принятии решений, выработать целеполагающие положения, подкрепленные принципами их реализации. Необходима разработка принципов участия государств в межгосударственных объединениях.

Конституция РФ допускает участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях как без передачи части своих полномочий, так с возможностью таковой (ст. 79). Она же закрепляет два условия такой передачи: если это а) не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина; б) не противоречит основам конституционного строя РФ. Существование подобных различий допускает и вариативность принципов, на которых базируется участие России в межгосударственных объединениях. Очевидно, что государства-участники в период становления нового объединения стремятся сохранить влияние национальных органов, обеспечить тем самым приоритетную защиту национальных интересов. Поэтому и принципы, на которых базируется такое интеграционное объединение, предполагают быть соответствующими.

Безусловно, основополагающим принципом является добровольность. Альтернативой ему будет принуждение, наличие которого свидетельствовало бы об утрате государственного суверенитета, о зависимости от иных государств. Этот принцип одинаково реализуем для объединений, предполагающих передачу полномочий государствами-членами, так и не требующей таковой. Он не нашел прямого закрепления в ст. 79 Конституции РФ, но выводим из более общего принципа – суверенитета государства.

Необходимо отметить, что конституционные принципы могут воплощаться в конституционную материю различными способами и иметь различную форму. Рассуждая о конституционных принципах и возможности их отражения в основном законе государства, И.А. Алебастрова отмечает: «... те или иные принципы фактически присутствуют в любой конституции. Вопрос лишь в том, зримым или незримым должно быть это присутствие, следует ли включать принципы в текст конституции или оставить их по большей части подразумеваемыми ...»³⁵⁹.

Выявление «незримых» принципов часто практикуют суды, в компетенцию которых входит толкование основного закона страны, оценки норм законов на предмет их конституционности. Конституционный Суд РФ достаточно активно пользуется возможностью формулировать правовые позиции, содержащие не просто вывод или взгляд на проблему применения конституционной нормы, но и принципы, определяющие направления правотворчества и право-

³⁵⁹ Алебастрова И.А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источников // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 13.

применения. Практика Суда, по сути, есть признание «незримых» принципов, формулирование которых может быть основано на выявлении скрытого смысла конституционной нормы и тех целей, которые ставил перед собой конституционный законодатель. Подобная практика закладывает методологию оценки не только буквального, узкого смысла нормы, но и позволяет выявлять принципы ее реализации. Такой подход применим, в частности, и к оценке нормы ст. 79 Конституции РФ.

Отмеченный выше принцип добровольности участия России в межгосударственных объединениях не может быть уяснен без увязки с принципом суверенности государства. Гарантирование государственного суверенитета является определяющим, поскольку в ином случае теряет смысл всякое участие в межгосударственном объединении в силу превращения его в федеративное государство.

Содержание договора о вступлении (присоединении) в межгосударственное объединение может быть оценено на предмет соответствия Конституции РФ. Признание договора не соответствующим основному закону влечет (как минимум) приостановку процедуры вступления его в силу. Договор, признанный Конституционным Судом РФ противоречащим Конституции РФ, не может быть ратифицирован. Конституционной должна быть и процедура вхождения в объединение. Поэтому принцип конституционности является одним из основополагающих при участии России в межгосударственных объединениях.

С очень высокой долей уверенности можно предположить, что вступление в союз с другими государствами преследует достижение целей, отвечающих интересам страны, ее народа. Отсюда следует вывод о желании получить наибольшие выгоды от такого объединения, что предполагает существование возможности отстаивать свои интересы в союзе. Это достижимо при условии равного участия в решении вопросов управления объединением. Поэтому принцип равенства участников объединения также может быть выделен как основной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.